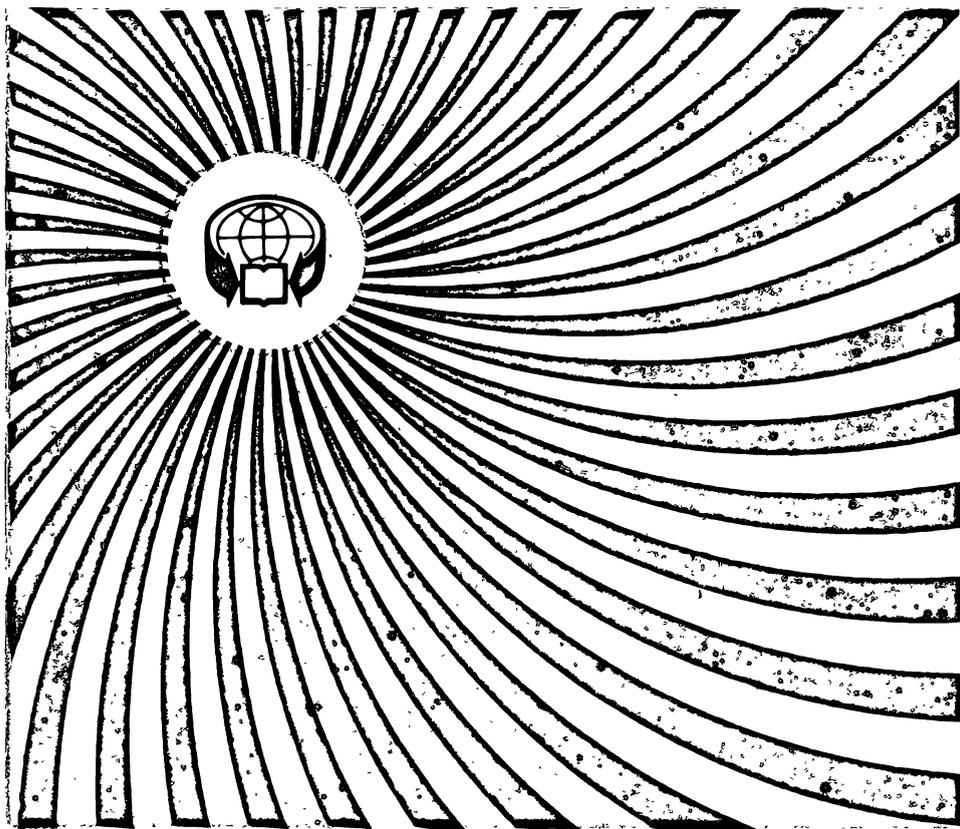

РС

Для служебного пользования

С 0051

Экз. № _____

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ
И РЕВИЗИОНИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ**

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Для служебного пользования

Экз. № (0051

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ
И РЕВИЗИОНИСТСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ**

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

Москва — 1975

Серия: "ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПРОПАГАНДЫ ЗА РУБЕЖОМ"

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ РЕФЕРАТИВНОГО СБОРНИКА
"ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ
И РЕВИЗИОНИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ"

ГОРСКАЯ Б.К., ГУРЕВИЧ П.С., МАРИНКО И.В.,
ФЕДЯКИН И.А. (главный редактор)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
I. КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ И РЕВИЗИОНИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ МАРКСИСТОВ	
Лукашевич Е. Ленинокие принципы мирного осужде- отствования и задачи идеологической борьбы. .	7
Брыхнач В. Задачи марксистско-ленинской филосо- фии на современном этапе.	15
Михайлов С. Идеологическая борьба и демократия. Социализм и его критики (сборник статей). .	21 31
Шрёдер О. "Демократический социализм" - не аль- тернатива реально существующему социализму.	66
Петровицкий И. Методы антикоммунизма в развиваю- щихся странах	80
II. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, КОНЦЕПЦИИ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ	
Шрамм В. Люди, сообщения и средства общения. Подход к человеческой коммуникации.	93
Сеймор-Юр К. Системы общения, политическая культура и партийные системы.	142

Дальмюллер Г., Хунд В., Коммер Х. Критика теле- видения. Изучение манипуляции.	151
Эйделин М. Идеологическая пропаганда и инфор- мация.	169
Бермудо Х.М. Маклюэннизм — идеология технокра- тии.	176
Смайт Д.У. Средства массовой коммуникации и куль- турная революция: китайский опыт.	190
Болинджер Д. Правда — вопрос лингвистический . . .	198

■

Основные направления буржуазной теории пропаган- ды (Аналитический обзор).	205
---	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Институт научной информации по общественным наукам АН СССР начинает выпуск серии реферативных сборников "Идеологическая борьба, теория и практика пропаганды за рубежом".

Различные аспекты идеологической борьбы затрагиваются во многих изданиях, подготавливаемых реферативными отделами ИНИОН АН СССР. В данной серии вопросы идеологической борьбы будут освещаться в связи с империалистической и ревизионистской пропагандой, со средствами массовой коммуникации (этой тематике были посвящены два опубликованных ИНИОН АН СССР в 1974 г. реферативных сборника - "Массовые коммуникации" и "Новейшие тенденции империалистической пропаганды").

Замечания и предложения о содержании сборников серии просим направлять по адресу: Москва, В-418, ул. Красикова, 28/45, Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, сектор общественно-политических проблем.

I. КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ И РЕВИЗИОНИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ МАРКСИСТОВ

ЛУКАШЕВИЧ Е.

**ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ
И ЗАДАЧИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ**

ŁUKASZEWICZ J.

**Leninowskie zasady pokojowego współistnienia a
zadania walki ideologicznej. — "Nowe drogi", W-wa,
1974, N 2, s. 27-38.**

Реферлируемая статья представляет собой текст выступления секретаря ЦК ПОРП Ежи Лукашевича на международной научной конференции в Варшаве, посвященной 50-й годовщине со дня смерти В.И.Ленина, 9 января 1974 г. Автор анализирует ленинские принципы мирного сосуществования, характеризует их роль в международной политике коммунистических партий, рассматривает актуальные вопросы идеологической борьбы на современном этапе.

VI съезд ПОРП, на котором была принята программа ускоренного социально-экономического развития ПНР, отмечает Е. Лукашевич, указал на непреходящую ценность и актуальность ленинских принципов строительства социализма. Как было подчеркнуто на съезде, "только ленинская политика мирного сосуществования позволяет реализовать эту программу".

" В год 50-летия со дня смерти В.И.Ленина, - пишет автор, - мы видим историческое значение его принципиально новой и вытекающей из самой сути марксизма теории международных отношений" (с.28). Когда появилось первое социалистическое государство - СССР, перед рабочим движением встал вопрос: на каких принципах строить отношения между социалистическими и капиталистическими государствами. Ленин дал единственно верный ответ на этот вопрос: отношения между капиталистическими и социалистическими странами должны строиться только на основах мирного осуществления и с помощью мирных методов борьбы. Он решительно отрицал войну как путь к победе революции. В то же время ленинская политика мирного осуществления ни в коем случае не подразумевала угасания мирового революционного процесса.

Сегодняшняя ситуация в мире характеризуется наступлением системы социализма; стремящейся проводить в жизнь принципы мирного осуществления для стран с различным государственным строем. Руководящая роль в этом принадлежит последовательной ленинской политике КПСС. ПОРП, подчеркивает Е.Лукашевич, полностью солидарна с этой политикой и активно поддерживает ее на международной арене.

Автор характеризует мероприятия последних лет, направленные на укрепление мира и создание системы коллективной безопасности.

Ведущей предпосылкой для позитивных перемен в мире, отмечает он, служит согласованная международная политика социалистических государств. Координация в формировании внешней политики в последние годы значительно углубилась и стала нормой отношений между социалистическими государствами.

На современном этапе основные усилия социалистических государств в их внешней политике связаны с ук-

реплением достигнутых позитивных перемен на международной арене, приданием им необратимого характера. Но, как свидетельствуют события на Ближнем Востоке, выступление сил реакции в Чили в сентябре 1973 г. и др., достигнутая разрядка международной напряженности еще не гарантирует всеобщего и полного мира. Определенные группировки в капиталистическом лагере открыто противопоставляют себя политике мирного сосуществования. Это воинствующие антикоммунисты, сионисты, представители крупных военно-промышленных монополий, получающих прибыль от торговли оружием, и т.д. Они делают все, чтобы дискредитировать мирную инициативу социалистических государств, распускают слухи, будто эти предложения носят чисто конъюнктурный характер и выгоды прежде всего странам социализма. Продолжается гонка вооружений, не прекращаются провокации, направленные на обострение международных отношений, время от времени возникают локальные конфликты и войны.

Достижения последних лет, отмечает автор, доказали, что реализация ленинских идей мирного сосуществования и развитие революционного процесса на современном этапе в огромной мере зависят от единства международного рабочего и коммунистического движения, единства и сплоченности всей социалистической системы. Поэтому так вредна для дела прогресса, социализма и мира раскольническая деятельность маоистского руководства КНР.

Выполняя комплексную программу борьбы за мир и разрядку международной напряженности, пишет далее автор, коммунистические партии полностью сознают, что даже признание принципов мирного сосуществования капиталистическими государствами не изменит ни агрессивного характера империализма, ни его классовой сущности. В новых условиях апологеты империализма надеются о по-

мощью новых средств достичь прежних целей — ослабить значение и роль социалистических государств, изменить расстановку классовых сил в свою пользу, вернуть себе утраченное влияние на мировой арене.

Именно поэтому попытки антикоммунизма усовершенствовать свою тактику обостряют идеологическую борьбу. Об этом говорилось и на Советании руководителей коммунистических и рабочих партий в декабре 1973 г. в Москве.

Разрядка напряженности улучшает внешние условия для строительства социализма и коммунизма, открывает новые возможности для мирного развития мирового революционного процесса.

Этого не понимают или не хотят понять маоисты и близкие к ним группы "леваков", утверждающие, что социалистические государства, проводя мирную политику, якобы уступают капитализму, изменяют интересам революционного и освободительного движения. Необоснованность такого рода заявлений очевидна, достаточно лишь непредвзято проанализировать позицию, которую занимают социалистические государства по отношению к социальному и национальному движению, моральную и материальную помощь, которую оказывают социалистические государства этому движению.

В условиях разрядки и нормализации отношений между социалистическими и капиталистическими государствами центр тяжести в непрекращающейся борьбе двух систем перешел из сферы военной в экономическую, политическую, дипломатическую, идеологическую сферы. Экономическое сотрудничество между социалистическим и капиталистическим миром одновременно является и соревнованием, в ходе которого социалистические страны все больше подтверждают, что только они в состоянии создать серьезные и стабильные экономические основы социального развития.

В условиях мирного осуществления, подчеркивает автор, особенно возрастает роль идеологической борьбы. Ее результаты больше, чем когда-либо, отражаются на характере и темпах общественного развития. В современных условиях изменяются и методы этой борьбы. Все большее значение приобретают средства массовой информации. Сфера и интенсивность взаимного влияния возрастают в связи с развитием контактов, связанных с экономическим и научно-техническим сотрудничеством, культурным и туристическими обменами.

В условиях мирного осуществления и связанного с ним усиления международного взаимного доверия, в связи с девальвацией лозунгов так называемой "коммунистической опасности" открываются широкие возможности для пропаганды достижений социалистических государств и лежащих в их основе идей марксизма-ленинизма. "Мы должны пропагандировать свои успехи, — пишет Е. Лукашевич, — показывать тесную связь наших экономических достижений с социалистической формой собственности на средства производства, с социалистическим государственным строем" (с.34).

Идеи социализма, сформулированные основоположниками марксизма-ленинизма и получившие практическое развитие в Советском Союзе и других социалистических странах, важно широко популяризировать во всех уголках мира. В этом содержание идеологической борьбы в условиях мирного осуществления. Историческая ситуация ежедневно меняется в пользу социализма. Исходя из этого, подчеркивает автор, нужно популяризировать цели и задачи международной политики социалистических стран больше, чем когда-либо, нужно воспитывать народы социалистических стран в духе единства и братства.

Особенности современного этапа идеологической борьбы заставляют выдвигать аргументы, понятные широким

кассам. Стратегия идеологического наступления социализма опирается на пропаганду в двух направлениях. Во-первых, необходимо разъяснить, что разрядка международной напряженности и упрочение мира неразрывно связаны с социализмом, а империализм — источник угрозы для мирного развития общества. Во-вторых, важно усилить критику капитализма как отжившей системы общества, убедительно показывать, что только социализм может решить назревшие проблемы развития человечества.

Противники социализма приспособляются к новым условиям. Они вынуждены отказываться от примитивных, потерявших свою эффективность форм идеологической борьбы времен "холодной войны". Главную ставку в политике подрыва стабильности социалистического общества и ослабления единства социалистических стран антикоммунизм делает ныне на "инспирицию" национализма.

"Если раньше наши противники ратовали за "освобождение государств, захваченных коммунистами", — пишет Е. Лукашевич, — то сейчас они пытаются создать впечатление, будто хотят помочь социалистическим государствам в достижении более высокого уровня демократии и свободы. Широко рекламируются так называемые "новые модели социализма", такие, как "народный коммунизм", "гуманистический социализм", "демократический социализм" или даже "этический социализм"... Борьба с таким противником требует хорошей подготовки и глубокой аргументации, основательного изучения и анализа новых теорий с тем чтобы обнажить глубоко скрытые в них корни антикоммунизма" (с.36).

В условиях разрядки международной напряженности империалистическая буржуазия широко использует в качестве союзников как правых, так и "левых" ревизионистов и

оппортунистов, рассчитывая с помощью разного рода восторженности, маоистов и троцкистов расколоть единство международного рабочего движения. В то же время агрессивные и реакционные круги империализма не отказываются и от идеологических диверсий против социалистических стран, стремясь вернуть народы к временам "холодной войны". Важно решительно противодействовать подобным ухищлениям, подчеркивает автор.

Против идеи разрядки направлен, по сути дела, и лозунг "свободного обмена идеями и людьми". Этот лозунг носит мнимо прогрессивный характер и в силу этого приобрел популярность среди определенных кругов общественности капиталистических стран, выступающих за укрепление мира. Но этот лозунг выражает интересы поборников психологической борьбы против социалистических стран. "Свободный обмен идеями и людьми" означает на деле не что иное, как свободное распространение клеветы на социалистические страны, распространение антигуманных идей милитаризма и фашизма, пропаганду национальной вражды и расовой ненависти. "Мы сторонники свободного обмена правдивой информацией по всем проблемам международной жизни, широких непосредственных культурных контактов между людьми, — пишет автор. — Но мы не позволим проводить идеолого-пропагандистские диверсии в этих странах. Никакой обмен идеями не предполагает нарушения суверенности отдельных государств, подрыв их прав, обычаев, традиций" (с.36). Социалистические государства, открыто заявляя о своем наступлении на идеологическом фронте, являются в то же время противниками психологической войны и идеологических диверсий.

"Мы считаем, что углубление идеологического и политического единства с КПСС, с Советским государством и всеми социалистическими странами — наша главная задача, — подчеркивает Е. Лукашевич. — Генеральная линия идейно-вос-

питательной работы ПОРП базируется на убеждении, что будущее, включая международное положение Польши, неразрывно связано с союзом и дружбой с Советским Союзом как передовым социалистическим государством, главной опорой сил прогресса и мира" (с.37). Политика мира, проводимая Советским Союзом и социалистическими странами, создала благоприятную атмосферу для идейно-воспитательной работы ПОРП.

В последние годы коммунистические партии социалистических стран усилили работу по углублению идеологических основ сотрудничества. На международных встречах, научных конференциях, в партийной прессе раскрывалось значение принципов ленинской теории для понимания межпартийных и межгосударственных отношений в рамках социалистического содружества, для углубленной критики ревизионизма, проповедующего национализм, внеклассовый подход к проблемам интернационализма.

Руководство ПОРП, заключает Е.Лукашевич, придает большое значение динамичному развитию контактов между польской общественностью и общественностью братских социалистических стран, видя в этом важную форму укрепления интернациональных связей людей труда. Одной из главных целей идеолого-пропагандистской деятельности ПОРП является постоянное воспитание нового патриотизма - патриотизма социалистического содружества.

Одним из принципов, которым руководствуется в своей внешней политике ПОРП, является признание независимости народов и международной ответственности каждой коммунистической партии. Иллюстрацией деятельности ПОРП в этом направлении служит связь социалистического строительства в Польше с решением больших задач, стоящих перед всем международным рабочим и освободительным движением, задач борьбы за прогресс, свободу народов и мир.

Л.И.Малинина

БРЫХНАЧ В.

**ЗАДАЧИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
ВРХНАЧ В.**

**K úloze marxisticko-leninské filosofie v naší
soudobnosti. - "Filos. čas.", Pr., 1973, roč. 21, č. 6,
s. 905-910.**

В своем выступлении на общечехословацком семинаре марксистских философов и социологов в г. Соленице Властимил Брыхнач подверг критике ревизионистские тенденции, в свое время имевшие место в трудах чехословацких философов, и определил задачи, стоящие перед философами-коммунистами в развитии марксистской философии.

С точки зрения современных перспектив развития социализма основной задачей партии, указывает автор, является "укрепление идеологической и методологической функций марксистско-ленинской философии и ее диалектической связи с практикой социалистического строительства" (с. 905).

Анализ современного состояния философской науки в ЧССР, а также изучение опыта и итогов развития марксистско-ленинской философии должны стать, по мнению автора, одной из предпосылок научной и педагогической работы в этой области.

Современная марксистско-ленинская философия должна уделять внимание как основным мировоззренческим категориям, так и актуальным проблемам современности. Схематический, нетворческий подход к этому вопросу привел в свое время к ревизионистской интерпретации основных принципов, законов и выводов марксистской философии как "догматических", якобы лишенных творческого подхода.

При этом "творческое" приспособление не только к условиям современности, но и к основам философского мышления привело к появлению так называемого "творческого марксизма", который отвергает "традиционный и догматический", "устарелый" марксизм. "Творческое" осовременивание марксизма подводило к "новому" пониманию общества, к различным версиям теорий "индустриального" и "постиндустриального" общества. Это "новое" понимание общественного развития, пишет В.Брыжнач, впитывало в себя, порою модифицируя, многие буржуазно-философские взгляды.

"Новый", "творческий" подход проявился прежде всего в выдвижении так называемой философской концепции человека, отмечает автор.

В марксизме понимание человека имеет конкретно-историческое содержание. В философском антропологизме бытует абстрактное, неисторическое и неклассовое понимание человека. Исходя из этого, "творческий марксизм" строит концепцию человека, с одной стороны, выключенного из общественных связей, абстрагированного от исторического и классового содержания, а с другой стороны, все-таки детерминированного определенными причинными социальными явлениями. Человек "определяется в связи с процессами научно-технической революции в постиндустриальной, и конвергентной интерпретации, в плане абстрактных понятий гуманизма и свободы. Он выступает не как человек социалистического общества и не как человек капиталистическо-

го общества, а как человек индустриального общества" (с.906-907).

Исследование так называемого "социалистического пути к постиндустриальному обществу коммунистического типа" мыслилось как эклектическое соединение марксистской идеологии и элементов идеологии западных мировоззренческих направлений. Этот "синтез" именовался "демократическим социализмом".

Человек в концепциях "индустриального общества" и "демократического социализма" свободен только в следовании конвергирующим тенденциям: "свободен" в науке, избавлен от идеологии, классовости, партийности, "свободен" в критике всего, что до сегодняшнего дня создали марксизм и социализм. "Мы видим, - пишет В.Брыхнач, - что этот человек в действительности является воплощением идеализированного мелкобуржуазного образа жизни и представлений о мире, приспособленных к условиям НТР и западной буржуазной идеологии, которая к нам интенсивно проникала" (с.907).

Определенное влияние на ревизионистскую мысль оказал и неопозитивизм, указывает автор. Он проявлял себя в концепциях "научного управления", проникал в представления о задачах подготовки и образования политических и хозяйственных работников. В основе неопозитивистской концепции "научного управления" лежит представление о человеке-менеджере, специально подготовленном социальном инженером, избавленном от идеологии как ложного сознания. В этом смысле он противопоставлен политику, хозяйственному работнику с марксистско-ленинским образованием и специальной квалификацией.

Такие теории "научного управления" претендовали на то, чтобы стать ядром обучения и подготовки кадров, философия же должна была сыграть второстепенную роль, вы-

полняя лишь общеобразовательную и культурную функции. Главные функции философии — мировоззренческая, идеологическая и методологическая — признавались несущественными.

Все это, пишет автор, перекликалось с взглядами Р.Арона, согласно которым в индустриальном обществе партия профессиональных политиков трансформируется в партию техников и менеджеров, причем итогом этого преобразования является новый "партийный человек" — технократ.

В настоящее время вопросы научной и педагогической работы, отмечает в этой связи В.Брыхнач, должны стать первостепенной заботой партии и предметом критического марксистского анализа. Реальные проблемы, связанные с НТР, ролью науки в современном обществе, управлением, требуют глубокой теоретической разработки как в интересах развития социалистического общества, так и в интересах активизации идеологической борьбы.

Не менее важным является и анализ проблематики личности в условиях развивающегося социалистического общества. "В этих вопросах, — подчеркивает автор, — мы занимаем позиции, которые отличаются от позиций общечехословацкого совещания философов 1966 г. в Иловице" (с.908), признавшего "марксизм предреволюционного периода", охарактеризованный как механико-детерминистический, "неадекватный" новой послереволюционной обстановке. Совещание отметило, что марксизм вступил якобы в новую стадию, и "расширение границ" марксизма обусловлено, согласно сделанным там выводам, проникновением антропологизма и сциентизма. Идеология в этом смысле рассматривалась как нечто внешнее по отношению к философскому и научному познанию.

Подобные элементы составляют характер пресловутого "творческого", "открытого" подхода к философии и к

действительности. "Эти вопросы, — отмечает автор, — позднее анализировались с марксистской точки зрения, но критика не была достаточно последовательной, до сих пор в них существует для нас довольно много неясностей" (с. 908).

В связи с этим, считает В. Брыхнач, важно овладеть марксистско-ленинской методологией и применять ее как в философии, так и в других общественных науках.

Наиболее важен марксистско-ленинский методологический подход в изучении основной проблемы современной философии и других общественных наук — проблемы общества и человека, особенно в отношении к условиям и перспективам социализма и НТР.

В настоящее время в научных кругах выдвинуто мнение о необходимости создания так называемой "интегральной антропологии", т.е. науки о человеке. Оно обосновывается ссылками на современную потребность в комплексном познании человека, в которое включалось бы рассмотрение его биологической, психологической и социальной сущности, специфики его деятельности.

Между тем методологический вопрос о социальной сущности человека в марксистско-ленинской теории, по мнению автора, уже решен принципиально. Поэтому речь должна идти не столько о создании новой науки, сколько об исследованиях проблематики человека в отдельных конкретных науках. При этом интегрирующим фактором станет применение марксистско-ленинских мировоззренческих принципов в анализе проблем взаимоотношения человека и общества.

Развитие социализма требует творческого решения многих новых проблем. Марксистско-ленинская методология призвана служить основой творческого подхода к позна-

нию общественной практики. Не случайно современный ревизионизм старается проникнуть именно в эти основы марксистско-ленинской философии. Усиление ее функций в научном познании связано с ее собственным теоретическим развитием и единством диалектического и исторического материализма, научности и партийности, теории и практики, гносеологической и онтологической сторон, позитивного решения проблем и критики буржуазной философии. Эти вопросы были объектом деструктивного влияния ревизионизма.

Огромное практическое значение, заключает автор, имеет органическая связь теоретической философии с политической практикой, также испытавшей влияние ревизионизма, который пытался отделить не только науку от идеологии (как ложного сознания), "специализированность" от политичности, но также философию и науку от коммунистической партии, ее деятельности ("самоуправление науки", "естественная саморегуляция философии"). Благодаря своим теоретическим, мировоззренческим и идеологическим функциям марксистско-ленинская философия является частью субъективного фактора, оказывающего воздействие на развитие социалистического общества.

И. П. Ермашина

МИХАЙЛОВ С.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ДЕМОКРАТИЯ

МИХАЙЛОВ С.

Идеологическая борьба и демократия.-

"Новое время", С., 1975, № I, с.41-46.

Проф. Стоян Михайлов, кандидат в члены ЦК БКП, заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК БКП, в своей статье пишет, что в современном мире демократия - это одна из проблем, вокруг которой ведется чрезвычайно острая борьба между марксистско-ленинской идеологией, с одной стороны, и буржуазной идеологией, "левыми" и правым ревизионизмом - с другой. "Проблема демократии, - указывает тов. Тодор Хивков, - в частности, социалистической демократии, всегда была актуальной. Но сейчас, в последнее время, она стала особенно актуальной, я бы сказал, даже кардинальной теоретической, политической и идеологической проблемой".

Этот факт можно объяснить, отмечает автор, прежде всего ролью государства как главного орудия регулирования общественных отношений в классовом обществе, защиты основ того или иного общественно-экономического строя и соответствующего этому государству типа демократии. Вот почему, как указывал Ленин, в вопросах государства

и демократии не может иметь место беспристрастие. В этой области наиболее ярко проявляется непримиримость интересов антагонистических классов.

Во-вторых, следует иметь в виду и то, что СССР, а вслед за ним и остальные социалистические страны создали новый, социалистический тип демократии, который не-оравненно выше и привлекательнее для народных масс. Вместе с дальнейшим укреплением и обогащением социалистического общества социалистическая демократия показывает все больше — вширь и вглубь — свои преимущества, становится все более революционизирующим фактором.

Еще больше возрастает реальный пример социалистической демократии в условиях разрядки международной напряженности, которая является прежде всего результатом активной и инициативной политики СССР. В такой обстановке контакты между гражданами различных стран — социалистических и несоциалистических — становятся все более массовыми. Многомиллионные потоки туристов позволяют огромному числу людей ежегодно непосредственно знакомиться с действительностью в других странах. Этому способствует и практически всеобщий доступ к средствам массовой информации. В этих условиях буржуазная пропаганда активизирует свои усилия с тем, чтобы дискредитировать социалистический строй по проблемам демократии, открыть неизлечимый кризис буржуазной демократии.

В-третьих, сама буржуазная пропаганда, вынужденная учитывать изменение соотношения сил в международном масштабе, под влиянием примера социалистических стран постоянно эволюционирует. Меняются отдельные элементы ее содержания и особенно тактические приемы, хотя основная классовая сущность и антисоциалистические цели этой пропаганды остаются неизменными.

Так, например, довольно долго после Великой Октябрьской революции буржуазная пропаганда яростно отрицала

саму возможность существования социалистической власти. Однако сейчас едва ли найдется буржуазный идеолог, не признающий социалистический строй как реальность, имеющую перспективы развития.

В свое время буржуазная мысль глобально отрицала возможность существования общества на основе общественной собственности, его развитие без частной собственности на базе централизованного планирования. Однако с появлением кейнсианских концепций и особенно после второй мировой войны буржуазная мысль пересмотрела и эти положения, а в буржуазной практике не только осуществляется значительное по объему вмешательство и регулирование экономических отношений со стороны монополистического государства, но и создаются межгосударственные организации с этой целью. Более того, мы видим, как буржуазная мысль и практика заимствуют некоторые элементы марксистской теории и практики социалистических стран, пытаются с их помощью смягчить или преодолеть существенные недостатки и пороки капиталистического строя.

Запуск первого советского спутника, наглядно доказавший, что советская социалистическая наука стоит на передовых позициях научно-технического прогресса человечества, вызвал у буржуазных деятелей шок. Социализм больше нельзя представлять как строй невежества, как тормоз культурного прогресса.

Буржуазная пропаганда не может больше отрицать и факт постоянного роста материального и культурного благосостояния народных масс социалистических стран.

Поэтому дальновидные буржуазные идеологи, будучи уже не в состоянии замалчивать подобные факты, направляют свои усилия на их превратное, ненаучное толкование. Однако это совсем не означает, что буржуазная пропаганда

да полностью отказалась от замалчивания и дезинформации как методов идеологической борьбы.

При такой эволюции прицельной точкой буржуазной пропаганды все больше становятся проблемы демократии. Утверждая, что в этом отношении буржуазное общество имеет преимущества перед социализмом, буржуазная пропаганда стремится в максимальной степени эксплуатировать проблемы демократии во имя своих антикоммунистических целей. Дело доходит до того, что целый ряд авторов буржуазных стран пытается объяснить экономические и другие успехи социализма именно отсутствием демократии, ограничением социальной активности, угнетением масс.

Арсенал средств буржуазной пропаганды против социализма по проблемам демократии довольно разнообразен.

Немалое место в нем занимает клевета и фальсификация социалистической действительности.

Нередко практикуется замалчивание ряда существенных процессов и фактов, имеющих место в социалистических странах.

Большие усилия буржуазная пропаганда прилагает и к тому, чтобы навязать свои концепции, особенности и критерии буржуазной демократии как базу для дискуссии. Выдавая демократию за надклассовое явление, она по существу оценивает социалистическую демократию с помощью атрибутов буржуазной демократии, пытается скрыть принципиально новый характер социалистической демократии и тот факт, что она является исторически новой ступенью в развитии демократии вообще.

Наконец, буржуазная теоретическая мысль проявляет большую активность в создании новых теорий по проблемам демократии, которые неправильно обобщают как социальное развитие, так и особенности и тенденции капиталистической действительности. Как пример автор при-

водит теорию Джиласа о "новом классе", до сих пор имеющую хождение в буржуазных и ревизионистских кругах и систематически используемую буржуазной пропагандой. Сюда же он относит и "демократический пессимизм" по поводу научно-технической революции, целый ряд различных элитарных теорий о "массовой культуре" в буржуазных странах, а также теории деидеологизации, конвергенции, постиндустриального общества и т.д., которые затрагивают важные аспекты демократии.

Что же касается содержания буржуазной пропаганды против социализма по вопросу о демократии, то оно сводится к следующему. Демократия — это — де общечеловеческая надклассовая ценность, характерная только для капиталистических стран. Социалистический же строй уже по самой своей природе есть строй "антидемократичный", "диктаторский", "тоталитарный". Некоторые особо ретивые антикоммунисты даже ставят знак равенства между фашизмом и социализмом.

Все эти утверждения буржуазной пропаганды настолько далеки от истины, что ни у кого не вызывает сомнений их клеветнический характер. Но на протяжении десятилетий изо дня в день повторяемые гигантской пропагандистской машиной капиталистических стран, они проникают в сознание некоторых трудящихся. Это одна из причин, обуславливающих тот факт, что часть общественности этих стран мыслит категориями буржуазной демократии. Дело доходит до того, что даже некоторые деятели коммунистических партий отрываются от научного марксистско-ленинского понятия "диктатура пролетариата", противопоставляя его понятию "подлинная демократия".

Все это ставит перед нами серьезные задачи в идеологической борьбе. Необходимо постоянно и решительно повышать ее эффективность. И прежде всего необходимо

уделять еще больше внимания идеологической борьбе по проблемам демократии, ставить их во главу угла наших усилий, направленных на разоблачение буржуазной и ревизионистской идеологии, на дальнейшее наступление марксистско-ленинских идей в мировом масштабе.

Очень важно охватывать процессы и явления в области демократии во всей их сложности, учитывать все нрав-
сц и переходы, ни на минуту не забывая об их классовом характере и функциях.

Автор считает, что для улучшения нашей идеологической борьбы по проблемам демократии особенно важны три обстоятельства.

Во-первых, в борьбе против буржуазной идеологии необходимо гораздо больше и серьезнее опираться на особенности, достижения и тенденции развития реальной социалистической демократии. Социалистическая демократия стала действительностью, в значительной степени определяющей жизненную атмосферу трудящихся социалистических стран. Процессы и факты жизни трудящихся этих стран, повседневно связанные с реальной социалистической демократией, должны быть показаны во всей их значимости, во всех их главных аспектах, они должны быть включены в содержание нашей идеологической борьбы.

Особенно важно в этом отношении органически связать пропаганду принципов социалистической демократии с убедительным показом фактов самой общественной действительности. Теория марксизма-ленинизма о демократии должна излагаться аргументированно и подкрепляться эмпирической, научной, достоверной информацией. Связь принципов с фактической обоснованностью, теории с эмпирическим познанием во много раз повышает эффективность нашей пропаганды. С этой целью необходимо организовать специальные эмпирические социологические исследования.

Сейчас после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда в СССР построено развитое социалистическое общество и разворачивается коммунистическое строительство, после полной победы социалистических общественных отношений в большинстве других социалистических стран наша сила не только в нашей научной марксистско-ленинской теории, но и в том, что эта теория претворена и постоянно претворяется в жизнь, что она превратилась и превращается в объективную реальность, что она все больше подтверждается самой жизнью, что от соприкосновения с ней она становится еще богаче и живее. Масштабы сделанного и того, что делается в области демократии в социалистических странах, поистине огромны. К сожалению, мы все еще не научились достаточно убедительно и ярко показывать этот пример реального социализма, реальной социалистической демократии. И это одна из неотложных наших задач, которую нам предстоит решить.

Во-вторых, показ преимуществ социалистической демократии предполагает точный критерий сравнения. Разработка такого критерия исключительно важна, ибо он в то же время служит основой идеологической борьбы по вопросу демократии. В данном случае исходной точкой для нас служит следующее положение: демократия — это одна из основных сфер, где сегодня соревнуются не просто политические партии и режимы, а прежде всего социальные системы.

Критерий демократии, по мнению автора, не может быть однозначным и одноплановым, ибо сущность демократии определяет как то обстоятельство, чьи интересы выражает социальное управление, кому оно служит, так и то, в какой степени трудящиеся участвуют в формулировании политики, в принятии, выполнении и контроле над управленческими решениями.

В.И. Ленин говорил, что нравственно только то, что служит борьбе за коммунизм; в связи с этим социалистическую демократию можно было бы определить как такой тип политической организации и отношений, которые позволяют социалистическому обществу существовать и развиваться, постоянно развертывать трудовую и социальную активность трудящихся, а личности все больше обогащая оя духовно, всесторонне развиваться. Такая, хотя и предельно абстрактная формулировка критерия демократии выражает органическую связь между развитием социалистического общества, с одной стороны, и социальными ролями и статусом трудящихся и личностью, с другой стороны. Очевидно, его содержание сложно и многопланово. Это вызывает необходимость в конкретизации. Главные направления конкретизации, по мнению автора, следующие.

Прежде всего речь идет о трудовой и социальной активности народных масс — и при принятии решений, и при их выполнении, и при контроле за этим исполнением с учетом главным образом существенных, а не периферийных вопросов общественного развития.

Здесь следует иметь в виду и то, что, поскольку социалистическая демократия обслуживает революционное преобразование капиталистического общества в социалистическое и строительство развитого социалистического общества, верховная цель которого — изменение жизни трудящихся, то очевидно, что их культурный уровень и материальное благосостояние превращаются в первостепенный элемент критерия демократии. С этой точки зрения демократия будет тем совершеннее, чем быстрее и полнее повышается уровень жизни всех трудящихся, уменьшаются существенные социальные различия между общественными группами и расширяются предпосылки для создания социальной однородности общества. Такие задачи буржуазная демократия в принципе ставить не может.

В связи с этим исключительно важным элементом критерия демократии является реальное положение и перспективы личности — с точки зрения как ее участия в управлении, ее прав и обязанностей, так и ее собственного духовного развития. В этом направлении социалистическая демократия продемонстрировала огромные преимущества и возможности, не только ликвидировав массовые процессы деклассирования и отчуждения личности, характерные для буржуазного общества, но и создав могучие стимулы и реальные условия для ее постоянного духовного роста.

Все эти элементы критерия социалистической демократии находят обобщенное выражение в социалистическом образе жизни, для которого характерны качественно новые ценности. В нем наиболее полно, убедительно и бесспорно воплощаются исторические завоевания и одновременно преимущества социалистической демократии, социализма как общественного строя. Разработка этой фундаментальной категории марксистско-ленинской теории — ключ для раскрытия не только степени развития и зрелости социалистической демократии, но и ее огромных преимуществ перед обветшавшей, исторически изжившей себя буржуазной демократией, для дальнейшего усиления нашей идеологической борьбы.

В-третьих, для повышения эффективности нашей борьбы против буржуазной идеологии по проблемам демократии необходимо, чтобы наша теория и пропаганда не ограничивались критикой буржуазных теорий демократии, а еще шире, еще более всесторонне и глубже вскрывали реальное состояние, пороки и ограниченность буржуазной демократии.

Несмотря на то что буржуазная пропаганда шумно рекламирует качества буржуазной демократии, последняя не в состоянии преодолеть массовые процессы отчуждения личности в буржуазном обществе. Они выражаются в целом

ряде явлений, получивших широкое распространение и имеющих тенденции к постоянному росту. Одно из таких явлений — преступность, которая стала бичом буржуазного общества и которая вскрывает его глубоко аморальный характер. Преступность вызвала во всех развитых буржуазных странах и особенно в самой развитой из них — США весьма характерный и распространенный социальный психоз бандитизма, который держит в постоянном напряжении рядового гражданина. Безработица создает и усиливает неуверенность трудящихся в завтрашнем дне. Агрессивная эксплуататорская политика империалистических государств, негуманное использование научно-технических достижений создают для трудящихся атмосферу постоянного социального напряжения. Выражением отчуждения личности является также рост наркомании, как и ряд других подобных явлений в капиталистических странах.

Не отрицая реального значения буржуазно-демократических свобод для рабочего класса и указывая при этом, что исторически они в значительной мере являются результатом борьбы самого рабочего класса, автор считает необходимым вскрывать классовый характер буржуазной демократии, ее в большей или меньшей степени формальный характер для трудящихся. Ничто не показывает гибельность иллюзорных надежд на то, что с помощью форм буржуазной демократии можно будет удовлетворить основные требования масс.

По мнению автора, именно такая полная довательная постановка вопроса о плоскости, подходе и критерии нашей борьбы против антикоммунизма и речизионизма по проблемам демократии приведет нас к неуклонному повышению ее эффективности, к дальнейшему расширению влияния реального социализма, нашей революционной, вечно живой и творческой идеологии в международном масштабе.

И. И. Иванов

СОЦИАЛИЗМ И ЕГО КРИТИКИ

Сборник статей

Социализмът и неговите критици. Съст.
и ред. Д.Митев. С., "Наука и изкуство",
1973. 230 с.

Рефериремият сборник е подготвен от сътрудниците на Института за съвременни социални теории при Президиума на Българската академия на науките и съдържа критически анализ на най-разпространените антимарксистски концепции, които широко рекламират сега представители на буржуазната идеология, антикомунизма и ревизионизма.

Противниците на марксизма, както се отбелязва в сборника, в качеството на главен обект на критика избират съвременното социалистическо общество. Закономерно, подчертава оставителят и редакторът на сборника Д.Митев, че основните нападки на марксистско-ленинската теория от страна на антикомунизма и ревизионизма са насочени преди всичко против общите закономерности на социалистическата революция и на построения на безкласово общество.

В статията на Асена Кожарова "Плюрализъм - оръжие против социализма"¹⁾ се анализира една от най-модерните

¹⁾ Кожаров А. Плюрализъм - оръжие против социализма, с. II-39.

теорий современного антимарксизма — теория "плюрализации" марксизма и социалистического общества. С помощью этой теории идеологи капитализма, антикоммунизма и ревизионизма пытаются доказать, что марксизм-ленинизм нельзя рассматривать как монистическую и целостную теорию, что в его рамках существует немало других "автономных" интерпретаций марксизма, что ленинизм находится в противоречии с марксизмом и что в крайнем случае его можно рассматривать лишь как один из вариантов марксизма, приемлемый лишь для стран со слабо развитой экономикой.

А. Кожаров подчеркивает, что подобные тезисы направлены против коммунистической формации, которая не является якобы неизбежным этапом в развитии человеческого общества, не имеет под собой научной основы. Таким образом, ставится под сомнение правомерность революционной борьбы международного пролетариата.

Автор систематизирует аргументы, которые используют буржуазные "марксологи" и ревизионисты в пользу тезиса "плюрализации" марксизма и социалистического общества, разделяя их на пять групп.

1. Отрицается или обходится молчанием тот факт, что марксизм-ленинизм есть развивающаяся научная теория. Различные этапы развития марксизма, даже отдельные моменты в творчестве классиков марксизма противопоставляются один другому и объявляются самостоятельными "версиями" марксизма.

2. Буржуазные "марксологи" спекулируют на правых и "левых" ревизионистских отклонениях от марксизма. Расхождения между самими ревизионистскими отклонениями — главный аргумент "марксологов" в подкрепление тезиса о "плюрализме" идеологии рабочего класса.

3. Буржуазные авторы ставят знак равенства между борьбой мнений, которая закономерна в развитии любой

науки, любого познания, и борьбой различных идеологий, которая присуща лишь обществу с антагонистическими классами.

4. Многообразие предлагаемых форм построения социализма рассматривается ими как аргумент, отвергающий единую научную теорию научного коммунизма.

5. Подвергается спекулятивной трактовке многообразие конкретных форм, методов, путей практического приложения единой марксистской теории в различных условиях, допускается "право на ошибку" в ходе поиска наиболее подходящих форм, путей приложения марксистского учения в отдельных странах.

Автор подчеркивает научную несостоятельность этих построений, показывая, как сама историческая практика свидетельствует о надуманности приведенных доводов. В статье рассмотрены концепции отдельных буржуазных авторов — Р.Арона, Р.Левенталя, В.Леонарда и др.

А.Кожаров отмечает, что наиболее распространена среди "марксологов" следующая классификация и периодизация истории марксизма-ленинизма.

С их точки зрения "марксизм" охватывает лишь экономические, политические и социальные взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса, "ленинизм" содержит "теоретическую интерпретацию и практическое приложение марксизма В.И.Лениным", "сталинизм" — это идеи Сталина и их практическое воплощение с середины 20-х годов до 1953 г. Кроме того, называется "троцкизм" как "идеология, призывающая пролетариат всех стран к единству и совместным усилиям в борьбе за мировую победу коммунизма", "титонизм", являющийся "теорией и практикой национального коммунизма" в Югославии после 1948 г., "хрущевизм", который "состоял во вкладе Хрущева в коммунистическую доктрину и ее

приложения в СССР в период 1956—1963 гг.", и "маоизм", представляемый как "теория гражданской войны в остальных аграрных колониальных и полуколониальных странах" (с.19).

Сторонники плюрализации марксизма, подчеркивает автор, игнорируют историческое развитие и сегодняшнее состояние международного коммунистического и рабочего движения, сознательно не учитывают историческое развитие марксизма, преувеличивают роль и значение ревизионистских отклонений от марксизма, спекулируют на реальном многообразии форм социалистического строительства, на ошибках, которые допущены в ходе применения единой марксистской теории в различных странах. Надуманное собрание "вариантов" марксизма порою произвольно включает в себя и "флиртующих с марксизмом" буржуазных авторов, таких, как М.Мерло-Понти, Ж.-П.Сартр, К.Корш, Г.Маркузе и др.

То обстоятельство, что "марксологи" являются защитниками буржуазной идеологии и капитализма и противниками социалистического строя и марксизма, по мнению автора, накладывает свой отпечаток на их отношение к различным "версиям" марксизма. Все они отрицательно относятся к подлинному марксизму и весьма благосклонны к различным формам ревизионизма. Так, правый ревизионизм они характеризуют как "творческий", "гуманный", "демократический" марксизм. Благожелательный прием у буржуазных идеологов находят и леворевизионистские отклонения — троцкизм и маоизм, с их ультралевыми авантюристическими тезисами и антисоветизмом. Зато для описания так называемого "советского" марксизма "плюрализаторы" марксизма не жалуют негативных эпитетов — "закостенелый", "догматический", "устарелый", "антигуманный", "бюрократический" и т.д.

Правые ревизионисты в свою очередь стремятся подкрепить идею "плюрализации" марксизма "теоретически-

мя" аргументами. За "необходимость различных вариантов в марксистской философии" выступает один из редакторов загребского ревизионистского журнала "Праксис" П. Враницкий. Другой ревизионист — Л. Колаковский "обосновывает" необходимость множественности марксизма, опираясь на ошибочную концепцию, будто в области общественных наук вообще невозможно достоверное, объективное познание. Некоторые правые ревизионисты, в том числе Д. Ломба, Ю. Радиче, пишет автор, выступают за "право на существование" различных "вариантов" марксизма, исходя из неверно понятого тезиса о необходимости борьбы мнений и свободы критики. Борьба мнений была и будет одной из движущих сил развития марксизма-ленинизма, подчеркивает А. Кожаров, но она не имеет ничего общего с положением плюралистичности истины. Рассматривая далее работы таких ревизионистов, как Р. Гароди, Э. Фишер, автор подчеркивает бесплодность их усилий в поиске доказательства некоей логической необходимости "плюрализации".

Марксизм-ленинизм, пишет А. Кожаров, это цельная развивающаяся комплексная наука, и в этом отношении она не отличается от других наук, не нуждается ни в какой специфической "плюрализации".

Исключительная враждебность "левого" ревизионизма, особенно маоизма, по отношению к марксизму-ленинизму, к политике КПСС и других коммунистических партий, следующих верной марксистско-ленинской линии, дает сегодня немало аргументов "марксологам" в подкрепление их тезиса о праве на существование различных "вариантов" марксизма и неизбежности "противоречий и враждебности" между ними. "Китайский опыт, — пишет автор, — наглядно доказывает, что тезис о различных, в том числе и национальных формах марксизма, содержит в себе потенциальную

опасность регионализма (например, на расовой основе) или национализма... На практике такой "национализированный" "марксизм" проводит не интернационалистскую политику, учитывающую и специфические условия, а национально-ограниченную, великодержавную политику" (с.30).

Рассуждая о социалистическом обществе, апологеты концепции "плюрализма" — буржуазные идеологи и ревизионисты: спекулируют прежде всего на том, что используются различные формы, пути и средства при построении нового социалистического общества, пытаются сыграть на ошибках и деформациях в ходе строительства социализма, в значительной степени вызванных национальными пережитками и другими противоречиями, полученными новым обществом в наследство от капитализма.

Необходимость именно "плюрализованного" марксизма применительно к социалистическому обществу обосновывают в основном по двум линиям:

1) выдвигается тезис о существовании или о необходимости существования различных видов или вариантов социалистической теории, принципиально отличающихся друг от друга; отсюда — каждому "варианту" марксизма соответствует определенная "модель" социалистического общества;

2) предпринимаются усилия обосновать тезис о необходимости для социалистического общества "плюралистической" структуры наподобие капиталистического общества, опираясь на утверждение, будто при социализме "существуют социальные слои и группы с противоположными интересами".

Разоблачая антинаучную трактовку ревизионистскими и буржуазными плюралистами понятия "различные модели социализма", А.Кожаров доказывает, что существует одна единственная, общая теоретическая модель социалистического общества. "Однако на уровне осо-

бенного и единичного можно говорить и о различных моделях социалистического общества, что и находит свое выражение в различных путях к социализму, различных формах пролетарской диктатуры. Но эти модели отличаются друг от друга лишь второстепенными чертами и деталями. Они близки друг другу и сохраняют в себе все закономерности и общие черты единой теоретической модели. Между ними нет и не может быть антагонистических противоречий, поскольку социалистический строй сам по себе не является носителем таких противоречий. Многообразие форм, путей и моделей построения социализма опирается, следовательно, на общие закономерности и монологичное единство социалистического общества" (с.33). "Это не "плюралистическое", а диалектическое многообразие, — заключает автор.—Именно такое многообразие на основе монологичного единства и ведет к полной победе коммунизма" (с.39).

В статье проф. Ангела Тодорова "Спекуляции буржуазных идеологов по проблемам развития социализма"¹⁾ дается критический анализ новейших фальсификаций развития социализма, предлагаемых в последние годы буржуазными идеологами. Автор характеризует как идеологически беспомощные попытки отрицания научных марксистско-ленинских основ социализма и прикрытия с помощью концепций "деидеологизации" и конвергенции коренной противоположности между капитализмом и социализмом.

Автор выделяет следующие основные методологические особенности антисоциалистических концепций:

I. Идеологи антикоммунизма критикуют социализм, прибегая к соединению различных наукообразных теорий,

¹⁾Тодоров А.Ст. Спекуляции на буржуазные идеологи за социализма, с.40-93.

привлекая разнообразные статистические данные и "документальные" материалы.

2. Всесторонние и бесспорные успехи социализма, провал фронтальной антикоммунистической атаки вынуждают идеологов буржуазии и антикоммунизма отказаться от методов голословного отрицания и вульгаризации социализма. Антикоммунисты вынуждены проявлять маневренность и гибкость, модернизировать свои теоретические концепции. Поэтому они нередко пытаются обращаться к своим читателям или слушателям с "революционной" фразеологией, с псевдореволюционными концепциями.

3. Идеологическая борьба буржуазии против социализма находится в глубоком идейном родстве с идеологией правого и "левого" ревизионизма. Границы между ревизионизмом и буржуазной антикоммунистической пропагандой стираются. Более того, между ними укрепляются взаимосвязи, что на практике нередко приводит к совместным действиям.

В идеологическом арсенале буржуазии и антикоммунизма сосуществуют старые, лишь слегка подновленные теоретические концепции и новые теоретические построения, использующие теоретические спекуляции троцкизма, социал-демократии, правого и "левого" ревизионизма. Все они объективно лежат в русле главного направления идеологической стратегии империализма — борьбы против социализма.

"Многостороннее содержание социалистического общества — объект критики и извращений со стороны буржуазных философов, социологов, экономистов, историков, политологов и т.д., — отмечает автор. — Поэтому всестороннее раскрытие научной несостоятельности и политической реакционности буржуазных концепций социализма яв-

ляется комплексной задачей, решение которой требует усилий ученых различных областей обществоведения" (с.41).

Одна из антикоммунистических концепций, извращающих характер и содержание социализма, состоит в отрицании диалектической связи между марксистско-ленинской теорией и социалистическим обществом, практически в отрицании того, что научный коммунизм есть идейно-теоретическая основа реального социализма. Речь идет о так называемой "декоммунизации" теории научного коммунизма. Буржуазные идеологи различных направлений объединяются на почве утверждения, будто победивший социализм не материализовал марксистскую модель социализма и существующее ныне социалистическое общество не имеет ничего общего с марксистско-ленинской теорией социализма, что социализм еще нигде не был осуществлен на деле. Широко пропагандируется и мысль о том, что социалистические формы общественно-экономической организации имеют место будто бы не только в социалистических странах, но и в развитых капиталистических странах. Наконец, в третьем направлении антисоциалистических спекуляций особо подчеркивается, что с научной точки зрения социализм якобы еще слишком неопределен и не изучен (сошлется при этом на теоретические и практические подходы к социализму правых и "левых" ревизионистов, а также на декларации и теоретические концепции социализма в развивающихся странах).

Подменяя исследование объективной социалистической действительности схоластическим анализом социализма, теоретики антикоммунизма приходят к "выводу", что понятие "социализм" на практике не имеет реального обеспечения, не содержит якобы научной ценности, наполнено "абстрактно-идеологическим, утопическим содержанием". На этой основе и во имя "деидеологизации" они предлагают изъять

из научного употребления понятие "социализм". Однако для самих буржуазных идеологов, подчеркивает А.Тодоров, попытки "декоммунизации" теории научного коммунизма "имеют непосредственно практическое, социально-политическое значение" (с.43).

Рассматривая более подробно концепции Артура М. Шлезинджера, Э.Фромма, Жана-Франсуа Ревеля, Э.Бжезинского, У.Бэкингема, Э.Карра и др., автор подчеркивает, что все они стремятся: 1) представить понятие "социализм" лишенным научного содержания и реального примера в практике социалистических стран; 2) "доказать" необходимость исключения понятия "социализм" из научного оборота с помощью концепций "деидеологизации" и "конвергенции"; 3) фальсифицировать марксистско-ленинское учение о социализме с целью извратить характер и содержание самого социалистического общества.

Базируясь на ленинском учении о социализме, автор подвергает критике эти концепции реакционной буржуазной науки. Он подчеркивает, что "категория социализма сочетает в себе единство идеологии и науки". "Поскольку она отражает общественные идеалы рабочего класса и трудящихся, выражает их интересы и противоречит интересам буржуазии, постольку понятие "социализм" идеологично. Одновременно с этим понятие "социализм" отражает и объективные процессы и закономерности общественного развития, включает в себя черты, принципы и законы социалистической общественной формации, конструирует саму модель социалистического общества и в связи с этим имеет непосредственный научный характер и содержание" (с.49).

Пытаясь "декоммунизировать" марксистско-ленинскую теорию, буржуазные идеологи прибегают к новым формам и методам идеологических диверсий. Один из сравнитель-

но новых методов антикоммунизма состоит в сознательном камуфляже качественной противоположности между буржуазной и марксистско-ленинской идеологией. Так, ревностный сторонник этого маневра американский неостропкий Ирвинг Горовиц утверждает: нет разных идеологий — буржуазной и социалистической, есть лишь два аспекта — американский и советский — одной идеологии. Марксизм в этих концепциях предстает не как наука и идеология рабочего класса всего мира, а как разновидность культурного и интеллектуального развития "индустриального общества". По существу, подчеркивает А.Тодоров, в такой "географической" интерпретации вопроса заложена буржуазная идея конвергенции двух противоположных идеологий — буржуазной и марксистско-ленинской. Истинную же сущность идеи конвергенции были вынуждены признать даже такие видные антикоммунисты, как Э.Бжезинский и У.Бэкингем: "Большинство теорий так называемой конвергенции, пишут они, в действительности содержат в себе идею не конвергенции, а поглощения противоположной системы, т.е. социалистической системы" (с.52), — отмечает автор.

Другой маневр буржуазных теоретиков, фальсифицирующих действительное место марксизма-ленинизма как теоретической основы социализма, заключается в попытке представить марксизм-ленинизм как одну из многочисленных теоретических школ социализма. У.Бэкингем идет еще дальше, утверждая, что марксистский метод так и не нашел приложения ни в одной стране. При этом он говорит о существовании английского лейборизма, шведского социал-демократизма и "советского социализма"; по его мнению, первые два вида социализма не были связаны с марксистской теорией, а советский социализм "догматизировал" марксизм. Это, стало быть, "тоталитарный" социализм, практически "не имеющий ничего общего с марксизмом".

По Бэкингеу, право именоваться социализмом имеют скорее монополистические системы в Англии и Швеции, которые он определяет как "социализм с максимальной эффективностью и прогрессивностью" (с.53). Разбирая концепцию У.Бэкингема, А.Тодоров показывает ее бездоказательность и антинаучность.

Значительное место в общем идейно-политическом арсенале буржуазной идеологии и обществоведения занимает вопрос об исторической роли социализма в общественно-историческом развитии. Главный "вывод" антикоммунистов состоит в том, что социализм не представляет собой самостоятельной формации. Все буржуазные идеологи как апологеты империализма решительно отвергают закономерность прихода социализма после капитализма.

Все идеологи буржуазии и антикоммунизма практически согласны с тем, что социализм и коммунизм не являются необходимой формацией в общественном развитии, в то же время их "доказательства" равнообразны, что является, пишет А.Тодоров, "показателем маневренного и модифицированного характера буржуазной идеологии в наши дни" (с.59).

А.Тодоров показывает, что внутри буржуазной идеологии существуют различия между консервативным, неолиберальным и леворадикальным направлениями.

Отрицая историческое место социализма, некоторые идеологи антикоммунизма стремятся теоретически "смазать" коренную противоположность между социализмом и капитализмом, искажая качественное своеобразие как социализма, так и капитализма. Пускаются в ход два теоретических построения: 1) утверждение, что определенные существенные черты, характерные лишь для социализма, стали присутствовать и современному капитализму; 2) признание обособленности социализма и его существенных отличий от капита-

лизма, с одной стороны, и утверждения, будто в ходе "конвергенции" между социализмом и капитализмом осуществляется процесс их унификации и отождествления, с другой. В результате "конвергенции" между двумя противоположными общественно-экономическими системами якобы формируется новый тип общества, которое не будет ни капиталистическим, ни социалистическим.

А.Тодоров подчеркивает, что исходным положением теории "конвергенции" является концепция "индустриального общества". Однако не все идеологи, принимающие теорию "индустриального общества", являются сторонниками идеи "конвергенции". Теоретики консервативного направления антикоммунизма (З.Бжезинский, А.Майер и др.), как и идеологи леворадикального направления (Г.Маркузе, И.Дойчер и др.), не только не разделяют основных положений этой теории, но и выступают как ее решительные противники. В качестве же "истинных" теоретиков "конвергенции" выступают У.Бэкингем, П.Сорокин, У.Ростоу, М.Дюверже и др.

Критикуя их концепции с позиций марксистско-ленинской теории, А.Тодоров подчеркивает, что "буржуазная теория "плюрализма", спекулируя на наличии многообразия общественно-экономических систем, преследует двоякую цель — элслогетику капитализма и отрицание исторического места социализма" (с.78).

Значительная часть идеологов антикоммунизма продолжает представлять социализм не как общество с качественно новыми закономерностями, выраженными в присущей ему политической структуре, духовном и социальном образе жизни, а как одну из форм политической власти, разновидность политического режима в современных условиях.

Рассматривая тезисы У.Ростоу, П.Сорокина, Р.Арона и др., автор подчеркивает их стремление выделить "тота-

литарность" как главное определяющее отличие социализма от капитализма, отождествить коммунизм с фашизмом, отрицая за социализмом и коммунизмом собственное историческое место. Их практическая цель, подчеркивает А.Тодоров, — "направить отвращение народов к фашизму на социализм", "доказать", что бесклассовое общество не является необходимым этапом в развитии человеческой истории, что "социализм как система вреден человечеству, он допустим лишь в остальных странах" (с.84).

На различных этапах развития социализма как теории социального движения и общественно-экономической системы, пишет А.Тодоров, антикоммунизм был вынужден проводить обходные идейно-политические маневры и отступления.

Если в прошлом идеологи антикоммунизма предрекали социализму поражение, исчезновение с исторической сцены, то сегодня они выступают с тезисами "эрозии", "деформации" социализма, но без оптимистической уверенности в том, что предсказываемые ими процессы легко и быстро воплотятся в жизнь.

В новых исторических условиях, при новом соотношении сил между двумя противоположными системами открытая враждебность социализму, как и его бездоказательное отрицание, оцениваются как неэффективное средство идеологического воздействия на народные массы. На передний план идеологической деятельности антикоммунизма выходит "псевдопозитивное отношение к социализму, прикрытое той объективностью, беспристрастностью, доброжелательностью и даже с элементами поучения" (с.85).

Исторический опыт развития социализма, заключает А.Тодоров, свидетельствует как о его стабильности, так и о невозможности его "модернизации" по образцу западной цивилизации. "Единственный путь действительной мо-

дернизации социализма — построение развитого социалистического общества и переход к коммунизму. Об этот всемирно-исторический факт разбиваются все спекуляции антикоммунизма о характере, сущности и перспективах социализма" (с.92).

Анализ основных направлений фальсификации проблемы пролетарской диктатуры правыми ревизионистами проводится Д.Митевым в статье "Некоторые проблемы пролетарской диктатуры и отношение к ним правого ревизионизма"¹⁾.

Марксистско-ленинская теория, пишет автор, рассматривает проблему пролетарской диктатуры как главный вопрос социалистической революции. Именно потому, что теория марксизма-ленинизма о пролетарской революции подтверждена историей, проверена и доказана опытом 14 социалистических государств, ныне она подвергается яростным нападкам антикоммунистов, правых социал-демократов, ревизионистов, троцкистов и т.д., пытающихся дискредитировать идею пролетарской диктатуры.

Буржуазные идеологи, подстрекаемые американскими политиками, пытаясь закамуфлировать глубокий идейный кризис капитализма, объявили крестовый поход против концепции марксизма о диктатуре пролетариата и вообще против научного коммунизма. Создаются претенциозные теории "общества интегрального типа" (И.Сорокин), "технотронной эры" (З.Бжезинский) и т.д.

В своих работах буржуазные идеологи преследуют две основные цели: I) доказать, что социалистические идеи чужды якобы естественной природе человека, обосновать тезис о том, что диктатура пролетариата, построение со-

¹⁾ Митев Д. Някои проблеми на пролетарската диктатура и отношението на десния ревизионизъм към тях, с.94-141.

циализма и коммунизма есть "чисто русское" явление, которое не является объективной закономерностью в развитии общества и не может служить примером для остальных народов; 2) представить капиталистическое общество в розовом цвете, выдать загнивание капитализма за "излечение от старых язв" и за превращение его в "народный капитализм".

Против диктатуры пролетариата направлена и теория современного правого ревизионизма, который выступает на исторической арене с лозунгами "демократического социализма", "новой модели социализма", "гуманного социализма" и т.д. Основным аргументом в его критике идеи пролетарской диктатуры служит понятие демократии, которое трактуется как общее, а не классовое.

Э.Фишер, Р.Гароди и чехословацкие ревизионисты 1968 г. толковали о том, что диктатура пролетариата противоречит демократии, проповедовали, что она "активизирует диктаторские тенденции и парализует демократические тенденции".

Почти во всех своих произведениях Э.Фишер с откровенно антикоммунистических позиций нападал на идею диктатуры пролетариата. Доказывая в конце 60-х годов необходимость для социалистического общества плюралистической системы, он приходит в последней своей книге "Революция есть нечто иное" (1971)¹⁾ к утверждению о том, что "Советский Союз не является социалистической страной".

В отличие от Э.Фишера Р.Гароди не выступает открыто против господства рабочего класса, однако на деле те изменения, которые Р.Гароди предлагает внести в диктатуру пролетариата, означают в конечном итоге гибель реальной власти этого класса.

1) Fischer E. Die Revolution ist anders. Reinbeck bei Hamburg, 1971.

Д. Митов подчеркивает спекулятивный характер рассуждений французского ревизиониста по поводу проблемы базиса и надстройки. Так, развивая тезис о том, что базис капиталистического общества может быть основой как буржуазно-демократической надстройки, так и реакционной фашистской, Р. Гароди проводит мысль о том, что и базис социалистического общества может породить различные типы социализма — как демократического, прогрессивного, так и реакционного, бюрократического. Отсюда его утверждение о том, что "Советский Союз не является социалистической страной" с точки зрения "демократического социализма". Этот тезис почти дословно взят у Э. Фишера. Его развивал и другой австрийский ревизионист — Ф. Марек, бывший член ЦК компартии Австрии, который утверждал, будто "социалистическая революция еще не гарантирует развития по пути социализма".

Д. Митов разоблачает далее антинаучность и антимарксистскую сущность тезисов Р. Гароди о "многобразии моделей социализма", о независимости социалистической надстройки от социалистического базиса, о возможности развития социалистической надстройки в недемократическую, реакционную. Р. Гароди, пишет автор, игнорирует тот факт, что социалистические производственные отношения, экономические закономерности, объективные потребности социалистической экономики исключают такие превращения.

Пример о Китае, к которому охотно обращаются ревизионисты, говорит об относительной самостоятельности надстройки, поскольку политический курс китайского руководства противоречит объективным потребностям китайской социалистической экономики, социалистическим интересам китайского народа. Это еще раз доказывает справедливость марксистского тезиса о том, что в силу относительной самостоятельности надстройки определенный

период времени она может сдерживать развитие базиса. Пример с Китаем никак не может подтвердить правоту Р.Гароди, его тезис о том, что на социалистической базе вообще может существовать и реакционная недемократическая надстройка, пишет Д.Митев. А именно отсюда Р.Гароди выводит возможность "различных моделей социализма".

Одна из особенностей социалистической революции в отличие от буржуазной в том и состоит, подчеркивает автор, что социалистическая революция начинается с захвата власти, буржуазная же им кончается.

На примере Чехословакии и Китая автор рассматривает далее два варианта, показывающих отклонение от общих закономерностей социалистической революции и построения социализма. Однако эти примеры, по мнению Д.Митева, никак не подтверждают существование "новой" модели социализма.

Отстаивая собственную антимарксистскую трактовку соотношения социалистического базиса и социалистической надстройки, Р.Гароди развивает глубоко ошибочные взгляды и о содержании диктатуры пролетариата как орудия построения бесклассового общества. Р.Гароди предлагает некоторые "поправки" к марксистско-ленинскому положению о диктатуре пролетариата. По сути он пытается выхолостить революционное содержание этой идеи.

Фальсифицируя марксизм-ленинизм, ревизионист Р.Гароди, ссылаясь на "указания Ленина", приходит к "выводу", будто, согласно "установившейся в последнюю четверть века в коммунистическом движении догме", из принципов марксизма следует, что:

существование одной партии является условием строительства социализма;

диктатура пролетариата должна осуществляться непременно коммунистической партией;

социалистическая революция предполагает ограничение политических прав буржуазии, лишение ее экономических привилегий.

Полемизируя с Р.Гароди, Д.Митев пишет: "Ни в одной стране, вставшей на путь социализма после второй мировой войны, не имело места ограничение политических прав отстраненной от власти буржуазии. В СССР же это было законной реакцией Советской власти на контрреволюционное поведение русской буржуазии" (с.115).

Если же Р.Гароди под ограничением политических прав буржуазии подразумевает лишение прав организации оппозиционных политических партий, то это действительно имело место, да иначе и быть не могло: социалистическое общество не может допустить, чтобы отстраненная от власти буржуазия создавала легальные штабы контрреволюции.

Ни один марксист, пишет далее автор, не оставил условием строительства социализма существование лишь одной политической партии в странах социализма, возникших после второй мировой войны. В ГДР, Польше, Болгарии, Чехословакии в управлении страной участвует вместе с коммунистической партией ряд других, мелкобуржуазных партий. Это сотрудничество началось еще в годы совместной борьбы с фашизмом. Правда, оно сложилось лишь с теми партиями, которые признавали социалистическую программу и руководящую роль коммунистической партии. Иначе было бы невозможно их участие в строительстве социализма. В обстановке борьбы за власть нескольких партий нельзя осуществить построение социалистического общества, да и сами оппозиционные партии неизбежно превратились бы в штабы контрреволюции.

На основе работ классиков марксизма-ленинизма и практики социалистического строительства автор раскры-

вает процесс перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство, охватывает дискуссию, развернувшуюся вокруг этой проблемы в марксистско-ленинской литературе. Прежде всего обсуждаются проблемы периодизации этого процесса. Одни ученые считают, что пролетарская диктатура имеет исторически преходящий характер и необходима лишь для переходного этапа от капитализма к социализму. Эту наиболее распространенную среди советских ученых концепцию поддерживают и многие болгарские исследователи, однако преобладает другая периодизация — теория "двух этапов": первый — от победы социалистической революции до окончательной победы социализма, второй — вплоть до построения коммунизма.

Другая существующая в болгарской науке концепция рассматривает диктатуру пролетариата как историческую необходимость как для этапа построения развитого социалистического общества в Болгарии, так и для этапа самого развитого социализма, вплоть до окончания первой фазы коммунистической общественной формации.

Однако все марксисты едины в главном:

1. Пролетарская диктатура и общенародное государство — необходимые этапы развития социалистического государства.

2. Независимо от конкретной периодизации этого процесса бесспорно одно: в современных внутренних и международных условиях, несмотря на то что эксплуататорские классы в социалистических странах фактически ликвидированы и имеется тенденция затухания классовой борьбы, "не может быть и речи о роспуске или ослаблении роли карательных органов социалистического государства" (с.122). Ревизионисты же ратуют не только за сокращение периода собственно диктатуры пролетариата, но и за роспуск всех карательных органов социалистическо-

го государства, задача которых — охранять социалистические завоевания масс.

Разбирая далее опыт событий в Венгрии 1956 г., Чехословакии 1968 г., Польше 1970 г., автор показывает, к чему может привести забвение основных принципов марксизма-ленинизма, подпадение под влияние ревизионизма, отход от коренных интересов рабочего класса.

Процесс перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство, пишет в заключение Д. Митев, начинается в ходе строительства социализма. При этом карательные функции пролетарской диктатуры в переходный период сохраняются. БЧП рассматривает современную Болгарию как государство пролетарской диктатуры, в НРБ строится развитое социалистическое общество, но диктатура пролетариата еще сохраняет свои основные черты и функции. Когда социалистическое общество достигает этапа общенародного государства, необходимость в осуществлении карательных мер в обществе, где существует морально-политическое единство, отпадает. Диктатура пролетариата перерастает в общенародное государство. Любая попытка извращения этого объективного, закономерного процесса ведет к ревизионизму.

Одной из важнейших методологических проблем теории, стратегии и тактики социалистической революции и построения социалистического общества — диалектике интернационального и национального, значению этой проблемы в идеологической борьбе, которую ведут на современном этапе социализм и капитализм, посвящена статья Пенё Пенева "Интернациональное и национальное в борьбе за социализм и концепция современного ревизионизма"¹⁾.

¹⁾ Пенев П. Интернационалното и националното в борбата за социализъм и концепциите на съвременния ревизионизъм, с. 159-200.

Наши идеологические противники, подчеркивает автор, стремятся повсюду, где только возможно, насаждать и поддерживать националистические и сепаратистские тенденции в противовес интернациональному сотрудничеству, стремясь таким образом подорвать единство мировой социалистической системы.

При осуществлении этой стратегической задачи антикоммунизм делает ставку на раскольническую деятельность современного правого и "левого" ревизионизма, призывы которого к созданию новой модели социализма, к "национальному коммунизму", к "опоре на собственные силы" и т.п. закономерно сближают его с лагерем антикоммунистов.

В статье разбираются диалектическая взаимосвязь между интернациональным и национальным в строительстве социализма, извращения принципа взаимоотношений между национальным и интернациональным представителями правого ревизионизма и маоистами.

Исходя из диалектико-материалистического понимания неразрывной связи общего и единичного, пишет П.Пенев, марксисты-ленинцы всегда считали и считают, что общие закономерности возникновения и развития социализма находят национально-специфическое выражение в различных странах, что обусловлено различием их исторической обстановки. Взятая отдельно, каждая социалистическая страна воплощает в себе единство общих закономерностей, которые имеют интернациональный характер, с их конкретным, специфическим проявлением.

Национальная специфика общих закономерностей построения социалистического общества обусловлена тем, что рабочий класс в каждой стране является не только отрядом международного пролетариата. Он принадлежит к определенной нации, имеющей самостоятельность в области экономической, политической и культурной жизни. Это означает,

что борьба рабочего класса в любой стране происходит на национальной почве и имеет свою национальную специфику. Интернациональное в ней преломляется через национальное.

Это относится и к строительству социализма. Различные национальные особенности, исторические традиции и экономический уровень страны, входящей в мировую систему социализма, порождают потребность в различных формах, методах, путях построения нового общества. Многообразие форм социалистического строительства как общая закономерность имеет объективный характер как результат того, что социализм сохраняет национальные формы общественного развития.

Строительство социализма представляет, таким образом, диалектическое сочетание интернациональных и национальных процессов; с одной стороны, и при социализме сохраняются национальные формы общественного развития, с другой, социализм — это строй, который создает условия для интенсивной интернационализации всех сторон жизни народов, для их взаимного обличения и обогащения.

Правильное сочетание национальных и интернациональных интересов государств социалистического содружества обеспечивает ситуацию, когда любая социалистическая страна в общих интересах несет ответственность за дело содружества и в то же время общие интернациональные задачи гарантируют осуществление национальных интересов.

Сочетание национальных и интернациональных интересов социалистических стран, пишет автор, выражается в их экономическом, политическом и культурном сотрудничестве, во взаимопомощи и совместной защите завоеваний социализма, соответствует их коренным национальным интересам.

Однако диалектика общего и специфического, интернационального и национального не заключена лишь в неразрывной связи и взаимной обусловленности одного другого. В общем необходимо выделять главное, существенное, решающее для данной группы явлений.

Интернациональное выражает общие классовые интересы и цели рабочих всех наций и стран. Интернационализм, подчеркивает автор, накладывает на рабочий класс и его авангард — коммунистическую партию — ответственность за подчинение национальных интересов интернациональным, классовым.

В то же время, подчеркивает автор, приоритет интернационального над национальным не означает, будто между интересами пролетариата одной страны и интересами пролетариата всех стран существуют какие-либо существенные противоречия.

Применительно к внешней и внутренней политике интернациональную сплоченность, считает автор, необходимо рассматривать не как механическое соединение национальных курсов отдельных партий, а как единую политику, в рамках которой каждая партия имеет широкий простор для решения стоящих перед ней задач.

Отстаивание идеи некоего "нейтралитета" по отношению к социалистическому сотрудничеству есть не что иное, как буржуазно-националистическое толкование "самостоятельности". Именно поэтому коммунистические партии социалистических стран ведут борьбу на два фронта: 1) против шаблонного, догматического понимания процессов социалистического строительства, которое не учитывает национальные, специфические условия отдельных стран; 2) против деформации этих процессов в ревизионистско-националистическом духе.

Диалектическое соотношение между интернациональными и национальными задачами в борьбе за социализм, под-

твержденное исторической практикой мирового коммунистического и рабочего движения, — главная мифья для теоретиков антикоммунизма и современного ревизионизма. Правильное решение этой проблемы мешает реализации их планов — разрушить единство мирового коммунистического движения, мировой социалистической системы. И те и другие пытаются противопоставить национальные интересы интернациональным, подменить интернационализм национализмом. В противовес пролетарскому интернационализму они акцентируют внимание на принципах "независимости", "суверенитета" и т.д.

Извращение диалектического единства национального и интернационального идет по двум основным направлениям: 1) отрицаются или фальсифицируются общие объективные законы социализма и одновременно абсолютизируются специфика перехода к социализму и формы его реализации. Вместо марксистской концепции единой сущности социализма приверженцы этого направления отстаивают теорию "множественности моделей социализма"; 2) механически унифицируются формы перехода к социализму, отрицаются специфические особенности его строительства в различных странах, нивелируется многообразие форм проявления общих закономерностей.

Обе линии не только извращают научное, марксистско-ленинское понимание диалектики национального и интернационального, но и причиняют огромный вред практике социалистического строительства как в национальном, так и в интернациональном масштабе.

Особенно распространено первое направление. Антикоммунисты и ревизионисты стремятся через абсолютизацию специфического в той или иной стране обосновать право на существование теории различных "моделей" социализма,

что по существу направлено на отрицание общих закономерностей социализма, на подрыв единства коммунистических и рабочих партий.

Так, пытаясь отделить ленинизм от марксизма, отрицая интернациональный характер ленинизма, буржуазные идеологи пытаются представить его как специфически русское явление, лишенное универсальности. Известный антикоммунист Э.Бжезинский утверждает, что "ленинский вклад в марксизм исторически ограничен условиями конкретного общества со своеобразными традициями и возможностями, и приложение этой теории к современным условиям атомного века весьма сомнительно" (с.178).

Ленинизм — это "региональное учение, для которого наиболее характерна абсолютизация роли субъективного фактора и использование сельских масс в революции" (с.179), — утверждал и австрийский ревизионист Э.Фишер.

Чехословацкий ревизионист Э.Гольдштюкер и латиноамериканский ревизионист Теодоро Петков указывают на региональный характер Октябрьской революции, подчеркивают своеобразие исторических условий в России, отрицают общенациональный характер победы социализма в СССР. "Советский Союз представляет своеобразную модель социализма, конкретно и абсолютно ограниченную собственными историческими рамками", — писал Т.Петков.

По сути своей это не новые концепции, подчеркивает автор статьи. На абсолютизации специфического, особенного строили свои исторические схемы Шпенглер, Тойнби и др. Творцы расистских, шовинистических и националистских теорий также фетишизировали специфическое. Теоретико-методологическая основа у антикоммунистов и ревизионистов одина.

Изражая марксистско-ленинский принцип соотношения между интернациональным и национальным, современ-

ные ревизионисты все чаще выдвигают теорию "плюрализма" социалистического общества. Они утверждают, что социализм может существовать во многих и разнообразных "моделях", что каждый народ может выбрать свою "национальную модель". Под маской "борцов" против "схематизма" и "шаблона" такие ревизионисты пытаются навязать коммунистической партии другую "модель" социализма, отличающуюся от коммунизма в СССР и странах социалистического содружества.

Чехословацкие ревизионисты Р.Селуцкий, О.Шик делали упор в связи с этим на "подчинение" всех социалистических стран единой "советской модели" социализма, на "неравноправные" отношения между СССР и странами социалистического содружества. Тезис о диктатуре, которая царит якобы в социалистическом содружестве, об ограничении независимости социалистических стран Советским Союзом и КПСС выдвигал Э.Фишер.

Извращая интернациональный характер взаимоотношений КПСС и других коммунистических и рабочих партий, ревизионисты толкуют о субъективизме, волюнтаризме руководства КПСС во взаимоотношениях с другими компартиями, рекомендуют компартиям исходить не из общих интернациональных задач рабочего класса, а из потребностей борьбы прогрессивных сил в своей стране.

Такой националистический, сепаратистский подход, считает П.Пенев, наносит вред не только международному рабочему и коммунистическому движению, но прежде всего той компартии, которая, опираясь лишь на собственный опыт, игнорируя объективный характер национального и интернационального, окажется вне помощи и поддержки остальных компартий.

Еще большую деформацию диалектическая взаимосвязь национального и интернационального получила в концеп-

циях современного "левого" ревизионизма и особенно в теории и практике маоизма. Прикрываясь псевдореволюционной "левой" фразеологией, пишет П.Пенев, маоисты пытаются подменить принципы пролетарского интернационализма националистической и шовинистской политикой. Политический курс Мао Цзэ-дуна основан на субъективистской, волюнтаристской интерпретации марксизма. Истинный интернационализм маоистов, по мнению автора, представляет собой смесь мелкобуржуазного авантюризма и великодержавного шовинизма, прикрытого "левой" фразеологией; он направлен против единства и сплоченности социалистического содружества и мирового коммунистического движения.

Маоисты повторяют клеветнические измышления антикоммунистов об "агрессивности" СССР, приписывая ему ярлык "социал-империализма", возрождают троцкистские измышления о некоем "буржуазном перерождении" Советской власти и т.д.

Очевидна истинная сущность и маоистской теории "сверхдержав" — это, по мнению П.Пенева, модернистская попытка маоистов настроить народы различных стран против СССР, ослабить силу его влияния на национально-освободительное движение, подорвать нарастающее сближение на антиимпериалистической основе сил мирового социализма и освободительной борьбы народов.

С помощью национализма, который служит им испытанным оружием, они пытаются противопоставить друг другу социалистические страны и коммунистические партии. Этой цели подчинена и разработанная ими политика "дифференцированного подхода", с помощью которой они пытаются "обрабатывать" ту или иную социалистическую страну или коммунистическую партию в антисоветском духе. "Дифференцированный подход" проявляется в расширении отношений с одними социалистическими странами и одновременной дез-

информации других, чтобы настроить их против СССР, шантаже и нападках на третьи. Маоисты выдвигают тезис о якобы "неравноправном" участии Болгарии и Венгрии в СЭВ и Варшавском Договоре, пишут о том, что договор СССР с ФРГ был заключен без согласия ГДР, в связи с событиями в декабре 1970 г. возводят клеветнические измышления на ПСРП и т.д.

В противовес сотрудничеству и интернациональной солидарности маоисты выдвигают лозунг "опоры на собственные силы". Фразы китайского руководства о том, что оно придерживается "принципов пролетарского интернационализма", остаются абстрактной фразеологией.

Как показывает политическая практика, пишет в заключение П. Пенев, между маоизмом и правым ревизионизмом не существует принципиальных различий по вопросу о взаимосвязи национального и интернационального, как и по всем другим вопросам марксистско-ленинской теории и практики.

Критике маоистской теории "продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата" посвящена статья Захари Захариева "Антимарксистская сущность маоистской концепции перманентного характера революции"¹⁾.

Излагая позиции современных китайских руководителей по этому вопросу, автор проводит параллель между пропагандой теории о непрерывной революции и известной троцкистской теорией "перманентной революции". В статье приводятся данные, показывающие, что, несмотря на некоторые различия, теория Мао Цзе-дуна является мо-

¹⁾ Захариев З. Антимарксистската сущност на маоистската концепция за перманентния характер на революцията, с. 201-229.

дифицированным вариантом троцкистской трактовки "перманентной революции".

Маоизм как идеология и практика, по мнению автора, является своеобразной смесью мелкобуржуазных взглядов, анархизма, троцкизма. Один из компонентов этой идеологии, оказывающий особенно сильное воздействие на формирование политики и тактики китайского руководства, - троцкистские взгляды.

Некоторые идеи маоисты прямо заимствуют из троцкистского идеологического арсенала другие видоизменяют, приспособлявая их к нуждам текущего момента. Однако независимо от различий между ними, они характеризуются антимарксистской, антиленинской концепцией мирового революционного процесса, сводятся к ультрареволюционным лозунгам на словах и предательству подлиных интересов пролетариата на деле.

Маоисты извращают суть мирового революционного процесса. "Марксистско-ленинской теории социалистической революции маоисты противопоставляют свой тезис "непрерывной революции", заимствованный из концепции перманентной революции Троцкого" (с.204).

Рассмотрев суть и историю возникновения троцкистской концепции, автор подчеркивает: "Со свойственной им мелкобуржуазной нетерпеливостью и авантюризмом маоисты искажили в троцкистской теории перманентной революции эффективное средство одним ударом ликвидировать международный империализм. В полном соответствии с троцкистской схемой, согласно которой мировой капитализм находится в процессе "абсолютного застоя и упадка", маоисты характеризуют современный империализм как "бумажного тигра", который силен лишь на первый взгляд, по существу же - слаб" (с.206).

Пекиньские руководители, подобно троцкистам, абсолютизируют роль и значение революционной войны и воору-

ленного восстания. И широко разрекламированная в Пекине теория "народной войны" представляет собой модифицированную форму троцкистской теории "перманентной революции". Маоисты рассматривают "народную войну" как ряд локальных войн, посредством которых и совершаются революционные преобразования в мире. "Маоисты используют тезис троцкистов о войне как факторе, содействующем революции. Воскрешая давно разоблаченную идею "экспорта революции", они рассматривают военные конфликты как "превосходную революционную ситуацию". Отношение маоистов к странам "третьего мира" говорит об их стремлении практически воплотить в жизнь эту идею" (с.208).

Типичный пример сильного влияния троцкистских взглядов на современных руководителей Китая — их отношение к принципам мирного сосуществования. Они отрицают возможность мирного сосуществования стран с различными общественными системами и рассматривают мировую войну как единственную форму разрешения революционных проблем в мировом масштабе.

Китайские руководители, подчеркивает автор, хотя дискредитировать политику мирного сосуществования стран с различным социальным строем, проводимую СССР и другими социалистическими странами, навязать международному коммунистическому и рабочему движению свой авантюристический внешнеполитический курс. С этой целью они и объявляют мирное сосуществование "ошибочным, антимарксистским и антиленинским".

Автор обращает внимание на "поразительное совпадение" между китайскими взглядами на мирное сосуществование и точкой зрения Троцкого по этому вопросу. Троцкистская линия на то, что русская революция должна или уничтожить международное капиталистическое окружение,

или погибнуть, сама по себе отвергает в принципе возможность мирного сосуществования между Советским Союзом и капиталистическими странами и единственную альтернативу видит в войне. "Не удивительно, — замечает З.Захариев, — что современные троцкисты, объединившиеся вокруг так называемого IV Интернационала, выражают свою солидарность с политикой современных китайских руководителей" (с.210).

Весьма близки, развивая свою мысль автор, взгляды маоистов и троцкистов по вопросу о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране.

"Мао Цзэ-дун, подобно Л.Троцкому, не верит в возможность победы социализма в отдельной стране без предварительного уничтожения империализма во всем мире. Грубо извращая ленинское учение, маоисты утверждают, что с точки зрения ленинизма окончательная победа социализма в одной стране предполагает не только усилия пролетариата и широких народных масс соответствующей страны, но и находится в зависимости от торжества мировой революции и ликвидации эксплуатации человека человеком во всем мире, что приведет к освобождению всего человечества" (с.212).

Сотни миллионов человеческих жизней, которые отнимет ядерная война в современных условиях, маоисты готовы отдать "во имя мировой революции". Новая стратегия, предлагаемая Мао Цзэ-дуном с конца 50-х — начала 60-х годов, содержит в себе прежде всего отрицание переговоров как средства урегулирования спорных вопросов и максималистские лозунги, призывающие к борьбе с империализмом "не на жизнь, а на смерть", что весьма напоминает, подчеркивает З.Захариев, "новую по форме, но оппортунистическую по содержанию фразеологию троцкистов".

Троцкистская концепция "перманентной революции" оказывает значительное влияние не только на формирование

позиции китайского руководства на международной арене, но оказывает существенное воздействие и на внутреннее развитие Китая. Особенно популярна троцкистская идея достижения коммунизма, минуя социалистический этап, что находится в полном противоречии с ленинским учением о социализме. Подобные тенденции автор относит за счет неспособности маоистов серьезно и терпеливо заниматься построением материально-технической базы социалистического общества, что выливается в "мелкобуржуазный энтузиазм" и пренебрежительное отношение к объективным экономическим законам, выражается в своеобразных псевдореволюционных лозунгах.

Ярче всего маоистская концепция "перманентной революции" проявилась в так называемой "великой пролетарской культурной революции". С одной стороны, Мао Цзэ-дун и его последователи рассматривают "культурную революцию" как практическое подтверждение их концепции "перманентной революции", с другой — используют "перманентную революцию" как теоретическое оправдание событий, названных "великой пролетарской культурной революцией".

Тезисы Мао Цзэ-дуна по "культурной революции" свидетельствуют о том, что он продолжает видеть враждебные классы в социалистическом обществе и тогда, когда они не существуют, он преувеличивает силу бывших эксплуататорских классов и одновременно выражает неверие в революционные возможности победившего пролетариата.

Стремясь обосновать неизбежность обострения классовой борьбы в условиях победившего социализма, китайские теоретики создают, наконец, и свою теорию классовой борьбы, согласно которой она проходит через несколько этапов, причем время от времени неизбежно возникает период "большой борьбы". В период социализма, утверждают они, борьба между пролетариатом и буржуазией развивается

оя волнообразно, то поднимаясь, то затухая, что и приводит к периодичности "большой борьбы".

Представляя обострение классовой борьбы как закономерный и неизбежный процесс в социалистическом обществе, Мао Цзэ-дун приходит к выводу о необходимости "перманентной революции", задача которой состоит якобы в том, чтобы предотвратить реставрацию капитализма.

Спекулятивный характер концепции волнообразного развития, подчеркивает З.Захариев, проявился в 60-е годы, когда маоисты попытались обосновать с ее помощью провал своей экономической политики. Так называемый "закон волнообразного развития" был использован ими для оправдания ошибок времени "большого скачка".

Посредством той же концепции перманентной революции, пишет автор, маоисты пытаются обосновать неизбежность "культурной революции" и даже серии революций, в результате которых пролетариат упрочит политическую власть. Фактически они используют теорию "перманентной революции" для оправдания "субъективного произвола при объяснении социальных процессов в социалистическом обществе" (с.219).

Голословные декларации о том, что "великая пролетарская культурная революция" есть великая политическая революция, которую пролетариат ведет против буржуазии, "всех других эксплуататорских классов", разглагольствования о том, будто "она является продолжением и развитием на более высоком уровне Октябрьской революции", ничего не демонстрирует, по мнению автора, кроме чистого субъективизма. Факты убедительно показывают, что в ходе так называемой "великой пролетарской культурной революции" буржуазия, которая все еще существовала в КНР, осталась нетронутой. Крупная ответственность не только не была экспроприрована, но представители буржуазии сохранили свое общественное положение как на оущест-

вущих в Китае смешанных государственно-частных предприятий, так и в восстановленной после "культурной революции" государственно-административной структуре.

Показательно, отмечает далее автор, что буржуазные теоретики не только находят прямую связь между троцкистской теорией "перманентной революции" и концепцией Мао Цзэ-дуна о "непрерывной революции" в условиях диктатуры пролетариата, но и активно используют эту идейную близость, противопоставляя эти теории марксистско-ленинскому пониманию мирового революционного процесса.

Как троцкистская теория "перманентной революции", так и ее китайский вариант, подчеркивает в заключение статьи В.Захариев, не отражает интересов ни китайских трудящихся, ни международного пролетариата. Ультралевые лозунги маоистов находят отклик лишь в среде мелкой буржуазии и определенной части политически незрелой молодежи.

Несмотря на скептическое манипулирование "левыми" лозунгами, неотроцкисты и маоисты по существу служат империализму, его целям разъединить коммунистическое движение, противопоставить друг другу отдельные революционные отряды, ослабить их воздействие на мировой революционный процесс. "Левый" оппортунизм пытается подменить научно обоснованную марксистскую линию революционного движения политическим авантюризмом.

Г.Е.Шоймер

ШРЁДЕР О.

**"ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ" - НЕ АЛЬТЕРНАТИВА
РЕАЛЬНО СУЩЕСТВУЮЩЕМУ СОЦИАЛИЗМУ**

SCHRÖDER O.

Der "demokratische Sozialismus" - keine Alternative zum real existierenden Sozialismus. - "Arbeit", В., 1973, Jg 17, N 10, S.65-70; N 11, S.69-73; N 12, S.66-71.

Подборка статей политолога из ГДР Отто Шрёдера посвящена анализу концепции "демократического социализма", проповедуемой западногерманскими социал-демократами.

Автор отмечает, что в современном мире разгорелась ожесточенная классовая борьба между силами рабочего класса и реального социализма, с одной стороны, и силами империализма и оппортунизма, с другой. Странам социалистического содружества удалось существенным образом изменить политическое соотношение сил в мире в пользу социализма. Даже империалистам, вынужденным приспособляться к изменяющейся действительности, становится очевидно, что мирное сосуществование является единственной альтернативой атомной войне.

Это, однако, не означает того, что классовая борьба между социализмом и империализмом постепенно сходит на

нет или вовсе исчезает. Мирное сосуществование — одна из форм борьбы между двумя социальными системами, при которой милитаристские моменты классовой борьбы отступают на задний план, а на первое место выдвигаются идеологические моменты.

Идеологическая борьба с нашей стороны должна вестись принципиально, бескомпромиссно, в духе марксистско-ленинского мировоззрения и в то же время дифференцировано и действительно, полагает автор. Это в одинаковой мере относится к борьбе как против "левого" оппортунизма, маоизма, так и против социал-реформизма, высту­пающего в форме идеологии "демократического социализма".

В последние годы идеологи правой социал-демократии значительно активизировали свои усилия в пропаганде и распространении этой концепции. Волею за другими направлениями буржуазной идеологии социал-демократы открыли для себя "реидеологизацию" вместо пропове­довавшей ранее "деидеологизации". Один из социал-демократических идеологов Р.Левенталь говорил, что без "всеохватывающей идеи" в настоящее время нельзя было бы проводить никакой действенной политики, осуществляемой стоящими у власти. "Демократический социализм" и подается как такого рода "всеохватывающая идея".

На съезде СДПГ в Ганновере в апреле 1973 г. в целях размежевания с марксизмом-ленинизмом и реально существующим социализмом было выдвинуто требование углубления "основных этических ценностей" "демократического социализма". В качестве центральных в "теории освободного социализма нашего времени" были названы следующие темы: "свободная предпринимательская инициатива", что означает признание частной капиталистической собственности на средства производства, и "соревнование", т.е.

капиталистическая конкурентная борьба в целях достижения максимальной прибыли.

СДПГ стремится разрекламировать "лозерно-политическую актуальность" "социал-демократической альтернативы", подавая ее как "третью возможность" между реальным социализмом и реальным капитализмом.

Проповедуя концепцию "демократического социализма", идеологи социал-реформизма преследуют три главные цели.

I. Они хотят "изнутри" изменить социализм. Манипулируя понятием "демократический социализм", идеологи социал-реформизма пытаются поставить под сомнение правильность, всеобщность и закономерность пути, по которому развивается Советский Союз под руководством своей ленинской партии и по которому идут братские государства социалистического содружества. Фарисейски используя термин "социализм", они хотят так воздействовать на социалистические страны, чтобы изменить их развитие в направлении капитализма.

Растущее влияние Советского Союза и братских социалистических стран вынуждает правых социал-демократических идеологов прибегать к скрытому антикоммунизму. Хотя буржуазия и продолжает придерживаться реакционных и консервативных взглядов, ныне она испытывает все большую потребность в том, чтобы иметь своих представителей — правых и "левых" оппортунистов в рядах рабочего движения. Этим объясняется возрастающее значение социал-реформистской идеологии и политики для буржуазии в современных условиях.

В действительности "демократический социализм" имеет глубоко антисоциалистическую сущность. Этот "социализм" хотел бы реставрировать в ГДР господство буржуазии, капиталистическую частную собственность на средства производства и открыть двери для капиталистической

эксплуатации. Политика мирного сосуществования и признание лидерами СДПГ политической реальности в мире, подчеркивает автор, не изменили классовую сущность социал-реформизма. Все это не означает их шага "влево" и не уменьшает глубокую пропасть между социал-демократической и марксистско-ленинской идеологией.

2. Социал-реформизм хочет увековечить господство империализма, отвлечь от выступлений против государственно-монополистической системы. На словах "демократический социализм" (его называют еще "свободным социализмом") предлагается в качестве "реальной альтернативы необузданному индустриальному обществу"¹⁾. Однако утверждение, будто под лозунгами "демократического социализма" будут разрешены социальные проблемы и противоречия государственно-монополистической системы, не имеет под собой ни малейшего основания. Суть концепции правых социал-демократов по этому вопросу — переход старой реформистской идеи об усилении общественного контроля посредством реформы в рамках капитализма, о превращении "свободного демократического порядка" ФРГ в строй "социальной демократии" благодаря более широкому вмешательству капиталистического государства в экономику. Но империализм не в состоянии изменить собственной сущности. Его недостатки видятся на системе прибыли, эксплуатации человека человеком; они коренятся в капиталистических производственных отношениях и в политической власти крупной буржуазии. Социальные и экономические проблемы нашего времени, подчеркивает автор, неразрешимы без изменения капиталистической системы.

¹⁾ Löwenthal R. Welche Chancen haben linke Bewegungen in den hochindustrialisierten Demokratien? — "Zeit", Hamburg, 1973, 13. Apr.

3. Социал-реформисты стремятся приобрести влияние, завоевать авторитет у молодых независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки. Они рекламируют свою "социал-демократическую альтернативу" как "третью возможность" практического развития этих стран. Тем самым они пытаются увести их от настоящей альтернативы — капиталистического или некапиталистического пути развития. Путь, который они им указывают, является в действительности капиталистическим путем развития, характер которого не могут изменить никакие "социалистические" этикетки.

О. Шрёдер останавливается на этапах формирования концепции "демократического социализма". Он отмечает, что начало образованию этой концепции положил ревизионизм Бернштейна. Эдуард Бернштейн выхолостил революционное содержание марксизма и приблизил его к социал-либерализму, вместе со своими последователями противопоставил марксистской идее пролетарской революции и диктатуры пролетариата оппортунистический тезис о недклассовой демократии. Бернштейнцы отрицали классовый характер буржуазной демократии и распространяли версию о мирном и постепенном вращении в социализм путем реформы и избирательного права. Бернштейн объявил социализм "общечеловеческим", "этическим" идеалом, который одинаково подходит рабочим и буржуазии.

Идеи Карла Каутского также были использованы при попытке теоретической разработки контридеи марксистско-ленинской теории. Учению о диктатуре пролетариата и практике Советской власти Каутский противопоставил оппортунистический тезис о "чистой демократии". Диктатура и демократия рассматривались им как абсолютные противоположности. Каутский отказался от марксистского тезиса о том, что государство есть инструмент господст-

ва правящих классов, отрицал классовый характер власти и демократии.

Как указывает автор, "чистая демократия" К.Каутского с ее всеобщим избирательным правом и парламентаризмом является всего лишь ориентиром на формальные буржуазно-демократические права. Тезис о "чистой демократии" был использован оппортунистами всех направлений для псевдонаучного обоснования политической доктрины "третьего пути", отличного от капитализма и от социализма.

Сформулированное Каутским противоречие между демократией и диктатурой стало преподноситься как основное общественное противоречие, что приводило фактически к отрицанию антагонизма между рабочим классом и буржуазией. Современные социал-реформисты идут вслед за Каутским, когда заменяют классовое противоречие "империализм - социализм", "рабочий класс - буржуазия" противоречием между "свободной демократией" и "коммунистической партийной диктатурой".

Международная социал-демократия, опираясь на идеи Бернштейна и Каутского, продолжила их попытки теоретического обоснования антикоммунистической концепции. Эта тенденция наиболее активно проявилась после создания в мае 1923 г. Социалистического интернационала, объединившего силы центристского оппортунизма, разбитого меньшевизма и правых социал-революционеров.

При дальнейшей разработке концепции "демократического социализма" большую роль сыграла реформистская теория "хозяйственной демократии", основателями которой были Тарнов, Нафтали и Гильфердинг. Центральная идея этой реформистской концепции состояла в "равноправном сотрудничестве" труда и капитала, профсоюзов и предпринимательских союзов. Она должна была реализоваться при

помощи построенных на паритетных началах хозяйственных палат. Согласно этой теории, рабочие, организованные в профсоюзы, должны "вместе руководить хозяйством и участвовать в принятии решений"^{I)}.

Основные понятия концепции "хозяйственной демократии" обязаны своим существованием теории "организованного капитализма" Гильфердинга. В условиях капитализма "хозяйственная демократия" якобы должна дополняться: "политической демократией". Согласно Гильфердингу, монополии могут якобы регулировать, смягчать капиталистическую анархию, противоречия и экономические кризисы. Государственно-монополистический капитализм, регулирование экономики через монополии и государственными органами изображались как "социалистический принцип планомерного производства". При этом игнорировался тот факт, что экономическое регулирование не в состоянии изменить сущности вещей. На капиталистическое государство возлагалась задача дальнейшего развития принципа социалистического планирования в целях реализации "хозяйственной демократии". Все это должно было осуществляться при помощи "контроля" за деятельностью трестов и картелей со стороны государственных органов.

Как указывает автор, теория "хозяйственной демократии", тесно связанная с парламентарными иллюзиями, никогда не смогла бы "перестроить экономику". Эта теория даже не выдвинула требование об устранении классового господства буржуазии, изменении существующего в государстве соотношения сил и создании власти рабочего класса. Сторонники данной теории мечтали достичь социализма

I) Protokoll der Verhandlungen des 12. Kongresses der Gewerkschaften Deutschlands (Breslau, 1925). В., 1925, S. 208.

исключительно путем выборов и коалиций с буржуазными партиями в рамках существующего капиталистического государства. Приход фашистской диктатуры означал явное банкротство концепции "хозяйственной демократии".

После второй мировой войны — в конце 40-х — начале 50-х годов доктрина "демократического социализма" стала приобретать четкие очертания. В конце 50-х — начале 60-х годов этот процесс завершился с принятием новых партийных программ, в которых были сформулированы "основные этические ценности" "демократического социализма".

В то же время, полагает автор, нельзя исходить из того, что в настоящее время существует единая концепция "демократического социализма". Различные течения социал-демократического движения предложили собственные, национальные варианты теории "демократического социализма". В тех странах, где он получил распространение, наблюдается как историческая связь с рабочим движением, так и связь с национальными традициями. Отсюда и различия в ориентации по многим политическим вопросам. В настоящее время в международном социал-демократическом движении есть прогрессивные социал-демократы, которые искренне выступают за демократические изменения в капиталистических странах. В принципе же "демократический социализм" эклектически объединяет в себе как старые оппортунистические теории, так и "современные" буржуазные теории о "едином индустриальном обществе", "пост-индустриальном обществе" и "реформированном капитализме". Немалое влияние на построение современного социал-реформизма оказывает политический клерикализм и буржуазный национализм.

Современные глашатаи "демократического социализма" отрицают, как правило, не только классовую борьбу как

движущую силу развития в антагонистическом буржуазном обществе, но и существование антагонистических классов. Они утверждают, что в развитых капиталистических странах общество якобы уже не носит буржуазно-капиталистического характера. Они называют капиталистическое общество "государством благополучия" или "свободно-демократическим обществом", а класс капиталистов и рабочий класс "социальными партнерами". Нетрудно понять в связи с этим, откуда идет их враждебность по отношению к реально существующему социализму.

О. Шрёдер анализирует социал-реформистскую идею о "качестве жизни" и ее связь с "основными этическими ценностями" "демократического социализма".

Что собственно представляют собой "основные этические ценности" и какое значение им придается? На этот счет у теоретиков "демократического социализма" нет единого мнения. Известный идеолог социал-демократии Г. Ломар полагал, что социал-демократия ФРГ в соответствии с духом Годесбергской программы (1959) руководствуется тем, чтобы такие моральные ценности, как свобода, справедливость и солидарность, были исходным пунктом и лейтмотивом ее политических доктрин¹⁾. При этом "демократический социализм" опирается на неокантианскую философию, а также на такие "современные" философские школы и направления, как буржуазное учение о ценностях (буржуазная аксиология), буржуазную теорию о человеке (буржуазная антропология), религиозную этику и христианский "гуманизм". Кроме того, в его основе лежит фальсификация ранних произведений Маркса.

¹⁾См. Lohmar H. Sozialdemokratie und Kommunismus.- "Zeit", Hamburg, 1972, 21. Apr.

Социализм выдается за некий "духовный идеал", не поддающийся научному обоснованию и практически недостижимый. Он зиждется в их представлении на "основных ценностях" личности. Человек, чье достоинство предстоит реализовать "этическому социализму", понимается не как общественное существо, которое живет и работает в определенных общественных условиях, а как некий абстрактный индивид без всяких социальных связей. Также абстрактно формулируются и вечные "этические ценности" человека.

Свобода, одна из "основных этических ценностей", преподносится как общечеловеческая свобода, как "сумма реализуемых альтернатив действия", которые служат якобы сохранению "свободы действий" и самовыражению человека. О классовом характере любого подхода к свободе намеренно забывают.

Для буржуазии свобода означает неограниченную эксплуатацию, постоянное увеличение прибыли, беспрепятственное политическое давление и духовное порабощение рабочего класса и всех трудящихся. Рабочий класс о понятии свободы связывает свое право ограничения и устранения монополистического господства, отмены капиталистических отношений собственности как основной причины эксплуатации, а также возможности развития общества по пути социализма.

Справедливость апостолы "этического социализма" понимают как равенство шансов для всех людей. Но кто может серьезно оспаривать тот факт, что в капиталистическом мире государственно-монополистические отношения являются препятствием для большей части народа в приобретении знаний и профессии? Больше шансов для трудящихся — это ограничение и преодоление власти монополистов.

Такая "этическая ценность", как солидарность, означает для социал-реформистов христианскую любовь к ближнему.

Насколько возможна такого рода "солидарность" в обществе, расколотом на враждебные классы, где мерилом всего является прибыль, где господствует волчий закон империализма?

Историческая практика нашего времени подтверждает справедливость марксистско-ленинской идеи о том, что в обществе, разделенном на враждебные классы и противоположные социальные системы, не может быть никакой общечеловеческой морали, что все моральные представления носят классовый характер.

Марксизм-ленинизм в противоположность всем фальсификациям признает роль и значение моральных категорий в историческом развитии. Идея освобождения от капиталистической эксплуатации и угнетения, идеал социально справедливого строя, высокий моральный принцип пролетарской солидарности играли и играют в настоящее время (причем гораздо больше, чем когда-либо прежде) важную роль в международном рабочем движении. Марксизм-ленинизм, который так высоко оценивает роль морального субъективного фактора в истории, доказывает одновременно, что не может быть моральных ценностей, существующих независимо от экономического базиса общества.

В противоположность материалистическому пониманию истории поборники "этических ценностей" утверждают, что в основе развития общества лежит мораль. Опираясь на идеалистическое понимание истории, они тем самым утверждают этический идеализм, который видит движущую силу истории не в классовой борьбе (он объявляет ее аморальной), а в "любви к ближнему" независимо от его объективно обусловленной классовой принадлежности. Из всего этого они заключают, что первой задачей является якобы нравственно-культурное развитие человека в смысле общечеловеческих "этических ценностей", которые должны быть

реализованы посредством политического образования и нравственного воспитания человека. Таким должен выглядеть путь гуманизации и преобразования общества.

Теоретики "этического социализма" игнорируют тот исторический факт, что все существовавшие до сих пор "модели", "системы" буржуазных и мелкобуржуазных филантропов и моралистов разбивались при первом столкновении с реальностью капиталистического классового общества.

Понятие "качества жизни" подхвачено идеологами социал-реформизма для того, чтобы, во-первых, оказать противодействие растущему влиянию социализма, и, во-вторых, чтобы незаметно подправить сущность капитализма и представить его в виде изменяющегося и приспособляющегося общества. Новый термин должен отвлечь внимание от того факта, что "капиталистическое общество больше не в состоянии гарантировать большинству населения осмысленное, достойное существование"¹⁾.

Пропаганда "качества жизни" со стороны социал-демократических идеологов связана с критикой таких явлений капиталистического общества, как загрязнение окружающей среды, транспортная проблема больших городов, система образования и т.д. Подобная критика должна создать впечатление, будто речь идет о защите интересов трудящихся. Но когда причины вышеописанных явлений современного капитализма объясняются "ошибочным технико-экономическим развитием", то это, как отмечает автор, не раскрывает действительных корней "социальных недостатков" капитализма. Социал-реформисты заняты в сущности поисками таких методов, которые способствовали бы совершенствованию государственно-монополистической системы.

¹⁾ Hager K. Das Manifest der kommunistischen Partei und revolutionäre Weltprozess. В., 1973, S. 33.

С лозунгом "качества жизни" связывается необходимость разрешения таких проблем, как качество рабочего места, обеспечение старости, транспорт, образование, чистота городов, т.е. поднимаются вопросы, затрагивающие многие сферы жизни трудящихся. Однако предлагаемые социал-реформистскими "улучшателями" "качества жизни" рецепты сводятся всего лишь к государственно-монополистическому регулированию, к более активному вмешательству капиталистического государства в экономическую сферу.

Идеологи социал-демократии не говорят ничего конкретного о том, как устранить "негуманность в трудовой сфере" современного капитализма. И это не случайно, поскольку действительная гуманизация труда предполагает устранение эксплуатации человека человеком. Но ни один из сторонников теории "качества жизни" всерьез не задумывается над тем, чтобы посягнуть на капиталистическую эксплуатацию или ликвидировать ее.

Без устранения капиталистической эксплуатации нельзя построить гуманное общество. Конечно, научно-техническая революция предоставляет материальную возможность повышения качества жизни, развития творческих способностей людей. Однако господство империализма создает препятствия на этом пути, так как ведет "к уничтожению человека и деформации человеческой личности"¹⁾.

Господство монополистической буржуазии, заключает О.Шрёдер, несовместимо с достоинством человека качеством жизни. Новое качество жизни невозможно без нового качества социального строя. Только социалистическое обще-

1) Honecker E. Zügig voran bei der weiteren Verwirklichung der Beschlüsse des VIII. Parteitagés der S.E.D. В., 1973, S.27.

ство заслуживает того, чтобы называться обществом, достойным человека. Только в условиях социализма человек действительно является орудием всех усилий со стороны государства.

Смысл социализма состоит в служении всему народу. Без общественной собственности на средства производства не может быть действительного гуманизма, не может быть социализма. Материальное и культурное удовлетворение человеческих потребностей может быть достигнуто тогда, когда важнейшие сферы общества и производства не будут подчинены интересам прибыли.

Социализм ликвидировал эксплуатацию человека человеком и тем самым впервые в истории создал социальную справедливость. Он создал такую государственную власть, базисом которой является народная собственность как основа планомерного развития производительных сил. Охрана труда, образование для всех, равноправие женщин, забота о здоровье, осуществление основных прав молодежи, человеческие взаимоотношения — все это может быть создано лишь в социалистическом обществе. И это не случайность, а закономерность, так как при социализме именно трудящийся человек находится в центре внимания.

Г.П.Сафронова

ПЕТРОВИЦКИЙ М.

МЕТОДЫ АНТИКОММУНИЗМА В РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАНАХ

PETROVICKÝ M.

Metody antikomunizmu v rozvojových zemích.

— "Nová mysl", Pr., 1974, roč. 28, N 1, s. 169–177.

Одна из главных целей политики антикоммунизма в отношении развивающихся стран — лишить мировую систему социализма, международное рабочее и коммунистическое движение их естественных союзников в революционной борьбе против империализма. Смысл этой стратегии, подчеркивает автор статьи, чехословацкий социолог Мило Петровицкий, — не только удержать бывшие колониальные страны в империалистической зависимости, но и создать из них "резерв империализма в борьбе против социализма".

В работе "Будущее развивающихся стран", изданной Комитетом международных отношений США, его председатель Джон Макклой открыто признает: "В том случае, если коммунистический блок добьется, наконец, успеха в своих усилиях подчинить большинство развивающихся стран своей сфере влияния и нарушит их давние связи с нами,

последствия этого шага для нашей собственной безопасности будут катастрофическими.¹⁾ (с.169).

Развивающийся мир стал свидетелем борьбы империалистических и прогрессивных сил, более откровенной и яростной по своим формам, чем в самих империалистических странах. Там, где старые методы и формы политики империализма терпят провал, он прибегает к новым формам, к более современным, дифференцированным методам, с помощью которых пытается остановить размах народно-освободительной борьбы.

При воздействии на страны "третьего мира" ведущее место в империалистической политике занимают вопросы идеологической борьбы против социалистического мировоззрения. Причины повышенного интереса к идеологии следует искать, по мнению автора, в успехе народно-освободительных революций, которые в ряде развивающихся стран привели к завоеванию государственной независимости.

Автор отмечает также повсеместное падение престижа ведущих капиталистических государств в результате открытой поддержки ими реакционных расистских и колониальных режимов, широкое развитие и популярность социалистических концепций, активизацию политической жизни, охватывающей широкие массы трудящихся в их местах выбора социальных перспектив.

"Изменению ориентации в значительной мере содействовали растущее сотрудничество социалистических стран с развивающимися странами и исторический пример превращения отсталой России за короткий исторический период в современное социалистическое великое государство" (с.170).

¹⁾ См.: The future of the developing nations. Ed. by the Committee for intern. relations. John J. McCloy (Ed.). N.Y., 1970, p. 3-4.

Влияние социалистического мировоззрения в развивающихся странах признают и сами буржуазные теоретики. В книге "Развивающиеся страны - поиски модели"¹⁾, изданной в Нью-Йорке в 1970 г., автор статьи о социалистических моделях в развивающихся странах М.Г.Занинович признает: "Для любого политического обозревателя очевидно, что социалистическое мышление в развивающихся странах... играет огромную роль" (с.170).

Поэтому империалистическая пропаганда стремится опорочить социальные достижения СССР и других стран, очернить внешнюю политику СССР, чтобы помешать сближению развивающихся стран со странами социалистического содружества. Идеологи антикоммунизма подчеркивают "агрессивный и великодержавный" характер советской внешней политики, указывают на существование в СССР "национального гнета", "национальных противоречий" в советском обществе, "расовой неприязни" советских людей к народам Азии и т.д.

Руководители империалистических государств понимают, что причины роста революционных сил лежат в сфере социально-экономических отношений, в стремлении освободиться от политической, экономической, государственной зависимости, которая еще сохраняется как следствие прежнего колониального владычества.

Бывший вице-президент США Г.Хемфри подчеркивал, что "проблемы будущей социально-экономической структуры и внешней политики многих стран Латинской Америки остаются нерешенными. В этих странах марксизм как теоретическая концепция социально-экономического развития представляется возможной альтернативой".

¹⁾См.: *Developing nations; quest for a model*. Ed. by W.A. Beling a. G.O. Totten. N.Y., 1970, p.117.

Поэтому антикоммунистическая пропаганда использует различные средства, чтобы закрепить идеологическое влияние в "третьем мире".

Главным государственным органом антикоммунистической пропаганды США в развивающихся странах является Информационное агентство Соединенных Штатов (ЮСИА), имеющее свои бюро в большинстве развивающихся стран. Сеть таких бюро в Африке опирается на более чем 600 различных организаций, в том числе 203 миссионерских, 173 различных добровольных и школьных организаций. В развивающемся мире ЮСИА распространяет такие периодические издания, как "Topic", "American outlook", "Facts about USA", "Problems of communism" на различных языках для отдельных регионов. Издательства ЮСИА в Бейруте, Маниле, Мехико издают 64 журнала на 26 языках, некоторые из них, например "Free world", выходят полумиллионным тиражом, "News review" в Бейруте выходит тиражом 75000 экз. на английском и арабском языках, "Information and documents" в Маниле и Париже издается тиражом 120000 экз. и т.п.

Только в Индии ЮСИА публикует 44 издания, в том числе "American reporter", выходящий на разных языках и наречиях.

Значительное внимание уделяется изданию книг, особенно для системы образования. Издательская фирма "Franklin books programs inc." с 1952 г. выпустила более 30 млн. экз. книг. Лишь в 1967 г. для школ развивающихся стран было выпущено более чем 200000 учебников. Эти книги и учебники пересылаются в развивающиеся страны как дар американского правительства или продаются по сниженным ценам на книжном рынке развивающихся стран. Эти книги, как правило, написаны опытными специалистами, прожившими ряд лет в развивающихся

странах и умениями "выражаться языком, близким и понятным народам этих стран" (с.171).

Важной областью деятельности является подготовка кадров интеллигенции для развивающихся стран. На эти цели ежегодно выделяются около 200 млн. американских долларов. Лишь в течение 1969/70 учебного года в США обучалось около 10000 студентов из развивающихся стран. Значительное число специалистов обучается американскими преподавателями непосредственно в странах "третьего мира".

В целях пропаганды американского образа жизни в 1961 г. в США был создан "Корпус мира", насчитывающий 15000 членов в 62 странах. Существует план увеличения этого числа до 100000. У американских преподавателей из "Корпуса мира" ежегодно обучается около 10 млн. детей.

Одновременно США создает для развивающихся стран различные специальные учебные институты. Так, в Afro-американском институте, имеющем отделения в большинстве африканских государств, в настоящее время готовятся кадры преимущественно проамериканской ориентации для таких стран, как Ангола, Мозамбик, Родезия, ЮАР и др.

В Американском университете в Бейруте занимается около 3000 студентов из 30 арабских и других развивающихся стран. Центром проамериканизма является и Межамериканская школа в Сан-Хосе. Задача всех так называемых "международных школ", создаваемых США при своих зарубежных представительствах в развивающихся странах, - подготовка проамериканской элиты. Некоторые школы создаются специально для подготовки политического или профсоюзного актива. Так, Afro-американский профсоюзный институт имеет свои отделения в Верхней Вольте, Демократической Республике Конго, Нигерии, Эфиопии и Ке-

нии. В 1968 г. был создан Азиатско-американский институт "свободных профсоюзов".

Для стран латиноамериканского континента профсоюзные кадры готовятся Межрегиональной организацией трудящихся с центром в Мехико. Аналогичные учреждения существуют и для подготовки кадров для политических партий, молодежного и женского движений, для различных общественных организаций.

Важную роль в подготовке кадров играют различные церковные организации. Число американских миссионеров в странах Африки, Латинской Америки и Азии превышает 33000 чел. Миссионеры составляют почти 1/4 всех американских граждан, постоянно проживающих в развивающихся странах.

Только в Демократической Республике Конго в области школьного образования работает около 1000 американских миссионеров. Большинство представителей современной государственной элиты африканских государств - выпускники миссионерских школ. Значительная часть детей современных руководителей освободительного движения обучалась в миссиях, а затем в американских школах на местах или непосредственно в США.

Церковными организациями США создана Международная федерация социальных и религиозных исследований с центром в Брюсселе, сфера деятельности которой - Латинская Америка.

Важную роль в завоевании общественного мнения развивающихся стран играет радио. Это не удивительно, поскольку 80% жителей этих стран неграмотно, а "эпоха транзисторов" позволила распространить влияние радио вплоть до самых отдаленных уголков земного шара. Не считая "Голоса Америки", США дают на Африку около 120 часов радиовещания ежедневно.

Программы "Голоса Америки" ретранслируют только в Латинской Америке на 15 стран 260 радиостанций. Программы ЮСИА передавали в 1966 г. в совокупности 2082 радиостанции на 94 языках.

Телевидение также стало важным инструментом идеологического влияния, особенно на "элиту" развивающихся стран.

Американские компании по идеологической обработке масс в духе "американского образа жизни" дают на развивающиеся страны не только публицистические, но и развлекательные, музыкальные программы. На страны Латинской Америки дается ежедневная 15-минутная программа "Панорама Америки". Телевизионные программы из США занимают в Кении, например, более 60% общего времени телевидения. Специально на развивающиеся страны готовятся серии телевизионных фильмов, раскрывающих "подрывную" миссию в этих государствах дипломатических представителей и миссий социалистических стран.

Значительны числом национальных радио- и телевизионных станций фактически руководят, прямо или косвенно, американские эксперты, причем не только специалисты в области техники и технологии радио и телевидения, но и специалисты по подготовке программ.

Не меньшую активность в антикоммунистической идеологической борьбе проявляют в развивающемся мире и другие развитые капиталистические страны. Ведущее место здесь принадлежит ФРГ. Значительную часть своих идеологических диверсий против развивающихся стран ФРГ осуществляет через государственные культурные институты (35% бюджета МИД ФРГ выделяется на отдел культуры) и специализированные организации, такие, как "Институт Гете" и "Фонд Фридриха Эберта". Только в 1960-1968 годах так называемый "Немецкий фонд помощи развивающимся странам" органи-

зовал 50 семинаров, в которых участвовали 740 африканских журналистов и других работников средств массовой информации и связи.

Повышенное внимание ФРГ уделяет помощи слаборазвитым странам в строительстве радиостанций и их укомплектовании персоналом, прошедшим специальные курсы в ФРГ. Только на Африку ФРГ дает 25 часов вещания ежедневно.

Для ретрансляции своих передач на различных языках народов Африки ФРГ построила специальную коротковолновую станцию в Кигале (Руанда).

ФРГ уделяет большое внимание идеологическому воздействию на систему школьного образования и подготовке национальных кадров интеллигенции развивающихся стран, особенно технической интеллигенции. Идеологическое воздействие, подчеркивает автор, осуществляется на всех ступенях образования — начального, среднего и высшего. Наибольшее внимание специалисты из ФРГ уделяют комплексной программе технического обучения.

Свои традиционные позиции в бывших колониях стремится сохранить и Великобритания. Основными организациями, осуществляющими антикоммунистическую деятельность в развивающихся странах, являются Британский совет (British Council), Би-Би-Си, Центральное бюро информации (Central bureau of information).

Британский совет был основан в 1934 г., в настоящее время насчитывает 5000 служащих и работает под прямым руководством британского Министерства иностранных дел. Совет имеет свои филиалы в 80 странах.

Важной областью работы Совета в развивающихся странах является идеологически направленная деятельность британских библиотек, при которых организованы языковые и другие курсы.

Головой бюджет Британского совета превысил в 1967/68 году сумму 11,7 млн. фунтов стерлингов. Совет имеет отделения в самых отдаленных уголках Азии и Африки и разветвленную сеть подписчиков на книги. Только одна британская библиотека в Карачи направляет за год 100000 наименований изданий 7000 постоянных читателей.

Правительство Великобритании расходует немалые суммы на подготовку кадров для развивающихся стран. Только в 1970 г. в Великобритании обучалось около 70000 студентов из развивающихся стран, причем 11000 — из стран Африки.

В руках британских экспертов фактически сосредоточена и подготовка кадров в бывших британских колониях. Специально подготовленные эксперты выполняют административные функции, занимают различные должности в национальных министерствах образования, культуры и информации ряда развивающихся стран.

Британские учебники распространены в системе образования всех англоязычных стран Африки и частично Азии. Только в 1960 г. Великобритания направила в развивающиеся страны в рамках "взаимопомощи" 3 млн. школьных учебников.

Активно используется также радио и телевидение. Только на страны Африки Би-Би-Си, имеет ежедневно 100 часов вещания, не считая вещания так называемой "международной службы" Би-Би-Си, которое составляет 24 часа в сутки. Британское радио проникает практически в самые труднодоступные районы развивающихся стран.

В программах большинства радиостанций в бывших британских колониях подавляющее число передач подготовлено английским радио, за исключением так называемых "фольклорных программ", которые готовятся силами местных студий с помощью английских экспертов.

Принципы вещания Би-Би-Си. подчеркивает автор. часто вступают в прямое противоречие с политикой правительств отдельных независимых государств, нередко указывающих на явную тенденциозность передач Би-Би-Си.

Телевидение функционирует в большинстве развивающихся англоязычных стран на базе созданных Великобританией студий либо под прямым руководством британских экспертов.

Большинством печатных органов в бывших британских колониях владеют английские фирмы. Многие восточноафриканские газеты входят в объединение "East African standard", принадлежащее монопольному капиталу группы Лонгро с участием английского капитала. Эта группа владеет органами печати в 16 африканских странах.

Значительные позиции в борьбе за влияние в развивающихся странах завоевывает в последнее время Франция. Она широко использует в целях расширения своего идеологического воздействия так называемые "культурные общества" во франкоязычных странах. В развивающихся странах действуют около 78 французских культурных центров и 700 французских библиотек. Франция занимает первое место среди империалистических государств в области издательской деятельности, направленной на развивающиеся страны. Только в Париже издается 30 журналов, предназначенных для африканских стран, кроме того, французский капитал контролирует 35 газет, издаваемых за границей. Первое место среди империалистических держав Франция сохраняет и в области распространения своего влияния на систему образования развивающихся стран. Только в 1968 г. в школах африканских стран работало около 28000 французских учителей. В период 1969-1970 гг. во Франции обучалось более 6000 студентов из стран Африки. В 1965 г. в развивающихся странах в разном качестве работали 14000 французских экспертов. 6000 служащих на-

считывал так называемый "Корпус доброгольцев прогресса", который является по сути дела французским вариантом американского "Корпуса мира".

Координацию идеологической деятельности в развивающихся странах во Франции осуществляет межминистерский комитет во главе с генеральным директором, который непосредственно подчиняется службе главы правительства.

Важной областью идеологической пропаганды является деятельность ведущих агентств печати империалистических стран, таких, как "Рейтер", "Ассошиэтед пресс", "Франс пресс", ЮПИ, ДПА и т.п. Информация, предоставляемая этими агентствами, в ряде стран является единственным материалом, на основе которого руководители правительств принимают важнейшие решения при проведении внешней политики. На первый взгляд, услуги, предоставляемые империалистическими агентствами печати развивающимся странам, дешевы и удобны, однако в целом их деятельность не столько способствует общественно-политическому развитию этих стран, сколько тормозит его. Наблюдающиеся случаи нарушения монополии ведущих информационных агентств являются, подчеркивает автор, следствием принципиальных политических решений правительств отдельных развивающихся стран, свидетельством тенденции этих стран к поискам путей освобождения от империалистической зависимости.

Далее автор останавливается на разборе новой антикоммунистической концепции — кооперации двух систем и помощи развивающимся странам. Она была разработана группой специалистов по проблематике развивающихся стран еще в период нахождения у власти в США администрации президента Л.Джонсона. Постепенно эту теорию подхватили правительства других капиталистических стран, прежде всего ФРГ, которая в итоге выступила с программой коллективной помощи развивающимся странам.

Концепция кооперации двух систем вытекает из теории конвергенции. На практике она применяется международными экономическими организациями, члены которых, представители империалистических государств, выступают с предложениями о сотрудничестве между развитыми капиталистическими и социалистическими странами в интересах оказания помощи странам "третьего мира".

Основой теории кооперации двух систем является утверждение, будто в ходе своего общественного развития страны "третьего мира" не могут выбрать какой-то один путь — капиталистический или социалистический; развитие этих государств требует якобы использования рациональных элементов обеих общественных систем, что приведет к созданию некоей "синтетической" общественной системы.

Эта теория преследует цель, подчеркивает автор, морально уравнивать страны империалистического мира, ответственные за колониальную отсталость развивающихся стран, с социалистическими странами.

Теория кооперации двух систем опасна прежде всего потому, пишет М.Петровицкий, что она деформирует законное стремление ряда развивающихся стран избавиться от экономического и политического влияния империалистических стран на основе развития сотрудничества со странами социалистического содружества.

Учитывая тот факт, что программа следования по дискредитированному себя капиталистическому пути развития крайне непопулярна среди народных масс, а революционная марксистская программа неприемлема для буржуазии, в среде мелкой буржуазии, оказавшейся у власти в некоторых развивающихся странах, идет поиск "третьего" пути с целью дезориентировать революционные массы, от-

звечь их от классовой борьбы и в конечном итоге разрушить их, сделать покорными объектами эксплуатации.

Опасность этой теории заключается в том, что под прикрытием принципов альтруизма и гуманизма ее апологеты "пытаются отвлечь силы народно-освободительной революции от их естественных союзников — стран социализма и международного рабочего движения" (с.177).

На развивающиеся страны, подчеркивает автор в заключение, буквально обрушивается мощный поток информации из антикоммунистических центров империалистических государств. Важнейшие мировые и даже местные события становятся известны в развивающихся странах в тенденциозной интерпретации империалистических центров. Такая пропаганда стремится дискредитировать социалистические идеи, которые все глубже проникают в развивающиеся страны и становятся важным фактором в борьбе за верную и последовательную ориентацию этих стран на достижение подлинной независимости.

Наиболее грубой, "лобовой" формой антикоммунистической деятельности в развивающихся странах, отмечает М.Петровицкий, является антисоветизм, цель которого — помешать новым независимым государствам наладить плодотворное сотрудничество с социалистическими странами, нарушить исторически обусловленное и закономерное единство мирового революционного и национально-освободительного движения.

Г.Е.Шоймер

**II. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, КОНЦЕПЦИИ,
ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ**

ШРАММ В.

**ЛЮДИ, СООБЩЕНИЯ И СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ.
ПОДХОД К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

SCHRAMM W.

**Men, messages and media. A look at
human communication. N.Y., Harper & Row,
1973. 301 p.**

Вилбур Шрамм - профессор Стэнфордского университета (США), соавтор, редактор, составитель и издатель многих монографий и сборников по проблемам массовой коммуникации: "Процесс и эффективность массовой коммуникации"¹⁾ в соавторстве с Д. Робертсом, "Массовая коммуникация"²⁾, "Наука о массовой коммуникации"³⁾, "Четыре теории печати"⁴⁾, "Насилие в кино и в реальной жизни:

1) Schramm W., Roberts D. The process and effects of mass communication. Urbana, 1949.

2) Mass communication. W. Schramm (ed.) Urbana, 1960.

3) Schramm W. The science of communication. N.Y., 1963.

4) Siebert P., Peterson T., Schramm W. Four theories of the press. Urbana, 1963.

что говорят исследования"1), "Эффективность политических телепередач"2) в соавторстве с Р.Картером и др. В.Шрамм выступает в основном как организатор и критик эмпирических и теоретических исследований массовой коммуникации на Западе.

В реферируемой книге прослеживается история попыток человека достичь определенного уровня общения, в ней используются данные новейших исследований для анализа действия коммуникации как фундаментального процесса общественной жизни на личностном, групповом и массовом уровнях. Автор рассматривает теории массовых коммуникаций Маклюэна, Стивенсона, Гатри, Толмена и других; исследует развитие средств коммуникации от первого печатного станка до кино, радио, телевидения и компьютера; рассуждает о будущем коммуникативной техники; излагает свою точку зрения по отдельным актуальным вопросам — оказывает ли массовая коммуникация вредное влияние, кто контролирует ее воздействие на детей, какова роль телевидения в современной политике и т.п. Автор анализирует потенциальную способность средств коммуникации преодолеть разрыв между "привилегированными" и "обездоленными", хорошо информированными и плохо обученными, а также между имущими и неимущими нациями.

Книга В.Шрамма состоит из 14 глав, заключения и приложения о моделях процесса коммуникации.

В главе I — "Как развивалась коммуникация" — В.Шрамм пишет о коммуникации как о "фундаментальном социальном процессе", "орудии", которое делает возможным создание

1) Schramm W. Motion pictures and real life violence: what the research says. Stanford, 1968.

2) Schramm W., Carter R.F. The effectiveness of a political telethon. — "Publ. opinion quart.", Princeton, 1959, vol. 23, N 4, p. 121-127.

общества и по самой своей природе принципиально отличается человеческое общество. По мнению В.Шрамма, включенность в коммуникативный процесс характеризует тип человеческого опыта; когда она "плохо работает", возникают непонимание и даже враждебность. Человеческую коммуникацию отличает от общения высших животных способность передавать абстрактные понятия, оценивать прошлое и будущее.

История человеческой коммуникации связывается автором (так же как и многими другими) с тремя принципиальными этапами, соответственно связанными с появлением речи, письма и книгопечатания (последнее, по мнению автора, означает появление средства массовой коммуникации). "Скорость изменения в формах человеческой коммуникации — социальный показатель, имеющий большое значение. От языка до письма — десятки тысяч лет, от письма до печатания — тысячи лет. От книгопечатания до кино и радио — четыреста лет. От первых экспериментов о телевидением до прямой передачи с Луны — пятьдесят лет" (с.16-17).

"С точки зрения развития техники то, что сделал Гутенберг и что после него делается в сфере средств массовой коммуникации, заключается в том, чтобы включить машины в процесс коммуникации таким образом, что становится возможным умножение информации и почти безграничное увеличение способности человека усваивать ее". Процесс коммуникации мало изменился, но, поскольку люди живут информацией, развитие способности к ее усвоению имело, по мнению автора, огромное влияние на человеческую жизнь.

Автор считает, что в странах, "находящихся на этапе перехода от устной культуры к культуре средств массовой коммуникации, можно видеть в сокращенном величан-

те пятьсот лет развития данных средств" (с.13). Как показал Гарольд Иннис в своей работе "Отклонения в процессе коммуникации"¹⁾, жизнь в деревне, переживающей переход от устной культуры к массовой, организуется больше в пространстве, чем во времени.

Средства массовой коммуникации (СМК) являются не только мультипликаторами и удлинителями каналов информации, но и ее могущественными привратниками, отсекающими или отменяющими таких традиционных "привратников", как священник, старик, путешественник, причем происходит "качественный скачок в способности контролировать, продвигать информацию и сосредоточивать на ней внимание людей". Там, где СМК вполне доступны, люди тратят на них больше времени, чем на любое другое занятие, исключая работу и сон. "Многие дети в Северной Америке уделяют телевидению столько же времени, сколько и школе за первые 12 лет своей жизни" (с.15). СМК поставляют не только новости, но и развлечения, формируют вкусы. Коммуникативные организации, нарастающие вокруг коммуникативных машин (агентства, газеты, киностудии и т.п.), становятся мощнейшими "трансформаторами" на путях движения информации. Лишь 2-3% новостей, исходящих из Индии, достигает читателя в штате Индиана, причем полнота и точность их претерпевают неизбежные искажения.

Поскольку коммуникация является фундаментальным социальным процессом, постольку человек, по мнению В.Шрамма, это прежде всего животное, перерабатывающее информацию. Поэтому любое крупное социальное изменение всегда сопровождается изменением в состоянии информации и развитии коммуникации.

¹⁾Innis H. The bias of communication. Toronto, 1951.

В главе II автор рассматривает вопрос: "Что дает обществу коммуникация?". "Мы — коммуникативные животные, — пишет В. Шрамм, — коммуникация пронизывает все, что мы делаем. Это "материал", — из которого сделаны человеческие отношения". Даже в случаях вынужденной изоляции, сохранения молчания и т.п. в разных формах продолжают коммуникативные процессы. Поэтому обычно не осознаются ни причины, ни функции коммуникации. Например, во время недавней забастовки газетчиков в Нью-Йорке Б. Берельсон пытался путем социологического опроса выяснить, какого рода нехватку испытывают люди, лишённые газет. Характерные ответы: "контакта с миром" "чувства соприкосновения", "того, что я делаю каждый день".

Одна из трудностей объяснения функций коммуникации связана с тем, что ее реальное значение часто не совпадает с буквальным. Так, пожелание "доброго утра" означает соблюдение некоего "племенного ритуала", подтверждающего принадлежность человека к данной группе и данной культуре, иными словами, "подтверждение удобных отношений" (с.21). В таких случаях, равно как в случаях осторожного знакомства с многими другими, по мнению В. Шрамма, пригодна модель "социального радара". "Мы как будто шарим вокруг антеннами нашего социального радара, подобно овцам в тумане или самолетам в олепном полете; подтверждая нашу собственную идентичность и распознавая другие лица, которые обнаруживаются на экране радара, мы подтверждаем свое членство в некоторой дружеской культурной группе, делая то, чего от нас принято ожидать" (с.22). Это сравнение в дальнейшем широко используется автором.

Психологические стороны коммуникации автор рассматривает, сопоставляя взгляды Ж. Пиаже,

Э.Толмена и У.Стивенсона. Пиаже различает эгоцентрическую и социальную речь у детей; второй тип, направленный к олушателю, появляется явно лишь к 7 годам, до этого ребенок играет словами для собственного удовольствия. В.Шрам считает, что социальная коммуникация появляется гораздо раньше. К ней относится также внутренняя и экспрессивная речь. Согласно Э.Толмену, всякая речь служит орудием достижения определенных целей, коммуникация всегда инструментальна. Стивенсон, напротив, считает, что коммуникация (прежде всего массовая) является сама по себе источником "коммуникативного удовольствия". В "коммуникативной игре" человек переступает границы мира обязанностей и ответственности, он свободен от морального долга, такая игра полезна поскольку она способствует саморазвитию и самовозвышению личности. Роль средств массовой коммуникации, согласно Стивенсону, следует рассматривать с позиций игровой, а не информационной теории коммуникации. Эти взгляды, по мнению В.Шрамма, во многом соответствуют практике современных СМК, и если бы Стивенсон писал более популярно, то именно его идеи были бы подняты на щит их организациями. "Его игровая теория дает лучшее, чем концепция "мировой деревни" Маклюэна, объяснение преобладающего содержания СМК" (с.26). Тем не менее игровое восприятие может быть различным, отмечает В.Шрам, поэтому нельзя связывать коммуникацию с какой-либо одной психологической функцией.

С с ц и а л ь н ы е функции коммуникации первым ясно охарактеризовал Г.Лассуэлл (его статья впервые была опубликована в 1948 г. в сборнике "Коммуникация идей"¹

1) Lasswell H.D. - In: The communication of ideas. N.Y., 1948.

Согласно Лассуэллу, они сводятся к трем позициям: 1) обозрение окружения; 2) корреляция различных частей общества; 3) передача социального наследства от одного поколения к другому. (Этим функциям соответствуют социальные роли, которые выполняют три группы специалистов - дипломаты, журналисты, педагоги.) Ч. Райт добавляет четвертую функцию - развлечение. Тех же воззрений придерживается и М. Дефлер. Экономист К. Боулдинг считает, что коммуникация обеспечивает своего рода экономическую карту среды, при помощи которой индивиды и организации оставляют свои образы обстановки купли-продажи.

В. Шрам считает, что социологические теории подобного рода страдают не меньшей односторонностью, чем психологические. Он предлагает схему, которая охватывает, по его мнению, различные функции коммуникации:

а) "социальный радар" (поиск информации); б) управление и обучение; в) развлечение.

В главе III рассматривается процесс коммуникации. В коммуникациях всегда присутствуют, пишет автор, три момента: поток некоторой информации, коммуникативные отношения и особый вид поведения по отношению к информации, который характеризуется как акт коммуникации.

"Информация - это материал коммуникации" (с. 38). Природу информации В. Шрам истолковывает, исходя из теории Шеннона и Винера, как "уменьшение неопределенности", иллюстрируя ее примерами сообщений, уменьшающих возможность выбора вариантов понимания или поведения в определенной ситуации.

Коммуникативные отношения, согласно Шрамму, возникают тогда, когда два или несколько человек, у каждого из которых есть свой образ ситуации, имеют какую-то общую область интересов. Поскольку такие отношения

предполагают некоторые устойчивые взаимные ожидания, можно говорить о "коммуникативном контракте". Например, описанное выше "радарное" поведение "отражает своего рода социальный контракт между индивидами, направленный на то, чтобы идентифицировать себя, дать ожидаемый ответ, подтвердить свое социальное членство и свою социальность" (с.44). Такой контракт действует в явной форме при обучении, намеренном усвоении информации, он почти незаметен, когда в коммуникации предполагается свободный выбор воспринимающего (например, в рекламе).

Механизм коммуникативных отношений, по мнению автора, выглядит так: "Имеются коммуникативные акты и ряд информационных знаков. Один из участников этих отношений выставляет знаки. Другой некоторым образом использует их" (с.48). Действия первого В. Шрам называет коммуникативным актом А, второго - актом В. Знаки могут долго сохраняться и действовать независимо от первого участника. Для обозначения эффективности коммуникативного отношения используется понятие обратной связи.

Сорок лет назад, пишет автор, бытовало представление о коммуникации по образцу электрической цепи, в которой поток электронов приводит к свечению нити в лампочке. Но человеческая коммуникация отличается от энергетической цепи: передаются не "мысли", лишь знаки, которые при определенных условиях могут декодироваться другим человеком, причем малая причина может вызвать большой эффект ("триггерный эффект", т.е. эффект "спускового крючка").

В главе IV автор поясняет понятие знака, многозначность слов и других знаков в различных культурах и т.п. Часто различают, пишет В. Шрам, денотативные (т.е. соотносимые с некоторым объектом) и коннотативные (т.е. соотносимые друг с другом) значения знаков. Ч.Осгуд в своих работах показал, что суждения людей в США рас-

пределяются как бы вокруг трех пучков коннотативных значений — "добра", "силы", "активности" (хороший-плохой, сильный-слабый, активный-пассивный).

Знаки могут быть вербальными или невербальными. Рэй Бердуистел, исследующий коммуникацию жестов, утверждал, что при коммуникации двух человек друг с другом 65% "социальных значений" передается невербально. Э.Сэпир описывал невербальную коммуникацию как "разработанный код, который нигде не записан, никому неизвестен, но всеми понимается" (с.68). Автор рассматривает неоднозначность толкования невербальных знаков, различие намеренных и ненамеренных (экспрессивных, индикативных) знаков, исследования знакового содержания жестов, позы, мимики и т.д. и приходит к заключению, что "большой объем разнообразной информации приходит к нам через невербальные знаки, хотя они не могут быть заранее систематизированы в строгие языковые коды" (с.78).

Переходя в главе У к "более определенным, словесным кодам коммуникации", В.Шрам излагает некоторые дискуссии лингвистов о природе языка и языковой коммуникации: а) вокруг идеи Н.Хомского о врожденности грамматических структур; б) гипотезу Сэпира-Уорфа о "лингвистической относительности" — соответствии языковых и мировоззренческих структур; в) введенное И.Сосоуром различие "языка" и "речи".

"Как ни странно, — пишет автор, — одно из величайших достоинств вербального языка является также и одной из его величайших проблем. Это опоспособность языка работать на многих уровнях абстракции" (с.90). В свое время "лестница" уровней языковой абстракции была построена С.Хаякава, известным лингвистическим философом, в работе "Язык в мышлении и действии"¹⁾. На абстрактном

1) Hayakawa S. Language in thought and action. N.Y., 1946.

конец лестницы можно быстрее передать информацию, но с большим риском непонимания; на другом конце этой лестницы можно общаться с широким кругом людей, но не очень экономично.

"Один из секретов эффективной коммуникации - это способность придерживаться такого уровня абстракции, который посилен аудитории, и менять уровни абстракции с тем, чтобы читатели или слушатели могли легко двигаться от осязаемых образов к абстрактным предложениям и обратно, если это необходимо" (с.92).

При этом, как считает В.Шрам, возникает по меньшей мере две опасности "симплистики", т.е. искажающего упрощения коммуникации: а) в связи с тенденцией сведения различных отношений и оценок к противостоянию двух вариантов "или - или"; б) в связи с использованием символических образов. Ссылаясь на К.Боулдинга, В.Шрам показывает, что человеческое воображение может выдержать только определенную меру сложности, когда же сложность становится невыносимой, человек прибегает к упрощению - использует символические образы.

В главе VI автор прослеживает пути коммуникации: кто говорит и с кем. Человек прямо или косвенно общается с великим множеством людей. "Карта" его коммуникаций включает: 1) внутреннюю коммуникацию - разговоры с самим собой, обдумывание, воспоминание, мечты; 2) коммуникацию с близкими людьми - семья, друзья, соседи; 3) коммуникацию со своей рабочей группой; 4) "постоянные" коммуникации с торговцем, врачом, сборщиком налогов и т.д.; 5) коммуникации со случайными встречными; 6) коммуникации с лицами, в основном известными из книг и СМК; 7) огромную массу информации от анонимных источников (СМК, справочники, различные источники культуры).

"Существует по крайней мере два типа потока коммуникации в обществе - первый необходим для поддержа-

ния социального организма на обычном уровне его функционирования, второй - для того, чтобы реагировать на чрезвычайные проблемы этого организма" (с.101). По мнению В.Шрамма, коммуникация в обществе распространяется в основном горизонтально, а вертикальная коммуникация имеет преобладающую тенденцию сверху вниз - например от правительства к народу.

Выбор источника коммуникации (канала, а в связи с ним и предпочитаемого содержания, позиции) определяется, по мнению В.Шрамма, соотношением между обещанным вознаграждением и требуемыми усилиями, которое определяет вероятность выбора. "Многочисленные исследования аудитории показали, что люди с готовностью избирают легко доступные развлечения у своего телевизора, предпочитая их таким же развлечениям, требующим, однако, покинуть дом. Но когда в ситуации выбора возникает поддержка со стороны компании сверстников, подростки идут в кино и даже в библиотеку. Затем, когда они женятся и обзаводятся собственным домом, вознаграждение за проведение досуга вне дома снижается" (с.108). "Аудитория массовой коммуникации в большинстве случаев пропорционально насыщена людьми, заранее согласными с высказываемыми точками зрения" (с.109), т.е. ничего не выбирающими.

Выбор коммуникации может быть определен через постановку серии вопросов типа: насколько доступна та или иная коммуникация, насколько она выделяется, сколько близка, значима, серьезна она для воспринимающего, каковы его установки, привычки, опыт в области коммуникации.

В главе УП делается обзор средств коммуникации - массовых и личных. По утверждению М.Макливена, пишет

автор, средства коммуникации являются "продолжением" человека. Наши руки — это средства коммуникации, то же относится к колесам, которые помогают нам передвигаться. Телевидение, радио, газеты и журналы — все это средства коммуникации, поскольку они продолжают или расширяют наше восприятие. У человека по крайней мере три типа таких средств: одни передают его сообщения (голос, жест), вторые приносят ему сообщения (телевидение, газета), третьи выполняют обе эти функции (телефон или руль). Однако, подчеркивает В. Шрамм, проблема характеристики средства коммуникации более сложна и требует прежде всего выявления специфики массовых средств.

П. Дейчмен классифицирует коммуникативные ситуации на: а) частные межличностные ("лицом к лицу") и опосредованные (разговор по телефону); б) публичные — межличностные (собрание) и опосредованные, которые в свою очередь делятся на коллективные (киноаудитория) и неколлективные (домашний телевизор). Из этой классификации видно, что различие массовых и межличностных каналов коммуникации безусловно, важны различия между личными контактами двух лиц и общением многочисленной группы. Хотя с точки зрения производства и способа распространения коммуникации имеются явные различия массовой коммуникации от всякой иной, — с точки зрения аудитории эти различия не столь категоричны. СМК — канал коммуникации, в который введены определенная машина для размножения и распространения информационных знаков и определенная коммуникативная организация (например, редакция газеты).

Следует признать, пишет автор, что наше знание об эффектах и эффективности этих двух типов коммуникативных каналов недалеко ушло от уровня "наивной психоло-

гии", под которым психологи понимают нечто такое, "о чем можно говорить, но нельзя считать доказанным". В. Шрамм отмечает некоторые очевидные различия в способах действия обоих каналов.

Стимулирование органов чувств. В личной коммуникации могут участвовать все чувства человека, и общение может выступать как охватывающее всю личность. В опосредованной коммуникации налагаются ограничения на использование органов чувств: действуют обособленно или в парных сочетаниях глаза, уши и т.д. Кажется очевидным, что в ситуации общения лицом к лицу существуют возможности более полной информации, что аудиовизуальные каналы имеют преимущество перед только звуковыми или зрительными. Однако СМК имеют преимущество более квалифицированного производства и программирования коммуникации. Использование лишь одного способа восприятия способствует концентрации внимания. Согласно теории Брудбента, Треверса и др.¹ человеческое восприятие действует только через один канал. Путь от органов чувств к мозгу — одноколейный, в одно и то же время по нему может проходить либо зрительная, либо слуховая информация, другая же часть целостного сообщения должна "ждать" в кратковременной памяти. Поэтому индивид не может переработать вдвое больше информации от двух органов чувств. Более того, иногда происходит такая интерференция сигналов, что аудиовизуальный канал менее эффективен по сравнению с одиночным. Среди последних имеются некоторые важные различия: глаз усваивает информацию быстрее, чем ухо, а чувство обоняния обладает замечательной способностью оживлять память о событиях, связанных с запахами.

¹См.: Thibaut J. An experimental study of the cohesiveness of underprivileged groups. — "Human relations", London-Cambridge (Mass.), 1950, vol. 4, N 3, p. 251-278.

Возможности обратной связи. Они максимальны, считает автор, при прямой личной коммуникации в малой группе и осложняются при увеличении ее размеров и при введении технических средств (телефон). СМК ограничивают скорость и объем обратной связи, расстояние и безличность источника затрудняют ее. Когда коммуникативные организации считают необходимым, они принимают специальные меры для получения обратной связи — заранее тестируют материал, приглашают публику на студии, устанавливают оборудование для быстрого получения сведений из учебного класса или с рынка.

Контроль темпа. При личной коммуникации люди сами могут регулировать ее темп (задавая вопросы, возвращаясь назад в разговоре и т.д.), такая регуляция возможна при чтении, но не при восприятии радио- и телепередач. Поэтому телереклама вызывает больше нареканий, чем реклама в газете. Считается, что контроль со стороны отправителя повышает эффективность убеждения, а контроль со стороны адресата коммуникации — эффективность обучения. В последнее время развитие техники усиливает оба вида контроля (запись передач и пр.).

Коды обобщения. В личной коммуникации большая часть информации передается в невербальной форме, то же относится к аудиовизуальным средствам (кино, телевидение), в меньшей мере — к немому кино и радио, еще меньше — к печати. Поэтому в печатных СМК легче абстрагировать, а в аудиовизуальных — конкретизировать.

Мультипликативная опоспособность. Личная коммуникация с большим трудом функционирует при общении одного субъекта со многими (митинг и т.п.). СМК обладают неограниченными возможностями мультипликации, в том числе преодоления барьера неграмотности (аудиовизуальные средства). Развиваются формы, сочетающие преимущества обоих каналов.

Способность сохранять сообщение. Она минимальная в устной коммуникации, велика в печатной, в последнее время (электронная запись голоса и изображения) появилась также в аудиовизуальной.

Способность преодолевать избирательность. Сменить канал ТВ легче, чем разорвать личное общение, легче включить радио, чем уйти из кино, и т.п., т.е. каналы и средства коммуникации с различной силой удерживают внимание реципиентов.

Способность отвечать специальным потребностям. СМК способны быстро и эффективно обслуживать общие потребности общества - давать сводку погоды, различного рода известия. Но специфические потребности отдельных людей и групп лучше удовлетворяются путем обращения к специальной, справочной литературе или консультации.

В исследовании массовой коммуникации сохраняет свое значение "теория двухступенчатого потока" (two - step flow), выдвинутая впервые П.Лазарсфельдом и его коллегами на основании анализа избирательной кампании 1940 г. в графстве Эри, штат Огайо (США). Оказалось, что значительная часть населения воспринимала сообщения и оценки массовой коммуникации не непосредственно, а через личные контакты и личное убеждение. Идея двухступенчатой коммуникации была сформулирована так: "Идеи часто переходят от радио и прессы к лидерам мнений, а от них к менее активным группам населения" (с.121). Эта гипотеза стимулировала множество исследований и дискуссий, в том числе изучение распространения информации об убийстве президента Кеннеди. При всех своих недостатках "двухступенчатая" теория сыграла, по мнению В.Шрамма, важную роль и создала основу для более совершенных теорий.

Основной недостаток "двухступенчатой" теории в том, что она не учитывала, насколько большой объем коммуни-

кации поступает непосредственно от СМК к ее потребителям. Б.Гринберг показал, что только наиболее и наименее важные новости передаются изустно: половина американцев узнала об убийстве Кеннеди со слов других людей; с другой стороны, также распространяются и огуло местные новости. Между тем в ряде недавних политических кампаний информация и убеждение исходили непосредственно от СМК.

Идея о разделении общества на "лидеров" и "последователей" не подтвердилась. Исследование Тродаля в Детройте показало, что сравнительно малое число избирателей обращалось за советом к кому бы то ни было. Сами "лидеры" пользуются чьими-то советами, поэтому может существовать не две, а три и более ступени передачи информации. Исследования показывают, например, что в сельской местности многие получали от СМК сведения о новинках, а затем обращались за советом к сведущим людям. Наконец, само "лидерство" в мнениях имеет различные ступени и измерения.

В последнее время большое внимание привлекает идея М.Маклюэна, пишет автор. Подобно своему наставнику Г.Иннису, М.Маклюэн — технологический детерминист, для которого история Запада — это "история искажений коммуникации и монополии знания, основанной на прессе". "Искажения" созданы развитием печати с XV века. Г.Иннис считает, что это убило устную традицию, заменив временную организацию общества пространственной, трансформировало религию, позволило приваивать в частном порядке значительную часть коммуникативной деятельности человека, сделало относительными ценности, одвинуло центр власти от церкви к государству и поощрило неистовый национализм. По мнению В.Шрамма, такой подход интересен

и поучителен, хотя мало кто согласится о подобном преувеличении роли печати, не учитывающим одновременного развития транспорта, машин, энергетики, демократических общественных систем.

Маклюэн более психологичен, чем Иннис, его больше занимает воздействие средств коммуникации на мировоззрение и образ мышления человека. Его основная идея (по словам его толкователя Кэри): "Средства коммуникации — это широкие социальные метафоры, которые не только передают информацию, но говорят нам о том, каков мир, они не только возбуждают и улаждают наши чувства, но... практически изменяют наш характер"¹). Наиболее часто цитируемая формула Маклюэна (заголовок наиболее популярной его книги) — "Средство коммуникации — это и есть сообщение"²).

По мнению В.Шрамма, особенно интересное добавление к теориям Инниса сделано Маклюэном через его представление о способе действия печати на человека. Коммуникация через печать навязывает человеку "особую логику организации зрительного опыта": реальность разбивается на дискретные единицы, воспринимаемые линейно и постранично, создается одностороннее преобладание зрительной информации. Поскольку чтение и письмо — занятия индивидуальные, происходит "детрибализация" человека, отрывающегося от тугого узла устной культуры. Вместе с тем происходит стандартизация речи, развитие дальних коммуникаций и урбанизация. Абстрактность печатно-

1) Carey J.W. Harold Adams Innis and Marshall McLuhan. — "The Antioch rev.", Yellow Springs, 1967, vol.27, N 1, p.5-39.

2) McLuhan M. The medium is the message. L., 1967.

го языка, утверждает Маклюэн, — великое преимущество и источник многих проблем общества. Он противопоставляет абстрактности способность воображения, связывая с этим различие "горячих" и "холодных" средств коммуникации. "Горячие" средства — это те, которые не сохраняют обалансированности чувственного восприятия и требуют мало воображения для перехода от знака к картине реальности. "Холодные" средства обеспечивают баланс, требуя воображения. Пресса и радио оказываются у Маклюэна "горячими", а кино и в особенности телевидение — "холодными".

Поскольку Маклюэн не излагает своих идей в доказательной форме, пишет В. Шрам, "более полезно взять те из его взглядов, которые кажутся обещающими, и продолжить их, пока не придем к каким-либо аргументированным предложениям".

Если печать, согласно Маклюэну и Инниоу, имела губительное влияние на общество, то телевидение призвано восстановить "чувственный баланс", вернуть человека его роду ("ретрибализация"), приведя его к устной традиции. Это должно поощрять участие в общественной деятельности, действие, а не размышление, мирные отношения, а не национализм. Лозунг опасности телевидения и породил моду на Маклюэна, пишет автор. Его судьба характерна для судеб героев на час, создаваемых и забываемых СМИ, хотя волны от всплеска еще долго могут катиться в обществе.

В главе УШ "Структура массовой коммуникации" В. Шрам приводит перечень составляющих "индустрию знаний (по известной и в русском переводе книге Ф. Махлупа "Производство и распространение знаний"¹⁾):

¹⁾ См.: Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М., 1966; Machlup F. The production and distribution of knowledge. Princeton, 1962.

мультипликаторы сообщений (газеты, журналы, книги, кино, радио, телевидение);
переносчики сообщений (телефон, почта и пр.);
хранители информации для специфических нужд (библиотеки, реферативные службы, банки данных и т.п.);
производители и держатели (типографии, поставщики оборудования, техники);
специальные службы, вносящие вклад в содержание информации (агентства, студии, писатели);
агентства экономического обеспечения (рекламные и пр.);
агентства административного обеспечения (юридические и пр.);
обеспечение кадрами (профсоюзы, системы подготовки кадров);
оценка сбора данных (исследования общего порядка, изучение аудитории, опросы мнений, переписи и пр.);
образование (школы всяких видов).

По расчету Маклупа, на все эти виды деятельности в США ежегодно (данные на конец 50-х годов) затрачивалось около 200 млрд. долл., или около 20% валового национального продукта. Из этого числа, полагает В. Шрам, примерно 20 млрд. долл. затрачивается на СМК (без кино и расходов по установке оборудования).

Функции СМК В. Шрам характеризует главным образом через понятие "привратника", т.е. деятеля, пропускающего ограниченное количество информации через соответствующий канал. Автор приводит следующий пример: агентство АП получает из разных источников 100-125 тыс. слов, из них агентство передает 57000 слов по 283 темам; в то же время Висконсинское бюро АП передает местным газетам штата 13000 слов по 77 темам; к этому добавляются 6000 слов местных новостей; местная газета выбирает примерно 13000 слов по 74 темам; из этого объема инфор-

мации средний читатель читает 1/4 - 1/5, т.е. 2800 слов, около 15 статей.

У.Брид¹⁾ провел исследование методом "участвующего наблюдения", показав, как редакционные сотрудники без прямых указаний способны проводить отбор информации в соответствии: с ожидаемым одобрением руководства.

"Мощность" СМК в США иллюстрируется данными о количестве телестанций (927), радиостанций (7131), систем кабельного телевидения (2883), газет (1749), еженедельников (9000), журналов (8000), книжных издательств (900), киностудий (1500) и т.д. В США действует около половины всех радиоприемников и около трети телевизоров мира.

Роль частной собственности на СМК в США значительно выше, чем в любой другой стране: в мире 69% радиопередающих систем принадлежит правительствам или контролируются ими, еще 17% частично принадлежит государству; в отношении ТВ эти цифры - 57 и 16%. Но в США практически все СМК являются собственностью частных лиц, если не считать университетских и школьных передающих систем. По способу финансирования различные каналы СМК различаются так: ТВ и радио целиком зависят от рекламы, газеты и журналы - на 60-75%, книги и фильмы в основном оплачиваются аудиторией (покупатели, зрители).

Тенденция к монополизации СМК, проявляющаяся в развитии газетных и телевизионных корпораций, отчасти ограничивается законами против монополий. В том же направлении действуют, по мнению В.Шрамма, соображения экономического порядка и вкуса (необходимость разнообразия программы).

Глава IX посвящена социальному контролю и будущему массовой коммуникации.

1) Breed W. Social control in the newsroom.-In: Mass communications. W.Schramm (ed.). Urbana, 1960, p.178-194.

Имеются разные понимания свободы и ответственности прессы и других СМК, пишет автор. Кроме понятных и вполне точно отмечаемых В.Шраммом различий в функциях социального контроля в социалистических и западных странах, существуют отличия между способами правительственного или иного контроля над СМК в Англии, Швеции и т.д. В США провозглашаемая первой поправкой к конституции свобода слова и прессы от каких-либо ограничений со стороны государства подкрепляется полной частной собственностью на СМК. Отсюда господство принципа "свободного рынка идей". Федеральная комиссия коммуникации (ФНК), выдающая лицензии и распределяющая радиочастоты, практически не имеет, отмечает автор, никакой возможности контролировать содержание передач. Разумеется, в таких условиях трудно обеспечить ответственное служение СМК обществу. "Мы в основном говорим о "свободе" СМК. Советские теоретики говорят в основном об "ответственности" их СМК. Но и в нашей системе, — пишет В.Шрамм, — мы тоже хотим ответственных передач, охватывающих мировые события, обращающихся к различным по уровню интересам и вкусам, обеспечивающих честные условия для соперничества мнений и т.д." (с.159). Однако дальше общих призывов различные комиссии (например, комиссия Хатчинса в 1947 г.) в этом направлении не шли.

"Марксистские и маоистские критики сказали бы, что реальный контроль над американскими СМК обусловлен ответственностью богатей и крупных корпораций. И нельзя спорить о том, что идеи этого социального и экономического класса доминируют на редакционных страницах и, в некоторой степени, в изложении информации." (с.160). Существует, правда, точка зрения, что, ориентируясь на привлечение возможно более широкой аудитории, СМК подчиняются вкусам широкой массы и тем самым служат обще-

отвенным нуждам. Правда, на это можно возразить, по мнению В. Шрамма, что сама ориентация на завоевание аудитории диктуется просто экономическими интересами, а не социальным долгом.

"Экономический контроль над американскими СМК гораздо более мощен, чем контроль политический... Основным принципом контроля над коммуникативными институтами во всяком обществе состоит в том, что он вырастает из общества и представляет его основные убеждения и ценности. Советская система интегрирует их во всю свою политическую систему так, что они контролируются как любые иные политические институты. Некоммунистическая авторитарная система осуществляет контроль через правительственные ограничения и надзор, часто через правительственную собственность, она становится при этом в позицию надзирателя. Социальная система в США использует как можно меньше политического и правительственного контроля и через частную собственность допускает значительную долю экономического контроля. Вопрос о способе контроля в той или иной стране тесно связан с вопросом о будущем СМК" (с. 161-162).

Одна из практических проблем контроля над СМК в США часто возникает в дискуссиях о предполагаемом вредном влиянии телевидения на аудиторию, особенно на детей. Проводятся многочисленные исследования этого влияния. Однако выводы экспериментов не совпадают.

"Многие лабораторные исследования показали, что дети могут научиться насилью у телевидения или кино и стать более агрессивными, видя сцены насилия... Однако существуют сомнения, — пишет автор, — относительно того, как эти лабораторные показатели могут работать в реальной жизни. Очевидно, что отношения между телепечатлением и поведением в обществе никогда не являются

отоль прямыми и простыми, как в лаборатории. Социальные ограничения, социальные нормы, направленные против насильственных актов, столь сильны, что они подавляют большинство побуждений к насилию" (с.162-163).

Действуя по инструкции конгресса, ведомство главного врача США поддержало 23 исследования по этой проблематике (затраты на них превысили 1 млн.долл.). Эти исследования проводились для того, чтобы раз и навсегда получить ответ на вопрос, причиняет ли показываемое по телевидению насилие вред детям. Эти исследования изложены в пяти томах под общим заголовком "Телевидение и социальное поведение: технический отчет Научного консультативного комитета по вопросам телевидения и социального поведения при главном враче" (Вашингтон, правительство, изд-во, 1972, 5 тт)¹). Как результаты, так и сама объективность исследования вызывают споры и различные толкования. Но, по официальному заявлению главного врача перед сенатским подкомитетом, "причинные отношения между телевизионным насилием и антисоциальным поведением достаточны для того, чтобы оправдать соответствующие неотложные корректирующие действия" (с.165).

Как пишет В.Шрам, в СССР или в Китае подобные проблемы не могут возникать, поскольку там телевидение заведомо поставлено на службу воспитанию желаемого типа человека, и насилие показывается лишь в соответствии с данной целью. Но в США государство не имеет права вмешиваться в дела и содержание СМК, и в конечном счете приходится надеяться на ответственность хозяев и сотрудников, воспитательные усилия родителей и педагогов.

¹) Television and social behavior: a technical report to the Surgeon general's scientific advisory committee on television and social behavior. Vol.1-5.Wash., Gov.print.off.,1972.

Современные перспективы развития технических средств массовых коммуникаций (многожильные кабели, устройства видеозаписи и т.п.), по мнению В.Шрамма, обещают большие возможности для разностороннего использования СМК (в том числе учебного, справочного для обслуживания специальных заказов клиентов) и более активного отношения к ним со стороны аудитории.

В главе X излагаются сведения об аудитории массовой коммуникации, "В любой день недели 75 млн. американцев склонны смотреть телевизор; каждый день покупается более 60 млн. газет, которые читают 90 млн. человек. Три вида средств - ТВ, радио и газеты - доходят в течение недели до более чем 100 млн. американцев. Из них примерно 75% взрослых тратит на чтение газет 35 минут в день, 40% - на чтение журналов 33 минуты в день, одна треть американцев, которая читает книги, расходует на это в день 47 минут. В среднем американском доме телевизор включен более 6 часов в день в зимние месяцы, а все СМК, вместе взятые, поглощают у среднего американца больше 5 часов в день" (с.173).

По данным 1958 г., в США 14% двухлетних детей смотрело ТВ (в Японии - 55%), в 8 лет - 95%. (Однако в Японии, по данным 1969 г., в 4 года все 100% детей смотрят телевизор.) (с.174-175).

В.Шрамм в книге "Телевидение в жизни наших детей"¹⁾ утверждает, что наиболее популярно телевидение у школьников в 8-м классе, радио - в 10-м, кино - в 8-м, газеты в 12-м (т.е. в выпускном классе колледжа), книги в 6-м классе, журналы и комиксы также в 8-м классе.

¹⁾ Schramm W. Television in the lives of our children. Stanford, 1961.

У взрослых ТВ занимает наибольшее время до 20 лет у мужчин и в 20-35 лет у женщин, затем его доля несколько падает и вновь растет после 50 лет. Газеты активнее всего читают после 50 лет. С годами меняются и вкусы аудитории: растет внимание к серьезной и познавательной информации за счет интереса к развлекательным и литературным материалам (по исследованиям Шрама и Уайта, Стейнера, Хендела и др.).

По мнению Л.Хендела, с возрастом растет интерес к историческим, биографическим фильмам и серьезной драме. У телезрителей (согласно Стейнеру) развлекательная программа менее популярна среди людей в возрасте и с более высоким образованием, соответственно растет внимание к новостям и социальной информации.

Интересны данные о соотношении значения разных каналов СМК в поставке различного рода сообщений. Так, во время избирательных кампаний телевидение давно стало главным источником информации, но когда происходят местные выборы, более популярны газеты. "Печатные средства более пригодны для того, чтобы быть основным источником долговременной информации по вопросам науки и здоровья, а вещательные средства — главным источником политических фактов, полезных в избирательной кампании и забываемых после нее" (с.188).

В главе XI автор рассматривает вопрос, как коммуникация производит эффект.

"30 октября 1938 г. было знаменательным днем в истории радиовещания", — утверждает В.Шрам. Речь идет о нашумевшей истории о радиопостановке Оросна Уэллеса по известному роману Г.Уэллеса "Борьба миров". Хотя заведомой мистификации не было и имелись ясные напоминания о том, что передается инсценировка фантастического романа, многие тысячи слушателей приняли передачу за реальную информацию о событиях, в панике звонили в поли-

цию, многие бежали из города и т.д. Ужас перед "нашествием с Марса" имел несомненную связь с напряженной предвоенной обстановкой в Европе (день передачи точно совпал с днем подписания Мюнхенского договора). В. Шрамм подчеркивает, что "случившееся подвергло сомнению одну из аксиом американской теории массовой коммуникации: способность рационального человека, при наличии свободного и честного выбора, отличать истину от ошибки" (с.191-192).

Второй пример подобного явления - первоапрельская шутка в "Satu lay review" (N.Y.) в 1971 г., когда было помещено письмо о протесте против мнимого законопроекта, ограничивающего возможности игры в гольф. В эту "информацию" об обстоятельствах внесения билля поверило множество людей.

В обоих случаях "некто сделал нечто отличное от того, что он делал ранее, по-видимому, в результате получения какой-то информации", - это и является, по мнению В. Шрамма, наиболее общим значением эффекта.

Общая схема эффекта коммуникации выглядит так:

1. Некто совершает коммуникативный акт - включает чувственные рецепторы на определенный сигнал и начинает перерабатывать исходящую от них информацию. 2. Результатом является некоторое воздействие на его внутреннюю структуру образов и ценностей. 3. Это (возможно, вместе с другими элементами) включает некоторый поведенческий процесс. 4. В итоге этот некто совершает определенное наблюдаемое действие.

Поскольку наблюдению доступны лишь 1 и 4 стадии, можно лишь догадываться, что происходит на 2 и 3 стадиях - в "черном ящике". Здесь связи скрыты и далеко не просты. Можно получить кумулятивный эффект (накопление раздражителей), обратный ожидаемому эффекту, от-

существование наблюдаемой реакции. Образцом "обратной" реакции В. Трамм считает историю о инсценировке по роману "Джунгли" Синклера Льюиса: вместо возмущения тяжелыми условиями труда рабочих мясокомбината тема вызвала широкое возмущение антисанитарной обстановкой при упаковке и продаже мяса, появились требования о пересмотре санитарного законодательства. Очевидно, существуют многие уровни эффекта, значительная их часть скрыта от наблюдателя, простые отношения между стимулами и реакцией весьма редки, скорее всего сложные причины вызывают сложное поведение.

Классическая схема "стимул - реакция" (S-R) годится для подопытных животных, иногда для людей в лабораторных условиях, но в реальной ситуации этот причинный подход малоэффективен, он по меньшей мере должен быть заменен формулой "стимул - организм - реакция" (S-O-R), символизирующей необходимость поиска реакции, обусловленной организмом в целом.

Одна из наиболее разработанных моделей коммуникативного эффекта принадлежит Д. Картрайту¹⁾, социальному психологу из Мичиганского университета, выходцу из школы Курта Левина. Эта модель включает следующие элементы:

I. "Сообщение" (информация) доходит до органов чувств людей, на которых оказывается влияние:

а) Общая стимулирующая ситуация принимается или отвергается на основе некоторого впечатления о ее общих чертах.

б) Категории, используемые данным лицом при характеристике стимулирующей ситуации, направлены на защиту

¹⁾ Cartwright D. Some principles of mass persuasion. - "Human relations", London-Cambridge (Mass.), 1949, vol. 3, N 2, p. 253.

личности от нежелательных изменений в ее когнитивной структуре.

2. Достигнув органов чувств, "сообщение" должно быть принято как часть когнитивной структуры данной личности:

а) Поскольку данное "сообщение" получено, оно имеет шансы быть принятым или отвергнутым на основе более общих категорий, к которым оно принадлежит.

б) Категории, используемые данным лицом при характеристике "сообщения", направлены на защиту от нежелательных изменений в когнитивной структуре личности.

в) Если "сообщение" не соответствует преобладающей когнитивной структуре данной личности, оно будет либо отвергнуто, либо изменено таким образом, что станет подходящим, либо произведет изменения в когнитивной структуре.

3. Чтобы некоторое действие было вызвано массовым убеждением, это действие должно рассматриваться личностью как путь к достижению некоторой имеющейся у него цели:

а) Данное действие будет принято как путь к цели, только если это "соответствует" более общей когнитивной структуре личности.

б) Чем больше целей кажется достижимо на одном пути, тем более вероятно, что личность выберет именно этот путь.

в) Если действие не кажется ведущим к желанной цели или кажется ведущим к нежелательным результатам, оно не будет избрано.

г) Оно также может не быть избрано, если имеются другие, более легкие, желаемые, дешевые пути к той же цели.

4. Чтобы вызвать данное действие, соответствующая когнитивная и мотивационная система должна получить

контрольную реакцию над поведением личности в данный момент времени.

а) Чем более специфичен путь действий, ведущих к данной цели, тем больше вероятность того, что структура получит такую контрольную реакцию.

б) Эта вероятность повышается также с большей специфичностью фиксации данного пути действий во времени.

в) Данная мотивационная структура контролирует поведение личности тогда, когда она помещает данную личность в ситуацию принятия позитивного или негативного решения в отношении такого шага действия, который является частью этой структуры.

Эта схема, по мнению В.Шрамма, широко применима в настоящее время. Но это рациональная схема, недостаточно учитывающая иррациональные элементы выбора, ситуационное и социальное давление, в котором необходимо происходит данное действие.

Практические исследователи коммуникации обычно не делают выбора между теорией С-Р и когнитивной, пишет автор, они выбирают полезные элементы из обеих теорий. Так, широко используется возникшая в сфере когнитивной теории концепция "соответствия" или "отрешения к когнитивному равновесию", впервые предложенная Ф.Хейдером. Делается предположение, что "личность стремится держать свои чувства в отношении другого лица в соответствии со своим восприятием их совместного отношения — одобрительного или неодобрительного — к третьему лицу, объекту или идее". Отсюда идет "АБХ-теория" Ньюкомба.

Позже Картрайт и Харари использовали модель Ньюкомба для ситуации с множеством участников. Л.Фестингер разработал теорию "когнитивного диссонанса" для объяснения таких явлений, когда личность ищет подкрепляющую информацию даже после принятия решения. Ч.Осгуд предложил вариант теории соответствия, которую он назыв-

дает теорией "конгруентности". В ее основе эмпирически доказанный факт: человек стремится достичь соответствия между своим отношением к коммуникатору и отношением к сообщению.

Приложимость теории соответствия к коммуникативной проблематике В. Шрамм показывает на примере типичных ситуаций:

1. Всякий новый элемент в коммуникации (новая мотивация, новая информация и т.д.) должен быть как-то введен в когнитивную структуру.

2. Переработка новой информации зависит от того, насколько она соответствует нынешней когнитивной структуре. Оценка той или иной информации как "просто пропаганда" облегчает ее отвержение, напротив, оценка ее как "важной, серьезной" облегчает принятие. Общий принцип переработки новой информации состоит в том, что при прочих равных условиях информация принимается тем лучше, чем она новее и чем меньше она требует изменения когнитивных структур. Так, совершенно новая информация о спутниках в 1957 г. не встретила сопротивления. Если требуются небольшие изменения структуры, происходит то, что Лазарофельд и Мертон называли "канализацией" — существующие мотивации направляются по легким измененным каналам поведения. Но если требуются большие изменения существующих структур, могут возникнуть неожиданные последствия: известны случаи, когда телепередача, рассчитанная на уменьшение беспокойства (например, перед путешествием), увеличивала его, вместо высмеивания предубеждений закрепляла их.

3. При значительном изменении в сильно защищенной позиции индивид должен принять существенно иной взгляд на собственную ситуацию. Когда люди бросали курить после выступления популярного артиста ТВ, сообщившего, что он умирает от рака легких, это может сравниться с

легендарной ситуацией обращения Савла в Павла после вхождения в пути.

Пригодность положений, взятых из модели Картрайта, В. Шраим демонстрирует на двух примерах. В эффекте передачи Уэллеса о "вторжении с Марса" сказались "экстраординарное сочетание элементов ситуации": популярность радио определила готовность принять сообщение, международная обстановка влияла на готовность включить его в когнитивную структуру в качестве сообщения о реальной угрозе и т.д. (Исследование всего казуса представлено в книге Г. Кантрила "Вторжение с Марса"¹).) Другой пример — огромное воздействие радиопередачи Кейт Смит, популярной актрисы, с призывом покупать облигации военного займа. В данном случае был достигнут желаемый и тщательно запланированный эффект — значительная часть слушателей поспешила купить облигации. (пример исследован Р. Мертонем в книге "Массовое убеждение"²). При этом все же в полном соответствии со схемой Картрайта происходило не крутое изменение позиции аудитории, но лишь небольшой поворот (купили заем те, которые и ранее собирались это сделать, но медлили, или те, которые слегка колебались, и т.п.).

В исследованиях коммуникации, пишет автор в главе XII, принято выдвигать на первое место проблему воздействия на установки аудитории. Согласно одному из определений (по Рокичу), установка — "это относительно устойчивая организация убеждений по поводу какого-то объекта или ситуации, предрасполагающая индивида к реакции

1) Cantril H. The invasion from Mars. Princeton, 1940.

2) Merton R.K. Mass persuasion. N.Y., 1946.

определенного предпочтительного типа" (с.215). Некоторые исследователи (Дефлер, Уэсти) выделяют два компонента в представлениях об установке: а) вероятность действовать определенным образом, которая проявляется в различных поступках на протяжении длительного времени; б) некий скрытый процесс, происходящий в недрах сознания как бы между стимулом и реакцией на него и организующий отношения человека к определенной проблеме,

"Дело в том, однако, что оказалось чрезвычайно трудным связать установки с действиями" (с.217), — пишет автор, иллюстрируя этот важный для него тезис примерами:

1. В исследованиях "семейного планирования" 70-90% положительно относились к идее контрацепции, но лишь 10-15% из обладавших соответствующей положительной установкой практически обращались в клиники за соответствующими средствами.

2. В известном исследовании Р. Ла Пира, проведенном в 30-х годах, выяснилось, что реальное поведение людей (доставившего персонала по отношению к одной китайской семье, с которой путешествовал Ла Пир) крайне мало связано с их установками.

Еще раз предупреждая против перенесения закономерностей поведения, обнаруженных в экспериментальной ситуации, на реальное поведение, В. Шрамм делает вывод: "Мы должны быть очень осторожны, делая предположение о том, что какой-либо коммуникативный эффект, измеренный вербальными установками, с необходимостью предсказывает действие или что какое-либо "изменение установок" обязательно имеет социальное значение" (с.220). Отсюда следует, что целесообразнее просто указать некоторые практически значимые эффекты коммуникации и их компоненты, избегая особого теоретизирования.

Многие из таких элементов обнаружены исследованиями типа обширной "Йельской программы по коммуникации и

изменению установок" (Карл Ховланд, Ирвинг Джейнис и др.). Первый результат этой программы — книга "Эксперименты по массовой коммуникации", составившая один из томов обширного труда "Американский солдат"¹). В. Шрамм излагает, по ее материалам, какие переменные процесса убеждения изучались и каково современное состояние знания по данной проблематике.

Характеристика источника коммуникации. Автор отмечает, что большое значение имеет авторитет и симпатии к источнику. Один из компонентов доверия к источнику коммуникации — представление о том, что он "свой", т.е. уподобление воспринимаемому. Больше доверяют тому, кто уже известен (по предыдущему сообщению) как заслуживающий доверия, но обнаружен "эффект засыпания": через некоторое время источник сообщения забывается и аудитория не может вспомнить, кому принадлежали правильные и неправильные сообщения.

Стиль убеждения. В лабораторных экспериментах показано, что коммуникация производит больший эффект, если ее выводы сформулированы в эксплицитной форме. Но в клинике (психоаналитической) считают, что полезнее позволить пациенту считать, что он самостоятельно пришел к нужным выводам.

Если в коммуникации присутствует обращение к эмоциям, следует соблюдать известную осторожность: чрезмерный акцент на определенные желаемые реакции может вызвать противоположный эффект.

В ряде исследований изучалось значение групповых норм и группового поведения. Было описано большое значе-

¹) Hovland C.I., Lumsdaine A.A., Sheffield P.D. Experiments on mass communication. Princeton, 1949. (American soldier. Vol. 3).

ние группового давления в процессе переубеждения индивида (на примере анализа методов психологической обработки американских пленных в Корее). Известны лабораторные опыты С. Аша и др., в которых пример остальных участников побуждал испытуемого делать ложные выводы. Было обнаружено, что если человек почему-либо захотел играть роль, противоречащую его установкам (например, оказать т.п., что он считает неверным), возникающий конфликт часто разрешается через изменение установок и убеждений. Это пытаются объяснить или необходимостью привести свои чувства в соответствие с реальным действием, или просто влиянием аргументации противной (давящей, подкупающей) стороны. Групповые решения влияют на индивидуальный выбор.

Неверно считать, пишет автор, что главный результат коммуникации — это убеждение, эффекты которого легко и быстро измеряемы. По мнению В. Шрамма, "эффекты коммуникации, которые более всего влияют на нее, и то, что мы делаем, — это тихий эффект никогда не прекращающегося потока информации к нам, через нас, от нас. Наши опосреды поиска информации и выдачи ее определяют большую часть наших жизненных стандартов и опосредованно проведения нашего времени. Они определяют картину нашего окружения и наш образ самого себя... многие из наших навыков, границы нашего знания и понимания. Они лежат также в основе всех эффектов изменения, о которых шла речь ранее, но поскольку эти эффекты аккумулируют, добавляют, переосматривают и подкрепляют, они не благоприятствуют тем краткосрочным исследованиям, которые любят производить исследователи установок" (с.233).

Некоторые специальные эффекты массовой коммуникации рассматриваются автором в главе XIII (речь идет прежде всего о социальнх эффектах). Ведутся ак-

тивные споры, пишет автор, о том, имеет ли вообще массовая коммуникация общественное значение, сравнима ли она по силе воздействия с межличностной и т.д. Вопрос о том, чего можно и чего нельзя ждать от СМК, рассматривается на примере работы П.Лазарсфельда и Р.Мертон (Колумбийский университет, США) "Массовая коммуникация, общепринятые вкусы и организованное социальное действие"¹⁾, указывает В.Шрамм. Эти авторы утверждали, что "сила радио может сравниваться только с силой атомной бомбы", причем эта власть СМК связана с тем, что они выступают как инструмент пропаганды, "а американцы смертельно боятся пропаганды". Колумбийские социологи аргументируют представления о силе СМК следующим образом: "Властвующие группы, и в том числе организованный бизнес, постепенно приходят к тому, чтобы использовать технику массовой пропаганды вместо прямого контроля... Экономическая власть как будто уменьшила прямую эксплуатацию и обратилась к более тонким типам психологической эксплуатации, достигаемым в основном через распространение пропаганды по каналам массовой коммуникации" (с.237). Те же авторы отметили и воздействие СМК на снижение уровня массового вкуса - по крайней мере как непосредственный и осязаемый эффект. Делалось предположение, что в конечном счете использование СМК может повысить вкус публики, но соответствующего исследования никогда не проводилось.

По мнению тех же социологов, СМК могут: 1) подкреплять социальный статус лиц, организаций, политики; 2) укреплять социальные нормы; 3) действовать в качестве

1) Lazarsfeld P.F. Merton R.K. Mass communication, popular taste, and organized popular action.-In: The communication of ideas. Ed. by L. Bryson. N.Y., 1948.

ве "социальных наркотиков", причем самых респектабельных и эффективных. Коммерческое влияние на СМК подкрепляет присущую им тенденцию к сохранению социального статус-кво, в частности благодаря умолчанию о важных проблемах социальных изменений. Но для того чтобы СМК выступали не просто как наркотики (деорганизующее, усыпляющее средство), требуется монополизация СМК, канализация ценностей, а не попытка их изменить, подкрепление действия СМК действием личных контактов. Политические кампании в большой мере нейтрализуют СМК, поскольку аргументы и программы соперников как бы "гасят" друг друга. Иначе обстоит дело в тех случаях, когда деятельность СМК подчинена единой позиции — как это было в условиях мировой войны или как бывает при рекламировании какого-либо товара. Пропагандистские успехи нацизма, согласно Лазарфельду и Мертону, связаны не просто с СМК, но с "использованием организованного насилия, организованным распределением вознаграждений за конформизм и организованными центрами местной пропаганды" (с.240).

В конце 50-х годов ученик названных социологов Джозеф Клаппер — директор социальных исследований Колумбийской радиокорпорации — подытожил взгляды на влияние СМК в работе "Эффекты массовой коммуникации"¹⁾. Его основные выводы:

1. Массовая коммуникация обычно не действует непосредственно на аудиторию, но функционирует в сети посредующих факторов и влияний.

2. Эти посредующие факторы позволяют СМК играть свою роль в подкреплении существующей ситуации.

1) Klapper J.T. The effects of mass communication. N.Y., 1960.

3. В случаях, когда массовая коммуникация содействует изменениям, должно существовать одно из двух условий: а) посредующие факторы должны бездействовать, а влияние СМК быть непосредственным; б) посредующие факторы должны быть ориентированы на изменение условий.

4. В некоторых остаточных ситуациях возможно непосредственное действие СМК на аудиторию.

5. В любом случае эффективность коммуникации зависит от различных аспектов коммуникативной ситуации (способ организации текста, природа источника и средства коммуникации, климат общественного мнения и т.д.).

Клаппер отвечает, что выделить эффект массовой коммуникации из двух влияний в нелабораторной обстановке крайне трудно и поэтому выводы, как правило, весьма приблизительны. Прямое и наглядное воздействие — как в случае того же "Вторжения с Марса" — редко, неглубоко и непоказательно для природы СМК.

После первой мировой войны долгое время была распространена концепция "аудитории-мишени", на которую по каналам — "проводам" направлялись различные сообщения, идеи и т.д. Аудитория считалась абсолютно пассивной. Позже появились исследования, показавшие необходимость выделять определенные социальные и культурные категории в аудитории ("теория категорий"), рассматривать сопротивление и активный выбор информации со стороны аудитории; последняя тем самым признается чрезвычайно активной.

Влияние СМК на повседневное поведение определяется прежде всего затратами времени: как уже отмечалось, около 3 час. в день на ТВ, 40—60 мин. на газеты и т.д. Откуда берется это время? Киво, массовые журналы, радио пришли в дома вместе с сокращением рабочего дня (с 10—12 час. до 8 час.) и рабочей недели (с 6—7 рабочих дней

до 5, т.е. 40 или 36 рабочих часов). ТВ появилось позже, когда это сокращение рабочего времени уже было достигнуто (к 40-м годам XX в.), следовательно, этот канал СМК "разместился" в уже "свободном времени". При изучении воздействия ТВ на английских детей Хильда Химмельвейт и ее коллеги установили несколько принципов, подтвержденных позже исследованиями в других странах:

1. Если какой-либо вид деятельности вытесняется полностью или частично, уступая место новому СМК, этот вид имел маргинальное (побочное) значение (причем это значение различно для разных индивидов и культур). ТВ, согласно Химмельвейт¹⁾, не уменьшило детских игр вне дома, но сократило бездеятельное время (американские исследователи Маккоби и затем Махони считают, что это не так, хотя пострадавшие игры не относились к наиболее ценным детям). У взрослых ТВ не вытеснило гольфа, лишь передвинув время игр в соответствии с программой телепередач, но значительно потеснило кино. Последнее популярно в основном у молодежи, желающей провести время с компанией противоположного пола вне дома. Встает вопрос, как скажется подобный принцип при реальном распространении новейших СМК — какие формы общения и перемещений будут вытеснены видеокассетами и т.д.

2. Время, уделяемое старому каналу коммуникации, функционально подобному новому каналу, но не столь интересному, будет уменьшено в пользу более интересного. Интерес к ТВ заменил интерес к радио и кино. Но телевидение не вытесняет газету, потому что оно не обладает достаточным функциональным подобием: ТВ не содержит столь

1) Himmelweit H., Oppenheim A.N., Vince P. Television and the child. L., 1958.

детального изложения новостей, которое дает газета. Точно так же, хотя ТВ вытесняет массовые журналы общего типа, однако специализированные журналы по-прежнему достаточно популярны.

3. Чтобы сохранить внимание аудитории, подверженные давлению каналы коммуникации должны трансформироваться для удовлетворения тех потребностей, которые не обслуживаются новым СМК. Так, радио переключалось на передачу музыки или, по некоторым станциям, исключительно последних известий, что позволило ему остаться в условиях конкуренции с ТВ источником "фоновой" информации (70 млн. автомобилей в США оснащены радиоприемниками). Кино, стремясь сохранить свою популярность, прибегает к полупорнографии, заведомо непригодной для "домашней обстановки" ТВ.

Создали ли СМК новые массовые потребности? "Трудно представить себе какую-либо новую потребность, — пишет В.Шрам, — которая была бы введена с массовой коммуникацией, но СМК сделали некоторые потребности более зримыми и ожидаемыми, что едва ли учитывалось полвека назад. Вряд ли кто-нибудь предполагал в 20-х годах, что он станет зрителем всех важнейших политических событий, что президента будут регулярно показывать всей стране и т.д., — а сейчас всем кажется подозрительным, если этого не происходит". Эти интересы не новы, но ожидания публики относительно удовлетворения своих интересов теперь совсем иного порядка, чем они были ранее, а поэтому жизненные стандарты и схемы, привычки восприятия СМК претерпели реорганизацию.

Как влияют СМК на распространение информации в массах — ставит вопрос автор. "Человек — чрезвычайно эффективная обучающаяся машина, и он может пользоваться для этого любым источником и опытом" (э.255). Спе-

циальные исследования показывают, что люди очень много узнаивают через СМК, в том числе значительную часть информации нецеленаправленно. Исследования Стюарта¹⁾ и других показали, что почти вся информация американского покупателя о товарах почерпнута из газет, журналов и ТВ-рекламы. Японские исследователи (Фудэитаки) пришли к выводу, что включенность населения в восприятие Олимпийских игр точно соответствует характеру освещения соревнований по СМК. Даже удивительно, пишет В.Шрам, о каком доверии: относятся люди к информации, получаемой ими от развлекательных программ СМК. Так, в ряде стран значительная часть аудитории выражает убеждения, что американские фильмы правдиво отражают жизнь в США.

В то же время в массовом знании о весьма важных проблемах текущей политики, науки и медицины имеются огромные "белые пятна". В разгар кампании, поднятой Дж.Маккарти ("маккартизм"), почти одна треть населения не могла назвать имени сенатора, участвующего в обличении подрывной деятельности. В ходе избирательной кампании по президентским выборам в 50-х годах почти половина избирателей не могла вспомнить ни одного из кандидатов в вице-президенты. В 1955 г. только 7% населения США знало, какая из планет ближайшая к Солнцу, а в 1957 г. только 38% было уверено, что Луна меньше Земли.

Согласно объяснениям, которые изложили Хаймен и Шитолч²⁾, изучавшие причины неудачи одной пропагандист-

1) Stewart Y.B. Repetitive advertising in newspapers. Boston, 1964.

2) Hyman H.H., Sheatsley P.B. Some reasons why information campaigns fail. - "Publ. opinion quart.", Princeton, 1947, vol. 11, N 4, p. 413-423.

окой кампании в штате Цинциннати, публика мало интересуется тем, что не затрагивает ее непосредственных интересов, видит в СМК прежде всего средство развлечения, не обращает внимания на новые сообщения.

Другая сторона проблемы — односторонность освещения материала самими СМК, акцент на сенсациях, иногда мнимых (например, шумиха вокруг сообщения о нападении на президента в конце 1970 г.).

По мнению В.Шрамма, разумная гипотеза состоит в том, что наиболее сильное воздействие СМК на публичное знание (сравнимое даже с эффектом того реализма, с которыми они могут представить отдельные события и местности) состоит в способности СМК фокусировать внимание публики на некоторых проблемах, личностях или событиях в данный момент времени. Этот эффект может отчасти контролироваться теми, кто умеет квалифицированно пользоваться СМК, но он не становится от этого менее важным. Он питает межличностное общение, стимулирует просмотр, чтение или восприятие других материалов, поощряет репортера к тому, чтобы глубже освещать проблемы, а комментатора к тому, чтобы он с большей серьезностью трактовал соответствующий вопрос. Например, проблема экологии вряд ли была бы столь актуальной, если бы СМК не подняли экологию на уровень публичного внимания и не держали ее в поле зрения день ото дня. Точно так же проблемы наркотиков или событий в Сонгми едва ли столь долго сохранялись перед глазами публики, если бы СМК не фокусировали на них внимание. В этом заключается огромная сила СМК.

В главе XIV В.Шрамм рассматривает политическое влияние массовой коммуникации.

Изучение массовой коммуникации имеет особое значение для использования СМК в политической борьбе, прежде всего в избирательных кампаниях.

В Англии существует закон, согласно которому в период избирательной кампании каждая из соперничающих партий имеет равный и бесплатный доступ в эфир и на телеэкран корпорации Би-Би-Си. В силу частной собственности на СМК и связанных с этим привычек к платной рекламе в США каждая кампания теперь предполагает огромные расходы на пропаганду через СМК. По официальным подчетам, политическая реклама по радио и ТВ во время президентской кампании 1968 г. стоила 58 млн.долл., а по одному из неофициальных подчетов — до 300 млн.долл.

Особое внимание к телевидению оправдано данными о том, что начиная с 1952 г. опросы показывают растущую и преобладающую роль ТВ как источника избирательной информации; соответственно уменьшается роль радио; в то же время стабильно место газет и журналов.

Д.Ниммо в книге "Политическое убеждение"¹⁾ разделил массу на которую рассчитано пропагандистское влияние, на две группы: "Одна в большой мере пользуется печатными СМК и стремится охранять лояльность к одной из партий, вторая, более крупная, обращается преимущественно к радиовещанию и телевидению, в общем имеет менее высшее образование, менее глубокие политические интересы" (с.268)

Примерно с 60-х годов кандидаты в президенты придают огромное значение своим выступлениям по ТВ, тому, как они будут при этом выглядеть. Р.Никсон считал, что проиграл Дж.Кеннеди кампанию 1960 г. только из-за того, что соперник лучше выглядел на экране ТВ. Поэтому в 1968 г. телекампания Р.Никсона была очень тщательно подготовлена, а кампания 1972 г. "была столь тщательно составлена

¹⁾ Nimmo D. The political persuaders. Englewood Cliffs, 1970.

и оркестрована, с таким использованием власти президента в создании новостей, контролем национального правительства за потоком информации и влиянием на ведущие темы СМК, что президенту почти не приходилось покидать Белый дом" (с.269).

Стремление успешно выступить на телевизионном экране требует от кандидата профессионального исполнения роли, которое обычно осуществляется под наблюдением профессионалов. Возникает особая профессия — "конструктор образов", стоимость предвыборной пропаганды в ходе последних кампаний возросла в немалой мере за счет их оплаты.

СМК концентрируют внимание публики либо на личности, либо на проблеме, оба варианта проверялись в различных кампаниях. В 1948 г. республиканский кандидат Дьюи был столь уверен в победе, что главное внимание уделил тому, чтобы представить себя как человека, достойного быть президентом. Труман же сделал акцент на проблемах и поэтому победил. В 1952 г. при организации избирательной кампании Эйзенхауэра упор делался на то, что во главе государства должен стоять человек, который обеспечит победу в корейской войне. Кульминацией кампании считается тщательно расчитанное на эффект заявление Эйзенхауэра о том, что он, если нужно, сам готов отправиться в Корею.

В. Шрамм обобщает эффекты СМК в избирательных кампаниях следующим образом:

I. Такая кампания столь сложное явление, что никакой отдельно взятый фактор не может объяснить ее успех или поражение. (Приведенное выше заявление Эйзенхауэра было сделано, когда его победа уже не вызвала сомнений.)

2. Реалистическая политическая стратегия должна опираться на СМК и личное общение, а не на один из этих факторов.

3. На деле лишь небольшая часть избирателей действительно изменяет свои взгляды во время избирательной кампании, поэтому пропаганда должна быть рассчитана на подкрепление уже существующих симпатий и партийных ориентаций.

В обзоре исследований по проблеме принятия политических решений Д.Сизарс¹⁾ показал, что американцы уже в достаточно зрелом возрасте чаще всего не имеют серьезных партийных ориентаций, сохраняя, как правило, партийные предпочтения своих родителей. Их собственные приверженности формируются на рубеже третьего десятилетия жизни, не без влияния студенческой среды, часто либеральной; но если либерально мыслящие молодые люди поступают в административный персонал крупной фирмы или в биржевую контору, они становятся обычно более консервативными. В переходный период, когда определяются жизненные стандарты и карьера, люди наиболее подвержены влияниям со стороны организованных групп сверстников - "подобно Гитлерюгенду, китайским хунвэйбинам или Советскому комсомолу". В США, где ничего подобного нет, интересы молодежи пытаются организовать в ходе предвыборных кампаний. В кампании 1972 г. большая часть политической коммуникации ориентировалась на новых избирателей, в возрасте 18-21 года.

Внимание избирателей весьма неравномерно мобилизуется на разных стадиях избирательной кампании, между

1) Sears D.O. Political behavior.-In: The handbook of social psychology. Lindzey G.L.a.Aronson E.(eds). Reading (Mass.), 1969, p.315-458.

съездами и кануном выборов оно довольно низко. В 1960 г. 1/3 избирателей смотрела передачи своей партии в канун выборов, в 1968 г. несколько меньше. Поэтому политические профессионалы перешли сейчас от длинных передач к коротким (до полминуты) с появлением на экране кандидата, говорящего несколько слов. Такой метод пропаганды, проникающей в толщу обычных передач, использовался Рокфеллером в штате Нью-Йорк и оказался эффективным.

Значение ориентации на личность претендента в пропаганде и пристрастиях аудитории обнаруживают следующие данные М.Роузена (статья "Не кандидаты упакованы, а вы сами"¹⁾, где обигран ходячий термин профессиональной пропаганды - "упаковать", т.е. лучшим образом подать рекламируемый товар).

Избиратели нескольких штатов сошлись в мнениях о том, что они хотели бы видеть своего кандидата:

честным, убежденным	47%
понимающим, озабоченным	14%
способным, квалифицированным	9%
добрым, семейственным	7%
вождем	5%
умным, образованным	4%
человеком, который "знает жизнь"	3% (с.275)

Авторы исследования полагают, что эти данные говорят о том, что избиратели не безразличны к "жизненным вопросам", но когда приходит время решать, кто же может лучше разрешить эти вопросы, возникает ориентация на личность. В подтверждение приводятся результаты выборов губернатора Аляски в 1970 г., когда, вопреки предположениям, был избран неспособный и хорошо подготовив-

¹⁾ Rowan M. Candidates aren't packaged - you are. - "Politica", Somerset (N.Y.), 1971, N 1, p.2, 7-10.

ший свою кампанию бизнесмен Кар, а Гилл Иген — потому что, по мнению большинства, он "искренний, милый парень" (с.275).

Это свидетельствует о том, что пропагандистская "упаковка" кандидата не должна быть произвольной: кандидат должен отражать ожидания голосующих. Некто сказал: "Я должен следовать за народом, потому что я его лидер". Проблема в том, как оделать, чтобы кандидат выглядел похожим на тот образ желаемого лидера, который существует в массе, как оделать, чтобы кандидат говорил именно то, чего от него ждут.

Английские избиратели заявляли исследователям, что ТВ пропагандирует такие качества кандидатов, как "прямота", "искренность", "доверие", но не такие, как "сила" или "работоспособность". По американским данным, распространенное представление о выступившем по ТВ кандидате строится по трем линиям — "выступление", "политическая роль", "личный образ".

Каждый кандидат сталкивается с проблемой избирательности внимания аудитории: как правило, слушают и смотрят только "своего". С этим связана упомянутая выше особенность эффекта: не обращение к "чужим", а актилизация тех образов, которые стали уже "своими".

Много внимания в исследовании политических функций СМК в последние годы уделялось анализу знаменитых телевизионных дискуссий между Дж.Кеннеди и Никсоном осенью 1960 г. Их смотрело от 24 до 27 млн.семей (всего состоялось 4 передачи). Полагают, что Никсон проиграл потому, что позволил своему молодому противнику лишний раз показаться аудитории и продемонстрировать свой опыт, в котором ранее многие сомневались.

Другой важный для исследований случай в истории американской политической пропаганды, связанный со

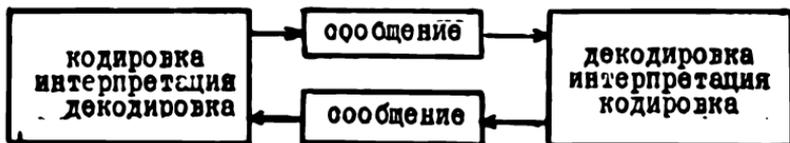
СМК, — освещение событий после убийства Дж.Кеннеди. По мнению В.Шрама, в этот период "функции СМК и особенно телевидения состояли в том, чтобы излечить и реинтегрировать общество" (с.285).

Потенциал СМК можно использовать и для того, чтобы увести внимание публики от важных вопросов — примером В.Шрам считает замалчивание китайской печатью информации о визите Никсона в 1972 г. "С нашей точки зрения такой контроль над массовой коммуникацией неприемлем; с марксистско-ленинской точки зрения он и приемлем и желателен" (с.287). "Каждая культура использует великую силу СМК для получения тех эффектов, которых она желает. Или, как говорят многие наблюдатели, каждая страна имеет такую систему массовой коммуникации, которую она заслуживает" (с.290).

Подводя итоги, В.Шрам заключает: "Если одна тема доминировала в этой книге, то это та, что коммуникация является поведением и должна пониматься как поведение". Имеются различия в коммуникативном поведении богатых и бедных, черных и белых. В целом менее культурные и элитные слои больше доверяют "реалистичности" телевидения, но гораздо хуже воспринимают выступление "чужого", который для них человек иной культуры. Поэтому необходимо, считает В.Шрам, наладить коммуникацию между группами. "Если люди действительно хотят общаться друг с другом и попытаются понять как возможности, так и препятствия коммуникативных отношений, в которых они участвуют, мы сможем умножить области нашего понимания, пересмотреть наши когнитивные подходы с тем, чтобы они не противоречили друг другу, и решить ряд проблем, стоящих перед нами" (с.296).

В приложении В.Шрам разбирает наиболее распространенные модели процесса коммуникации.

Схема коммуникации, предложенная К.Шенноном¹⁾, такова:

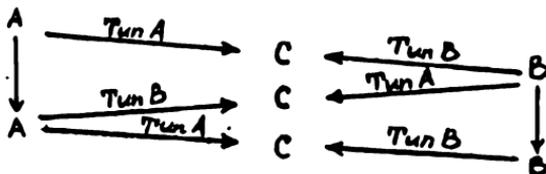
Б.Вестли и М.Маклин³⁾ также вводят в свою схему понятия декодировки и обратной связи:

В этой схеме: x, x, x - сообщения в очереди, А - источник, С - "привратник", В - получатель, - - - - - обратная связь.

По мнению В.Шрамма, все эти модели отражают некоторые особенности процесса коммуникации.

Сам В.Шрамм предлагает следующую модель:

1) Shannon C., Weaver W. The mathematical theory of communication. Urbana, 1949.

2) Osgood C., Suci G., Tannenbaum P. The measurement of meaning. Urbana, 1957.

3) Westley B., MacLean M. A conceptual model for communication research. - "Journalism quart.", Minneapolis, 1957, vol. 34, № 1-3, p. 31-38.

В модели В.Шрама "А и В - два участника, С - знаки, выдвинутые одним участником и используемые другим. Обратная связь - это представление одного участника о собственных знаках или о его собственном восприятии реакции другого участника. Вертикальная линия А - А и В - В означает, что некоторые из последующих коммуникативных актов обусловлены образами, которые несет А, и потребностями, которые он ощущает, а также его реакцией на знаки, которые он только что переработал" (с.300-301).

Особенность модели В.Шрама по сравнению с другими моделями состоит в том, что все стрелки направлены как от передающего, так и от воспринимающего участника к знакам. Это обусловлено тем, что Шрам отвергает идею "пассивного" воспринимающего и, по его мнению, направление стрелок обозначает именно активность воспринимающего участника.

Ю.А.Левада

СЕЙМОР-ДР К.
СИСТЕМЫ ОБЩЕНИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

SEYMOUR-URE C.
Media systems, political culture and party
systems. - "Politico", Pavia, 1973, vol.38,
№ 2, p. 217-230.

Колин Сеймор-Др — преподаватель Кентского университета (Великобритания), специалист в области политических наук, занимается изучением средств массовой информации.

В рассматриваемой статье, как отмечается в предисловии, не ставится задача выработать общую модель взаимоотношений между системами общения и политическими партиями: цель работы — уточнить некоторые характеристики, присущие системе средств информации и политическим культурам. Эти характеристики могут быть выявлены во взаимоотношениях между системами общения и политическими институтами.

Давая характеристику средств информации, К.Сеймор-Др в первую очередь обращается к исследованию экономических факторов, оказывающих решающее влияние на их развитие.

Он отмечает, что в некоторых странах с низким уровнем валового национального дохода (таких, как Чад, Дагомея, Габон) нет ежедневных газет, в других — их множество, иногда даже больше, чем в развитых странах. Это объясняется тем, что издержки производства печатной продукции в развитых странах значительно выше. Газеты в странах Западной Европы и США продаются по очень низкой цене, так как исторически сложилось, что большую часть дохода издатели получают не за счет реализации своей продукции, а за счет рекламных поступлений. Так, в 1966 г. 75% дохода английской газеты "Times" составляли рекламные поступления. Вот почему создание в 50 — 60-х годах XX века коммерческого телевидения, которое передает рекламу, привело к ликвидации ряда газет, к усилению концентрации и монополизации печати. В Великобритании в настоящее время могут выжить лишь издания с очень большими тиражами. Если в 1937 г. самый высокий тираж английских ежедневных массовых газет был немногим более 2 млн. экземпляров, то 30 лет спустя газеты с подобными тиражами становятся нерентабельными, не выдерживают конкуренции и закрываются.

На основе подобных примеров автор делает вывод, что между экономикой газетной индустрии развитых и развивающихся стран существует коренное различие.

Характеризуя современное состояние газетной индустрии, автор указывает, что в индустриально развитых странах ни частное лицо, ни политическая партия или группа не имеют возможности основать новую газету. Именно поэтому растет интерес к вопросам, связанным с изданием уже существующих газет и их содержанием. Этим же объясняется растущая оппозиция все углубляющейся тенденции к монополизации прессы, к образованию газетных "империй" (типа "империи" Шпрингера). Это становится еще более

понятным, если учитывать существующее мнение о якобы большой политической власти, которой обладают средства массовой информации. К. Сеймор-Юр пишет, что в развивающихся странах (за исключением тех, где существует монополия государства) процессы концентрации и монополизации печати достигли значительно меньших масштабов, чем в США и Европе. Он отмечает также возросшую тенденцию к образованию многонациональных монополий в сфере средств информации, указывает, что в некоторых странах Ближнего Востока (Турция), Латинской Америки, Африки (Сьерра-Леоне) и Азии до сих пор еще сохранились "персональные" газеты, являющиеся политическими инструментами в руках своих владельцев (хотя часто такие газеты издаются с большими убытками).

В статье рассматриваются две системы печати — "национальная" и региональная. Наличие "национальной" печати характерно для относительно "маленьких" стран, таких, как Япония, Израиль или Англия. В силу ряда факторов — сравнительно небольших размеров страны, общности культуры, хорошей системы распространения, огромной рекламной индустрии — в Великобритании лондонские ежедневные газеты практически превратились в общенациональные издания. Наряду с национальными в Англии выходят местные, провинциальные газеты.

В США из-за географического положения страны сложилась региональная система печати. Только "Wall street journal" приближается к рангу общенациональной газеты. Однако ее значение в этом качестве снижается из-за того, что она является специализированной газетой, предназначенной для деловых кругов США, и основное внимание уделяет освещению экономических вопросов. В статье подчеркивается, что попытка даже такой влиятельной американской газеты, как "New York times", основать специаль-

ное издание для западного побережья страны окончилась неудачей.

В настоящее время в тех развитых индустриальных странах, где существует региональная печать, конкуренции между газетами практически нет. Так, в США и Канаде сложилась ситуация — "один город — одна газета", т.е. в каждом городе выходит фактически только одна газета. Даже в Нью-Йорке в конце 60-х годов издавалось лишь две районные газеты — "New York times" и "Daily news", которые не являлись конкурентами. Аналогичную тенденцию можно проследить в Великобритании и ряде других европейских стран. По мнению автора, подобная монополия на прессу в странах с многопартийной государственной системой увеличивает возможность того, что газета может подпасть под влияние какой-либо одной партии, вероятнее всего под влияние консервативной (или реакционной) партии.

К.Сеймор-Др указывает также, что в результате конкуренции коммерческого телевидения наблюдается ликвидация газет, поддерживающих политику мелких партий, и это имеет серьезное политическое значение. Так, после закрытия в 1960 г. пролиберальной газеты "News chronicle" в Великобритании не осталось ни одной газеты, поддерживающей политику либеральной партии.

В статье указывается, что развитие системы печати во многих странах зависит от религиозных, этнических, лингвистических и некоторых других факторов. В Индии, например, газеты издаются на более чем 12 языках, в Югославии выходит около 20 ежедневных газет на 6 языках.

Переходя к вопросу о политической культуре, К.Сеймор-Др отмечает, что он употребляет этот термин для обозначения совокупности индивидуальных отношений и

политической ориентации индивидов в политической системе. Автор пишет, что существует много различных концепций о политической роли средств массовой информации. Так, в СССР и некоторых других коммунистических странах количество газет и их организация, взаимоотношения с политическими институтами определяются социалистической структурой общества. Эти взаимоотношения коренным образом отличаются от складывающихся в странах с плюралистической политической системой. Например, в рамках плюралистической политической системы можно встретить самые различные мнения по проблеме субсидирования печати. Так, в США, где еще сильны остатки философии свободного предпринимательства, любая попытка помешать ликвидации той или иной газеты при помощи общественного субсидирования подвергается анафеме. В то же время в Скандинавии в результате длительного пребывания у власти социал-демократических правительств и исторически сложившейся системы многопартийности с множеством газет, общественное субсидирование газет считается вполне допустимым. В Голландии существует правительственное законодательство, устанавливающее, что коммерческое телевидение должно компенсировать часть убытков, которые несут газеты из-за сокращения рекламных поступлений. Итальянское правительство в 1972 г. также пыталось ввести субсидирование печати. Во всех странах, заключает автор, основные политические ценности с необходимостью требуют существования многочисленной и разнообразной прессы и соответствия (в большей или меньшей степени) между ней и ценностями, представленными в партийной системе.

Другим важным аспектом политической культуры, определяющим облик прессы и ее связи с политическими институтами, является, по мнению автора, степень приемлемости репрессивного вмешательства. Это вмешательство может

быть политическим, юридическим и экономическим. В статье отмечается, что данный вопрос лучше всего рассмотреть, анализируя взаимоотношения прессы и политических партий. Эти взаимоотношения в либеральных демократических странах удачнее всего были определены в документах британской Королевской комиссии по делам печати (1949 г.): политические лидеры должны быть ответственны перед народом, поэтому "демократическое общество нуждается в ясном и правдивом описании событий, их предпосылок и причин, нуждается в форуме для дискуссий и аргументированной критике, в средствах, при помощи которых отдельные люди или группы людей могут выразить или отстаивать свои соображения" (с.225). Эффективное осуществление этих функций возможно лишь при условии независимости прессы от правительственного контроля. Королевская комиссия сделала также вывод, что "только при условии существования большого количества разнообразных газет пресса сможет эффективно представлять все важнейшие точки зрения в условиях варьирующихся (среди основных групп населения) критериев вкуса, политических взглядов и образования" (с.225). Так как большая часть политических дискуссий в основном концентрируется вокруг политических партий, любое определение "важных точек зрения" почти наверняка предполагает, что при освещении в прессе действий и взглядов уделяется особое внимание деятельности этих партий.

Автор рассматривает функции партий и связи между прессой и партийными системами в самых различных идеологических ситуациях. Так, в Индии отдельные националистические группы существовали уже в конце 60-х годов XIX века, однако партия Индийский национальный конгресс была создана лишь в 1885 г. после того, как многотиражная газета, выходившая на английском языке, поддержала это дви-

жение. В африканских колониях пресса также часто являлась важнейшим катализатором национализма.

Согласованность между прессой и политической партией особенно велика тогда, когда оба эти института достаточно стабилизированы. В партии люди объединяются для достижения общей политической цели. Такое объединение требует коммуникации, независимо от того, является ли партия массовой или нет, закрыт или ограничен доступ к членству в ней и т.д. По мнению автора, именно газеты имеют очевидные преимущества как средство политической коммуникации. Они являются более гибким средством информации, чем радио, потому что читатель газеты имеет возможность контролировать место, время, размер, частоту и количество поставляемой ему информации. Единственное социальное "предубеждение" против газет как средства коммуникации состоит в их недоступности для неграмотных.

Обычно социальные силы, выражающие свои интересы посредством той или иной партии, стремятся представить их также и в печати. По мнению автора, когда в обществе существуют конкурирующие партии, можно обнаружить связь не только между отдельными газетами и партиями, но также соответствие или "параллелизм между разрядом газеты и разрядом партии" (с.227).

В статье выдвигается гипотеза, что в индустриально развитых странах люди в значительно большей степени используют средства информации для развлечения и общей информированности, чем в специфически политических целях. Кроме того, автор считает, что массовая аудитория отнюдь не обеспокоена сокращением количества газет, а также тенденцией "централизации и монополизации печати" (с.228).

В подтверждение высказанных соображений автор приводит результаты обследования, проведенного в Велико-

Британии в 1963 г., которое показало, что только незначительное количество читателей смогло правильно назвать партийную ориентацию "своей" газеты, "более трети читателей вообще было убеждено, что их газета политически нейтральна"¹⁾. В ответ на вопрос, какие газетные материалы вызывают наибольший интерес, 20% опрошенных назвали спорт и лишь 4% — политику.

Аналогичное изучение аудитории газет проводилось в Скандинавских, а также некоторых других странах включая СССР. Этот анализ, по мнению автора, показал "повсеместно распространенное сходство ценностей шкалы газетных новостей" (с.229).

Рассматривая "функцию" и "век" партии в партийной системе, К.Сеймор-Юр отмечает, что в академической литературе при анализе партий выделяют их шесть основных функций: структурирование голосования, интеграция и мобилизация широких масс, рекрутирование политических лидеров, организация правительства, формирование общественной политики, концентрация интересов. Он считает, что газеты выполняют аналогичные функции. В статье утверждается, что чем больше "век" партии в той или иной политической системе, тем больше вероятность взаимосвязи "партия — пресса" (с.230). Если какая-либо другая группа, помимо партии, осуществляет перечисленные выше функции, то пресса как одно из средств коммуникации будет действовать "параллельно" этим группам и отстаивать преданность групповым целям.

Данное предположение дает автору возможность выделить две противоположные, коренным образом отличающиеся ситуации. С одной стороны, партия может иметь монополию на все перечисленные функции, что характерно для

1) Political change in Britain. L., 1971, p.284-285.

стран с ярко выраженной однопартийной системой. В этом случае в СССР, Китае, странах Восточной Европы, на Кубе и в таких развивающихся странах, как Танзания, существуют теснейшие связи между партиями и газетами. С другой стороны, есть системы, в которых партии целиком отстранены от выполнения вышеуказанных функций. В таких "непартийных" (с.230) системах (Бразилия, Перу, Иран и др.) пресса стремится выступать параллельно с альтернативными группами, выполняющими все или некоторые из перечисленных функций.

В то же время, подчеркивается в статье, положение партийных систем между двумя указанными выше крайними ситуациями не обязательно соотносится с числом партий. Так, в одних двухпартийных системах, например в Великобритании, партии играют роль в большинстве из перечисленных функций. В других (в США) партии ограничивают свою деятельность функциями структурирования голосования и интеграции-мобилизации широких масс. Автор резюмирует, что осуществление этих шести функций обычно очень широко варьируется в зависимости от политической системы.

И.В.Маринко

ДАЛЬМЮЛЛЕР Г., ХУНД В., КОММЕР Х.
КРИТИКА ТЕЛЕВИДЕНИЯ. ИЗУЧЕНИЕ МАНИПУЛЯЦИИ

DAHLMÜLLER G., HUND W., KOMMER H.
Kritik des Fernsehens. Handbuch gegen
Manipulation. Ulm, Neuwied, 1973. 387 S.

Авторы книги - молодые прогрессивные западногерманские социологи.

Г. Дальмюллер, доцент специальной высшей школы Хильдесхайм, занимается изучением средств массовой коммуникации, опубликовал ряд научных работ по этой проблематике. Наиболее значительные из них: "Шесть тезисов о телевидении", "Проблематика автономных форм искусства на примере абстрактной живописи"¹⁾. В. Хунд - преподаватель Марбургского университета и высшей школы в Брауншвейге. Важнейшие опубликованные работы: "Коммуникация в обществе", "Мода и общество", "Структурализм", "Топология коммуникации"²⁾. Х. Коммер - преподаватель журналистики Бре-

1) Dahlmüller G. 6 Thesen zum Fernsehen. - "Kürbiskern", München, 1971, N 3, S. 457-460; Dahlmüller G. Die Problematik autonomer Künstlerischer Formen am Beispiel der abstrakten Malerei. Marburg, 1972.

2) Hund W. Kommunikation in der Gesellschaft. Frankfurt a.M., 1970; Curtius M., Hund W. Mode und Gesellschaft. Frankfurt a.M., 1971; Hund W. Strukturalismus. Darmstadt, 1973; Kommunikationstopologie. W. Hund (Hrsg.). Frankfurt a.M., 1973.

менского университета. Им подготовлена к печати публикация "Техника как чудо" I).

Основная посылка авторск книги, изложенная во "Введении", заключается в следующем: "В век массовой коммуникации в антагонистическом обществе господствующие классы стремятся не только угнетать эксплуатируемые классы, но и целенаправленно влиять на их сознание" (с.22).

Авторы полагают, что большая часть аудитории рассматривает каналы массовой информации не как способ коммуникации, а скорее как волшебную лампу Аладина, как лекарство от страха или лжи, как средство достижения фальшивого удовлетворения и кажущегося успокоения. Именно с этих позиций в книге рассматривается западногерманское телевидение.

По мнению авторов, современные средства массовой информации в буржуазном обществе рисуют искаженную картину действительности, создают неверное представление о реальном ходе событий. Между действительным событием и его ослеплением средствами массовой информации существует расхождение. Объяснение этого явления авторы видят в социальной сути "понятий отчуждения и овеществления" (с.9).

Авторы рассматривают категорию отчуждения в связи с товарным производством и частной собственностью, ссылаясь на экономическую теорию К.Маркса. Они видят суть отчуждения в том, что "не только человек отрывается от продукта своего труда, но и продукт возвращается к нему в замаскированной форме" (с.11). Научно-технический прогресс в капиталистическом обществе сопровождается социальным регрессом, что выражается в усиливающейся господстве и эксплуатации трудящихся, в растущем отчуж-

I) Kommer H. Die Technik als Wandertäter. (В печати).

дении. Причина этого коренится не в технике, а в той роли, которую она играет в общественной организации труда, в совокупном общественном процессе воспроизводства. Действительные общественные отношения маскируются, предстают как уровень развития техники, т.е. овеществляются в сознании людей. Взаимодействие растущей механизации с частной ответственностью на средства производства и наемным трудом ведет к овеществлению общественной жизни.

Эта закономерность пригодит, по мнению авторов, к овеществлению общественного сознания, включая и процесс коммуникации. "Там, где производство, распределение и потребление выступают в сообщениях как товары и подчиняются действию законов капиталистического производства, коммуникатор, реципиент и информация подпадают под влияние отчуждения и овеществления" (с.15).

Иллюстрируя эту мысль, авторы ссылаются на известную радиопередачу о пришествии с Марса, переданную 30 октября 1938 г. американским радио. Реакция слушателей на эту передачу дает яркий пример формирования искаженного сознания. При этом отражение действительности в сознании не соответствует ее объективной сущности. "Мы понимаем под этим выражающуюся в сознании индивидов взаимосвязь между общественным производством, общественным воспитанием и общественной коммуникацией. Передачи, аналогичные названной, показывают на примере экстремальной ситуации то, что ежедневно разыгрывается в процессе общественного обеспечения информацией" (с.22). Телевидение создает атмосферу, в которой тесно переплетаются псевдоинформированность и паника. В книге доказывается, что западногерманское телевидение "каждый вечер демонстрирует пришествие с Марса. Случай 1938 г. исключителен лишь в том смысле, что тогда люди с криками выбега-

ли в паническом страхе на улицу, а сегодня зрители переживают эту ситуацию безмолвно" (с.22-23).

В главе "Новые пророки" авторы рассматривают наиболее распространенные буржуазные теории массовой коммуникации, выделяя две основные тенденции: технологический оптимизм и пессимистическую критику культуры. Оба этих противоположных направления, утверждается в книге, заводят буржуазных теоретиков в тупик. Кроме того, эти теории отвлекают "критический взгляд ученого и внимание общественности от средств массовой коммуникации". Они конструируют ложную схему, в большей или меньшей степени неадекватную реально существующим общественным процессам" (с.25). Подобная оценка, в частности, дается в известной буржуазной концепции двухступенчатого потока коммуникации ("two-step flow of communication") и теории "лидеров мнений" ("opinion-leaders").

Далее авторы анализируют теории М.Маклюэна, К.Штайнбуха и Х.-М.Энденсбергера, называя этих исследователей представителями технологического оптимизма.

В книге показано, что М.Маклюэн в своих работах извращает реальные социальные отношения и видит в информационной технике основную причину человеческих действий, маскируя манипулятивный характер буржуазного информирования. По мнению авторов, у Маклюэна техническое развитие играет роль спасителя там, где в действительности могут помочь лишь общественные изменения. Авторы считают, что К.Штайнбух, как и Маклюэн, рассматривает ход истории через призму эволюции техники передачи сообщений. "Социально-экономические основы исторического процесса игнорируются и заменяются продуктами развития техники" (с.35). Модель "кибернетического государства", сконструированная Штайнбухом, оправдывает антигуманность классового общества. "Он называет изобре-

тателей технических средств информации двигателями социального прогресса, при этом замалчивая то, что работа ученых оплачивалась потом угнетенных классов, а ее результаты применялись преимущественно для укрепления общественных отношений господства и подчинения" (с.39).

Авторы критически разбирают также теорию Х.-М.Энценбергера, который, по их мнению, отрывает понятие манипуляции от его социальных и экономических корней, рассматривает манипуляцию как совокупность "художественных и технических приемов". Манипулирование превращается, таким образом, в закономерное явление природы. В книге подчеркивается, что Энценбергер неверно оценивает технические возможности процесса информации и потому не может указать пути изменения всей системы массовой коммуникации. Так, "указание на общественный контроль над средствами массовой информации остается у Энценбергера пустой фразой. Он не говорит об организаторских и воспитательных возможностях партии рабочего класса. Остается неясной взаимосвязь между способом хозяйствования и манипуляцией, а также между общественным воспитанием и передачей сообщений. Долгосрочная революционная стратегия и политическая сила рабочей партии подменяются стихийной самодеятельностью масс" (с.47).

Критикуя западногерманское телевидение, авторы выделяют следующие аспекты: формы сообщения; политическая манипуляция; телевидение как реклама системы.

В главе "Формы сообщения" раскрывается взаимосвязь формы сообщения и его содержания. Наиболее показательны с этой точки зрения телевизионные информационные выпуски "Heute" и "Tagesschau". В книге отмечается, что

"критики телевидения¹⁾ приходят к парадоксальному выводу: передача известий западногерманского телевидения бедна информацией, хотя сообщения о событиях сменяют друг друга с максимальной быстротой" (с.58).

Причину этого авторы видят в способе информирования, который они называют "сообщение - контекст". Дело в том, что "сообщения возникают не в безвоздушном пространстве, а читатель, слушатель или зритель не является полностью неосведомленным. То, что на телевидении выступает как изолированная информация, имеет в действительности большое число внешних связей. Именно в этом и состоит диалектика сообщения: важно сообщение не само по себе, важно, как оно раскрывается в контексте различных отношений" (с.58).

В книге подчеркивается, что контекст сообщения состоит из целого ряда различных кодов (специфически текстовой, эстетический, исторический, индивидуально-психологический, политический, экономический, социальный). При этом важнейшим кодом каждого контекста является социальный.

Однако на практике информационные программы "Heute" и "Tagesschau" "не выделяют социальный код, а передают большое количество разнообразных фактов, в сложной взаимосвязи которых трудно разобратся. Это приводит к тому, что зритель ассоциативно обобщает данные отдельных разрозненных сообщений, действуя по стереотипной схеме, выработанной воспитанием, идеологией и средствами массовой информации. А это означает, что возникает почва для неверных сообщений" (с.63).

1) См: Schatz H. "Tagesschau" und "Heute" - Politisierung des Unpolitischen? -In: Manipulation der Meinungsbildung. Hreg.v. R.Zoll. Opladen, 1971, S.111, 112, 113.

Еще одну специфическую особенность западногерманского телевидения авторы видят в "конвергенции старого и нового". В качестве примера они рассматривают два типа передач: развлекательные программы и политические сообщения.

Для анализа этих передач авторы вводят понятия "редундантные" (*redundant*) и "инновативные" (*innovativ*) элементы сообщения. Эти термины они заимствуют из статистической теории информации, но употребляют их в переносном, качественно ином смысле. "Редундантное — это то, что тот или иной читатель, слушатель или зритель уже знает, а инновативное — это то, что он узнает дополнительно к уже имеющимся у него знаниям" (с.85). По мнению авторов книги, сообщение будет информативно богатым при равновесии редундантного и инновативного. Это равновесие обусловлено, в частности, уровнем развития науки, который зависит от положения классов в обществе и ряда других социальных факторов, а также определяется широтой кругозора читателя, слушателя или зрителя.

Одна из самых популярных развлекательных программ западногерманского телевидения — "Парад шлягеров", конкурс на самую популярную песню месяца. По мнению авторов, основная цель такого рода развлекательных телевизионных программ — занять свободное время зрителей, отвлечь их от сложных проблем, подsunуть им вращ счастья. В многочисленных развлекательных программах демонстрируется вращ любви и гармонических отношений между людьми. В этих программах легко разрешаются любые сложные жизненные проблемы. "При подобном фиктивном разрешении реальных проблем зрителю предлагаются одни и те же стандартные формы, стереотипы. Именно в этом и состоит принципиальная редундантность развлекательных программ" (с.89).

Развлекательные программы, выдавая старую информацию за новую, "пытаются утвердить в сознании зрителей

мысль о том, что жизнь общественных производителей — это рок, нечто данное им от природы, а не результат их жизнедеятельности... Эти программы закрепляют неверные социальные стереотипы, "ложное общественное сознание" (с.90).

В книге подчеркивается, что телевидение в целом выступает как средство развлечения. Информационных передач на западногерманском телевидении значительно меньше, им отводится, как правило, самое неудобное время и самые неудобные каналы. Как развлекательные, так и политические программы выполняют одну и ту же социальную функцию — защищают капиталистическую систему. Для выполнения этой задачи в политических передачах выработан большой арсенал средств. "Как и развлекательные, политические программы искажают соотношение между инновативным и редуцированным. Однако в отличие от развлекательных программ они дают принципиально иное соотношение старого и нового. Именно благодаря тому, что все новые политические тенденции и проблемы, а также любая критика существующего порядка подаются в оболочке старого, у зрителя постоянно создается иллюзия информированности" (с.94).

Таким образом, по мнению авторов, "благодаря конвергенции старого и нового зритель не активно воспринимает политические новости..., а лишь потребляет их" (с.101).

В главе "Маленькая политическая драматургия" анализируются различные аспекты политической манипуляции, используемой телевидением. Один из этих аспектов — создаваемая видимость объективности сообщений. В книге отмечается, что западногерманский зритель привык верить в объективность информации, передаваемой по телевидению.

Однако авторы на конкретных примерах доказывают тенденциозность телевизионных передач. Любой выпуск определенным образом прокомментирован, подается под определенным углом зрения, и таким образом телевидение незаметно осуществляет манипулирование сознанием людей.

В то же время даже передача без комментариев, прямой репортаж с места события, также используется в целях манипулирования. Стремление зрителей понять законы социального развития и участвовать в общественной жизни удовлетворяется фиктивно.

Та информация, которую зритель воспринимает как объективную, на самом деле так обработана и "подготовлена к потреблению" (с.118), что зритель воспринимает ее в соответствии с заранее заданным стереотипом, утверждают авторы.

Как существенные аспекты "политической драматургии" телевидения в книге рассматриваются также параллельный и контрастный способы монтажа. Авторы отмечают, что эти способы сами по себе не являются идеологическими, но "становятся таковыми... так как с их помощью целенаправленно подчеркивается определенная аргументация" (с.138).

В книге указывается, что драматургия, основанная на монтаже контрастов, преподносит читателю или зрителю лишь формальные и тривиальные контрасты. По мнению авторов, в буржуазном обществе разъединяется или атомизируется действительность. Так как нельзя показать целое, то действительность разлагается на части. Используя этот принцип, информационные программы "Heute" и "Tagesschau" показывают лишь осколок-мира, который подается как самое актуальное и самое интересное из всех происходящих в мире событий.

На принципе атомизации построена вся работа западногерманского телевидения, представляющего собой столь

пеструю смесь промышленных, культурных программ, комментариев, интервью и т.д., что зритель теряет какую-либо ориентацию в потоке этих передач. Задавленный разрозненной информацией, зритель ищет опору в элементарных, порою реакционных стереотипах.

По мнению авторов, принцип параллельности монтажа действует на зрителей ассоциативно, то есть вместо реальных, жизненных драматических событий (ситуаций) зрителю предлагаются надуманные конфликты. Если же телевидение и показывает реальную драматическую ситуацию, то, как правило, она строится по упрощенной, заранее заданной схеме. Причем "драматургическая внешняя логика параллельного монтажа подменяет отсутствующую фактическую логику" (с.141).

В главе "Телевидение как реклама системы" исследуется роль рекламы в западногерманском телевидении. Авторы подчеркивают, что непосредственной целью производства товаров является не удовлетворение потребностей людей, а увеличение капиталистической прибыли. При капитализме именно реклама, оozдающая и формирующая спрос на ту или иную продукцию, служит достижению этой цели. Предлагая потребителюкие товары, средства массовой информации "пропагандируют капиталистический образ жизни, стремятся увековечить капиталистическую систему в целом"(с.165).

Телевизионная реклама стремится доказать зрителям, что достигнуть более высокого положения на социальной лестнице совсем невозможно. Достаточно лишь начать курить дорогие сигареты или пить шотландское виски или французский коньяк, то есть употреблять товары "люкс". Тем самым реклама пытается скрыть реальные причины общественных конфликтов; "конфликты, которые возникают на основе социально-экономических отношений в нашем обществе, подаются рекламой как проблемы, касающиеся только личной жизни" (с.176).

Реклама постоянно внушает, что именно "в потреблении каждый человек может наконец стать равноправным членом буржуазного общества" (с.183). Однако авторы с помощью реальной статистики разоблачают подобную "идиллию". Статистические данные, приведенные в книге, свидетельствуют о том, что в ФРГ относительный рост благосостояния сопровождается усиливающейся эксплуатацией непосредственных производителей. Доля заработной платы рабочих и служащих в национальном доходе менее чем за двадцать лет снизилась более чем на 12%, в то время как доходы капитала увеличились более чем на 16% (с.184).

Авторы подчеркивают отчужденность человека в окружающем его иррациональном мире. Корень отчужденности они видят в том, что при капитализме все общественные процессы опосредованы интересами капитала, поэтому эти процессы предстают в искаженной, замакированной форме. Так, западногерманское телевидение рекламирует "чистоту, натуральность и свежесть продуктов... хотя общеизвестно, что выпускается гораздо больше синтетических, чем натуральных продуктов. Товары, объективно вредные для здоровья, оцениваются как натурально чистые: сигареты, спиртные напитки, косметика" (с.185).

"Социальная гигиена в том виде, как она предстает в рекламной фетишизации чистоты, выполняет две функции: во-первых, она помогает компенсировать иррациональность и непроницаемость общественных отношений, во-вторых, она душит в зародыше возможности эмансипированного осмысливания действительности" (с.191). Так, реклама мощных средств попутно внушает, что истинное призвание женщины, любящей чистоту, — домашнее хозяйство.

Авторы приходят к выводу, что телевидение почти не отражает реальных общественных конфликтов. "На телевидении экономические, социальные и политические конфликты мира труда отрываются от причин, их вызывающих, и

подаются зрителю как суррогат с элементами социальной гигиены, формирующей искаженную картину действительности" (с.197).

В книге критикуются взгляды тех буржуазных социологов, которые преувеличивают интегрирующую роль капиталистической системы и утверждают, что эта система уже сегодня функционирует как замкнутая, саморегулирующаяся. Однако роль авторитетов и авторитарных принципов при капитализме очень делика, считают авторы. Одной из важнейших задач телевидения является воспитание аудитории в духе подчинения авторитетам (как функциональным авторитетам "специалистов", так и авторитету капитала) при помощи механизма рекламы.

В то же время, по мнению авторов, воспитание в духе подчинения авторитетам не всегда является злоумышленной манипуляцией, так как "оно базируется на реальной общественной потребности: в эталонах и ориентирующих образцах, возникающей в условиях капиталистической отчужденности" (с.201). Так, в семейных телевизионных сериалах пропагандируется "идеал мелкобуржуазной семьи с ее идеологией послушания, усердия и экономии" (с.203). В вестернах та же идеология подчинения авторитетам проводится в еще более сильной степени.

Западногерманское телевидение во всех передачах из вечера в вечер пропагандирует, с одной стороны, неизбежность подчинения авторитетам, а с другой — необходимость выполнения своего долга. Отношения между высшими и низшими постулируются как вечные и естественные.

Капитализм пытается контролировать все природные способности и потребности людей, в том числе и их потребность в любви. Эта естественная потребность в значительной степени эксплуатируется телевизионной рекламой. Авторы подчеркивают ряд особенностей подобной рекламы. Прежде всего, женщина чаще всего выступает как сексуаль-

ный объект при рекламе тех или иных товаров. Кроме того, различные виды телевизионных передач постоянно преподносят одни и те же штампы семейных и любовных отношений.

Реклама ориентирует потребности женщины на предложения капиталистического рынка. Рекламу косметики, модную одежду и т.д., она заставляет женщину тратить большую часть заработанных денег на их потребление, чтобы самой стать конкурентоспособным товаром на капиталистическом рынке.

Авторы утверждают, что реклама возводит потребление в культ, объявляет его смыслом жизни. Капиталистическая реклама охватывает почти все виды товаров, представленных на капиталистическом рынке. В книге оравнивается воздействие на потребителя рекламы товаров и телевизионных передач и делается вывод, что на первый взгляд "роль телевидения более скромна: одни и те же вестерны, научно-популярные серии, шоу, курсы, информационные программы" (с.220). Создается как бы впечатление, что телевидение имеет более ограниченный арсенал средств воздействия на потребителя, чем другие виды рекламы потребительских товаров. Однако, доказывают авторы, это обманчивое впечатление.

В книге подчеркивается, что телевидение выступает как инструмент "перенесения на общественного индивида чуждых сил..., сил капитала" (с.225). То, что на рынке благодаря рекламе предстает как выбор между двумя товарами, на телевидении выступает в форме выбора между двумя информационными программами, двумя детективами и т.д. Однако как выбор товаров на капиталистическом рынке отнюдь не означает господства потребителя, так и выбор между различными телевизионными передачами означает потребление одной и той же буржуазной идеологии.

В главе "Развитие и организация средств массовой информации" авторы анализируют организационную структу-

ру западногерманских средств массовой информации в их историческом развитии. Большое место в главе занимает вопрос о социально-правовом статусе радиовещания и телевидения. Формально, по Основному закону ФРГ (а также по законам отдельных земель), радиовещание и телевидение строятся на основе федерализма. Телевидение не может принадлежать государству или какой-либо партии. Телевидение не может также быть коммерческим предприятием, так как важнейшим принципом его деятельности является не получение прибыли, а лишь компенсация затрат.

В настоящее время в ФРГ существует восемь радио- и телевизионных компаний, каждая из которых контролируется двумя советами — радиотелевизионным и административным. Советы выбирают руководителя, обладающего исполнительной властью.

В соответствии с подобной структурой радио и телевидение не должны, казалось бы, испытывать влияние частного капитала и буржуазного государства. Однако анализ исторического развития радио, а позднее и телевидения позволяет авторам выявить различные формы их перехода на частнокапиталистические принципы деятельности. Практика показывает, что большинство мест во всех контрольных органах телевидения захватили представители земельных правительств, основных буржуазных партий и монополий.

В работе показано, что состав радиотелевизионного и административного советов, как правило, отражает соотношение политических сил внутри той или иной федеральной земли. Поэтому партийные интересы бесспорно играют ведущую роль в выборе и организации телевизионных передач. Анализ организационной структуры радиовещания и телевидения, особенностей их функционирования на современном этапе позволяет авторам сделать вывод, что, "несмотря на принцип компенсации затрат и общественно-правовую

структуру, радио и телевидение все больше подчиняются принципам частнокапиталистического предпринимательства... На все расширяющемся рынке средств массовой информации они становятся конкурентами среди конкурентов, предприятиями среди других предприятий" (с.274).

Определив сущность и основные направления развития западногерманского телевидения, авторы в последней главе "Классовое общество и борьба средств массовой информации" разбирают роль средств массовой информации в классовой борьбе современного капиталистического общества.

В книге подчеркивается, что соотношение сил в контрольных органах отражается на характере телевизионных передач. Так, любые критические мнения, не соответствующие программным установкам ведущих буржуазных партий, не допускаются на телевизионный экран. В информационных программах представлена практически только позиция правящих классов. По мнению авторов, вся история радиовещания и телевидения связана с политической борьбой, репрессиями и подавлением инакомыслящих, причем "пресечение критики является частью учрежденческого и информационного контроля. Задача этого контроля состоит в том, чтобы регулировать конфликты изнутри, не делая их достоянием общественности" (с.275).

Авторы подчеркивают, что "в настоящее время не только усиливается давление буржуазных партий и их фракций в контрольных органах на средства массовой информации, но и все чаще наблюдаются попытки непосредственного воздействия представителей капитала и его организаций" (с.276). Телевидение пытается бороться против подобного давления с позиций так называемого "нейтралитета" и "устранения односторонности программ". В книге выделяются три основных случая ("синдрома"), когда западногерманское телевидение объявляет ту или иную программу односто-

ронней. Во-первых, односторонним является все, что так или иначе угрожает позициям буржуазных партий, представленных в контрольных органах средств массовой информации. Во-вторых, — все, что затрагивает зону социальных конфликтов. В-третьих, односторонними объявляются передачи, в той или иной форме затрагивающие общие интересы тех буржуазных группировок и организаций, которые представлены в контрольных органах средств массовой информации.

Таким образом, принцип "устранения односторонности программ" на деле дает правящим классам эффективное средство не только для рекламы капиталистической системы, но и для подавления инакомыслящих. Поэтому авторы книги выдвигают тезис о необходимости изменения всей системы западногерманского телевидения. Однако, указывают они, для этого прежде всего необходимо изменить общество в целом. "До тех пор, пока существует противоречие между наемным трудом и капиталом, телевидение будет выполнять свою основную задачу — отрицать это противоречие и пытаться в своих передачах затушевать его последствия". Поэтому "оледует, во-первых, возможно более подробно разъяснять населению функцию средств массовой информации при капитализме, приводить в движение все рычаги поддержки демократических сил внутри средств массовой информации; во-вторых, необходимо рассматривать борьбу средств информации лишь как составную часть классовой борьбы" (с.285).

Авторы указывают на необходимость как политической, так и профсоюзной борьбы. Причем под профсоюзной борьбой они понимают как организацию рабочих, занятых в сфере средств массовой информации, так и борьбу за то, чтобы средства массовой информации отражали интересы рабочего класса. В книге подчеркивается, что профсоюзные методы борьбы, несмотря на все их значение, должны тем не менее "перерасти в борьбу политическую" (с.288).

Важным направлением политической борьбы средств массовой информации должна стать, по мнению авторов, политика союза всех демократических сил. На основе проведенного анализа организационной структуры телевидения в книге предлагается "использовать политику союза демократических сил для адекватного представительства рабочего класса в контрольных органах средств массовой информации, против растущего влияния монополий и государственной бюрократии" (с.291).

В заключительной части книги авторы кратко характеризуют современные теории средств массовой информации, анализируют их роль в классовой борьбе. В частности, они отмечают апологетическую направленность позитивистской теории средств информации (Зильберман, Шойх, Кёнег и др.) находящейся под сильным влиянием американских теорий массовой коммуникации. Свойственный позитивизму неправильный подход к изучению действительности приводит к тому, что названная теория не отражает длительного воздействия средств массовой информации на специфические социальные процессы.

В книге указывается на наличие и целого ряда критических направлений, представители которых исходят из того, что средства массовой информации находятся в руках господствующих классов и являются их идеологическим орудием. Положительные черты этих теорий авторы видят в критике современных средств массовой информации, которые отражают реальные общественные отношения. Однако "эти теории носят абстрактно-интеллектуальный характер и поэтому не могут связать критику идеологии с действиями, потребностями и сознанием потребителей средств массовой информации" (с.297).

Авторы приходят к выводу, что существующие теории средств массовой информации не могут верно отразить бур-

жуазный характер современного телевидения ФРГ. Во-первых, эти теории используют неверный методологический прием: исключают из предмета своего исследования все передачи, которые наиболее активно воздействуют на массовую аудиторию (рекламу, развлекательные программы и т.п.). Во-вторых, "эта критика осуществляется на страницах буржуазной прессы и таким образом не выходит за рамки капиталистической системы" (с.302).

Основная мысль авторов состоит в том, что "критика телевидения должна стать составной частью политической работы" (с.302) демократических сил, использоваться для воспитания и политического образования широких народных масс.

В.В.Холопова

ЭЙДАЛИН М.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА И ИНФОРМАЦИЯ

EYDALIN M.

La propaganda ideologica nel contesto della informazione. - "Saggi e studi di pubblicistica". Ser. 19-20, Roma, 1973, p. 55-99.

Итальянский исследователь Марчелло Эйдалин анализирует место идеологической пропаганды в системе информации.

В основу теоретических посылок М. Эйдалина положена идеографическая формула проф. Ф. Фатторелло, одного из создателей концепции информации как "социальной техники":

$$X) DC - \frac{C}{O} - BC$$

Эта формула показывает процесс информации в направлении от передающего субъекта, т.е. промотора (DC), к субъекту воспринимающему, т.е. рецептору (BC), через инструмент информации (C) посредством придания особой формы, или мнения) (O), объекту информации (X).

Автор использует предложенное Ф. Фатторелло разделение информации на "преходящую" (contingente), т.е. временную или возможную, лежащую в основе журналистики, и

на информацию "непреходящую" (non contingente), относящуюся в большей мере к образованию. При этом "преходящая" информация может выступать в различных формах: в форме событийной информации, идеологической пропаганды, рекламы, "public relations" и т.д., каждая из которых определяется особыми целями и задачами и имеет свои характерные черты.

М.Эйдалин прежде всего останавливается на проблеме определения того или иного вида информации. Он подчеркивает, что в ряде случаев эти виды могут иметь общую основу, а потому их определение должно отталкиваться от изучения "конечного продукта" в процессе информации. Однако в чистом виде тот или другой вид информации предстает перед нами не часто, за исключением тех случаев, когда, например, публикуется изложение тезисов партийного деятеля или статья, отмеченная в заголовке как промышленная информация, которые являются типичными видами идеологической пропаганды или институциональной информацией. Единственный способ выделить принадлежность информации к той или другой категории, по мнению автора, проявляется в эмпирическом исследовании. При этом должны тщательно изучаться конечная цель, характеристики "O", т.е. формы или мнения, приданных информации, а также сам объект информации, т.е. "X". Другими словами, требуется основательное изучение самого процесса информации с учетом всех его компонентов. Для определения видов информации в сомнительных случаях автор предлагает обращаться к экспериментальным методам типа контентанализа, применяемого американскими исследователями (Г.Ласуэлл и др.).

Рассматривая идеологическую пропаганду как один из видов "преходящей" информации, М.Эйдалин замечает, что некоторые виды информации могут быть легко квалифи-

цированы как пропаганда, а некоторые несут на себе черты других видов информации, которые как бы наслаиваются друг на друга. По мнению автора, нельзя говорить о коммунистической "пропаганде" и либеральной или неокантиалистической "информации" (с.61), что и в том, и в другом случае речь идет об идеологической пропаганде. А это, в свою очередь, говорит о том, что так называемая "информационная печать" по сути своей является средством идеологической пропаганды. В целом М.Эйдалини считает, что нельзя точно сказать себе: "сегодня я веду пропаганду" или "сегодня я информирую", - и присоединяется к мнению Г.Маркузе о том, что невозможно провести четкие границы между средствами массовой коммуникации как средствами информации или развлечения и как средствами манипуляции или внедрения доктрин.

Только тогда, утверждает автор, когда субъект, передающий информацию, смог бы освободиться от своих индивидуальных склонностей, определяемых в известной мере принадлежностью к какой-либо социальной группе, к партии, к политическому течению и т.д., - а это абсолютно невозможно, - только тогда можно было бы иметь информацию, очищенную от всяких следов пропаганды. Следовательно, всякая информация в определенной мере "пристрастна". В подтверждение этой мысли автор приводит образное сравнение информации с питьевой водой. "Информация, - пишет он, - более или менее пристрастна, как и питьевая вода более или менее богата колониями бактерий. Однако вода, богатая такими колониями, будет приемлемой для людей, которые привыкли к ней, и может оказаться пагубной для случайных потребителей. Если же колонии бактерий будут слишком многочисленны, то вода, перенасыщенная ими, окажется опасной для всех" (с.62).

Утверждая, что в большинстве случаев информация "пристрастна", т.е. в ней присутствуют пропагандистские

черты, М.Эйдалин пытается определить границы между идеологической пропагандой и институциональной информацией (public relations). Поскольку у этих двух видов информации схожи и формы, и конечные цели, и провести четкие границы между ними трудно, то автор советует искать различие между ними в этическом плане, т.е. следить за тем, где кончается область чистого знания, ознакомления аудитории с предметом информации, и где начинается интенсивное действие, направленное на его пропаганду. Однако здесь автор предостерегает читателей от оценки пропаганды как "предосудительного дела". По его мнению, она является частной информационной категорией и сама по себе не может быть ни плохой, ни хорошей. Другое дело, что она может либо быть использована с добрыми намерениями, либо побуждать к действиям, предосудительным в этическом плане.

Не являясь "злом" в потоке "пристрастной" информации, идеологическая пропаганда, по мнению М.Эйдалина, предстает как более или менее сознательное и сильное действие, направленное на присоединение воспринимающего субъекта к формуле мнений для достижения определенного социального или политического результата. В отличие от идеологической пропаганды остальная информация призвана ознакомить людей как с фактами и текущими событиями, так и с идеологией, не понуждая их к принятию мнений на базе иррациональных элементов. Для пропаганды же характерен отбор сословий, подчеркивание одних аргументов и замалчивание других, не менее важных, но не нужных для данной цели. Любая форма пропаганды стремится утвердить идею, личность, символ, предмет и т.д.

Принятие индивидом формулы предложенных мнений ведет к различным видам пропагандистского воздействия.

М.Эйдалин усматривает здесь три возможных варианта: укрепление предшествующего поведения, некоторое изменение его и преобразование одного в другое. Переходя к тому, как должно осуществляться это воздействие, автор уделяет значительное внимание продолжительности пропагандистского воздействия, определение которого он считает одной из важнейших задач передающего субъекта. Продолжительность пропагандистского воздействия должна соответствовать времени, необходимому для того, чтобы добиться от воспринимающего субъекта перехода от мнения к желаемому действию. Причем, по мнению автора, все более интенсивный процесс социализации общества ускоряет этот процесс.

Особое внимание автор уделяет особенностям личности воспринимающего субъекта. Отмечая наличие рационального и чувственного начал в человеке, М.Эйдалин в основном апеллирует к иррациональным элементам его сознания. Он рассматривает поведение и инстинкты человека, особенно выделяя среди них агрессивный и стадный, а также указывает на "двух троянских коней" в пропаганде — стереотипы, свойственные "преходящей" информации, и мифы, присущие и "преходящей", и "непреходящей" информации. Пропаганда в своих различных формах широко использует стереотипы, т.е. простейшие психологические формулы, которые быстро внедряются в сознание и тем самым являются наилучшим средством для достижения немедленного результата. Различные виды стереотипов (устные, письменные, зрительные) одинаково широко используются в пропаганде. Столь же большое значение в пропаганде имеют и мифы, базирующиеся на склонностях и инстинктах человека. Феномен "мифизации" сопровождается возникновением традиций и моды, которые, в свою очередь, усиливают и поддерживают его. Во многих случаях, пишет автор,

сама личность способствует возникновению мифа, но без орудия массовой информации, без информации вообще миф не смог бы получить дальнейшего развития. В современных условиях мифы приобретают большое значение еще и потому, что они тесно связаны с политикой, а естественной политической деятельностью является пропаганда.

Однако, вновь подчеркивает автор, трудно определить границы, где информация превращается в пропаганду, а также провести грань между разными формами пропаганды. Тем не менее у идеологической пропаганды есть одно характерное свойство. В отличие от других форм пропаганды (рекламы, public relations) идеологическая пропаганда обладает возможностью вызывать своим негативным действием противодействие, т.е. контрпропаганду. Поэтому, когда говорят о контрпропаганде, то уже не следует употреблять определения "идеологическая", поскольку не существует ни контррекламы, ни контр-public relations. В коммерческой пропаганде, например, атаковать конкурента нельзя по этическим законам рекламы.

Как в коммерческой рекламе имеется товар и тот, кто его рекламирует, пишет автор, так и в идеологической пропаганде есть идеолог и идеологический пропагандист. Идеолог производит идеи, на которых базируется его идеология, он создает своего рода продукт, а идеологический пропагандист определяет, какие идеи имеют особую ценность, в какой момент и для какой аудитории. Затем идеологический пропагандист придает этим идеям особую форму и отправляет их к воспринимающему субъекту. Однако чаще всего между фигурами идеолога и идеологического пропагандиста возникает посредник: политик, точнее политик, специализирующийся в области идеологии, т.е. теоретик партии. Тогда путь идеологической пропа-

Д.У.Смайт раскрывает сущность "культурной революции" в своем понимании и условия, в которых она происходила. После создания КНР страна должна была принять или отклонить модели институтов, ценностей и отношений, унаследованных от предшествующей системы. В период "культурной революции" проходил процесс реформирования социальных институтов или, по словам китайских лидеров, "идеологии и политического сознания". Автор анализирует социально-культурный уровень страны в период до "культурной революции" и после нее. 75% населения, пишет он, состоит из бедные крестьяне и крестьяне со средним достатком. По словам Мао, в 1957 г. в Китае было около 5 млн. работников умственного труда, то есть менее 1% населения. Из них от 1 до 3% (от 50 тыс. до 150 тыс.) человек были настроены враждебно по отношению к социализму. "Такие люди, - говорил Мао, - наверняка имеются в политических кругах, а также в коммерческих, культурных сферах, в области образования, науки и техники, религии; эти люди чрезвычайно реакционны". 10% из общего числа китайской интеллигенции (500 тыс. человек) были коммунистами или сочувствующими; остальные - около 90% - "желали изучать марксизм... но их позиция еще не тверда.., они колеблются в выборе своего пути" (с.7). Небольшая часть китайской интеллигенции все еще находилась под влиянием искусства и литературы 30-х годов (т.е.гоминдановского искусства).

Определенную угрозу социалистической программе представлял собой средний класс и остатки высшего класса.

По мнению автора, основное содержание "культурной революции" в Китае составляли споры по вопросам политики государства в экономической сфере. С одной стороны, имелись сторонники постепенного индустриального разви-

тия страны. С другой стороны, существовали группировки, считавшие, что нужно заниматься не планированием, управлением и администрированием в промышленности (это лишь замена капиталистических управляющих на социалистических бюрократов), а формировать такую экономическую структуру, которая была бы основана на "служении людям", а не на создании субординации между классом рабочих и крестьян и администраторами. Не обязательно, чтобы подобная эволюция проходила равномерно, постепенно; наоборот, желательны "скачки" в развитии. Коренное значение для этого второго пути имеет изменение самого сознания людей, для чего необходимо преобразовать структуру всех институтов, формирующих общественное сознание. Эти институты должны были возглавить мобилизацию всех сил на дело служения народу, "служения людям". Причем задачи социалистического развития должны были решаться не элитой и специалистами, а всеми и каждым, отмечает Д.У.Смайт.

Анализируя "культурную революцию", необходимо учитывать, указывает автор, боязнь Китая пойти по капиталистическому пути развития, что, по мнению китайцев, произошло с Советским Союзом. Кроме того, американская агрессия — длительное вмешательство в китайскую гражданскую войну, Тайвань, военные действия в Индокитае, непрерывный экономический бойкот со стороны США — все это рассматривалось как постоянная угроза для социализма в Китае.

Существовала и другая опасность, на которую указывали Мао и его сторонники — угроза ревизионизма за счет развития бюрократии, элитаризма и пр. Необходимо оказывать доверие массам бедных крестьян и середняков, рабочим и солдатам. Ревизионистской считалась политика

приема на работу, отдававший предпочтение технической квалификации и умению хозяйствовать по сравнению с идеологической подготовкой.

Мао считал литературу и искусство одним из средств защиты от этих опасностей. Он выступает против элитаризма писателей, настаивая на том, чтобы они учились у крестьян. "Я пришел к пониманию того, - писал Мао, - что, по сравнению с рабочими и крестьянами, интеллигенция не так уж чиста, и что весьма чистыми людьми являются рабочие и крестьяне" (с.8).

Характеризуя содержание "культурной революции", Д.У.Смайт утверждает, что она была не борьбой за власть, а дискуссией в национальном масштабе, направленной на определение целей и политики развития страны. Первоначально дискуссия, инициатором которой был Мао, проходила в форме споров о книгах, операх и спектаклях и об их идеологическом воздействии и содержании. Дискуссия проводилась в университетах и школах, где студенты критиковали элитаризм и карьеризм своих наставников; она затронула партию и весь правительственный аппарат, все массовые организации. Своим апогеем "культурная революция" достигла в середине 1966 - конце 1967 г.

Д.У.Смайт анализирует действие средств массовой коммуникации в период "культурной революции". Автор считает, что главное отличие положения, сложившегося в сфере средств массовой коммуникации до "культурной революции" и после нее, заключается в следующем.

До "культурной революции" политика в области массовой коммуникации отличалась меньшей твердостью, определенной внутренней непоследовательностью, что открывало дорогу либеральному (или, как говорят китайцы, "суржуазному") содержанию, если и не в открытой, то, во всяком случае, в замаскированной форме. Политическая

пропаганда понималась довольно узко, т.е. к ней непосредственно не относили искусство и литературу. Материалы, распространявшиеся по каналам массовых коммуникаций, в основном представляли "человеческий интерес".

По мнению Д.У.Смайта, политика по вопросам литературы и издательского дела до "культурной революции" находилась под сильным влиянием буржуазного критического реализма. Защитники "правдивой литературы" выскивали неприглядные стороны жизни в социалистическом обществе, "гнилое наследие предосвободительного периода". Другие - сторонники "широкой дороги реализма" - считали, что каждый автор может писать то, что соответствует "его личному опыту, образованию, темпераменту и его творческой индивидуальности". До "культурной революции" ставились зарубежные пьесы, была распространена западная музыка, демонстрировались кинофильмы социалистических стран и т.д.

В результате "культурной революции", пишет Д.У.Смайт, общественные институты в своей деятельности стали строго руководствоваться установами Мао Цзэ-дуна: "или революционеры, или реакционеры будут вести пропаганду в своих собственных интересах". Автор приводит заявление Ли Шу-фу, ответственного сотрудника Отдела по политическим вопросам Революционного комитета провинции Гуандань: "Единственной задачей нашей пропаганды является укрепление диктатуры пролетариата и предотвращение реставрации капитализма в Китае". После "культурной революции" китайцы, исходя из маоистского положения об обострении классовой борьбы при социализме, считают необходимым "использовать все средства массовой коммуникации исключительно для целей определения социалистического пути и разъяснения его друг другу... Поэтому учреждения массовой информации, система образования и т.д. должны служить "линии масс"(с.8).

В проведении "линии масс" Д.У.Смайт выделяет несколько "доминирующих тем". Главная из них сформулирована в словах "служить народу". Суть ее сводится к тому, что предпочтение отдается формам морального общественного поощрения, система материального стимулирования исключается. Общественно ценным считается бескорыстное служение народу. Вторая тема - "учиться у Дачжя". Это - поощрение социалистического соревнования за достижение успехов в социалистическом строительстве, причем соревнования не отдельных лиц, а коллективов. Третья тема - "опора на собственные силы". Поощряется самостоятельное решение производственных проблем, без обращения за помощью к центральным органам. Четвертая тема - "бунт - дело правое". Это положение направлено на стимулирование мысли и действий на местах. Пятая тема - "применять теорию к практике, извлекать теорию из практики".

Более конкретно изменения в средствах массовой коммуникации проявились, прежде всего, в изменениях программ и содержания. Если до "культурной революции" было много научно-познавательных радио- и телепередач, были фильмы, "воспевающие любовь", научно-популярные фильмы, "восхвалявшие интеллигентов-специалистов" и т.д.,

что, по словам китайцев, укрепляло буржуазный индивидуализм и отвлекало народ от строительства социализма, то после "культурной революции" произошли коренные перемены: 45% времени радиопередач посвящено информативным музыкальным программам по образцовым спектаклям, программы новостей на радио и телевидении и соответствующие разделы в газетах отводятся, главным образом, сообщениям об успехах в организации производства на различных предприятиях, международные сообщения составляют менее одной трети программ и разделов.

Вторым значительным изменением является то, что если до "культурной революции" учитывалась "выгодность", рентабельность средств массовой коммуникации (широкоэкранные кинотеатры были только в крупных городах, а во многих деревнях вообще не было киноустановок), то после нее "китайская политика доступности средств массовой коммуникации основывается больше на нуждах публики, чем на стоимости и доходе" (с.9). Произошло значительное расширение сети службы массовой коммуникации, информация стала доступнее для потребителей и дешевле.

Автор отмечает также непривычную для западного наблюдателя тесную зависимость средств массовой коммуникации в КНР от других политических и государственных организаций и рассматривает механизмы контроля за средствами массовой коммуникации. По мнению Д.У.Смайта, киностудия в Гуанчжоу является примером того, как "культурная революция" повлияла на организацию массовых коммуникаций и многих других общественных институтов Китая. До "культурной революции" партийное руководство не сумело организовать контроль за деятельностью этой студии. Киноработники исходили из своих личных интересов. Их взгляды были буржуазными, и, соответственно, такой же была их продукция. После "борьбы, критики и реформ" студия отказалась от услуг "независимых" специалистов и открыла дверь для всех. Сейчас в кинопроизводстве участвуют народные массы. Артисты работают и живут вместе с массами, чтобы лучше их узнать и изучить. На основе этого опыта вносятся коррективы, которые должны быть одобрены Отделом литературы и искусства провинциального Революционного комитета. Этот Отдел может рекомендовать и тематику фильмов, соответствующую его пропагандистским планам. Он участвует также в выборе тех или иных объектов и групп населения, которым будет посвящен фильм. Сходный процесс происходит в газетах и на радиовещании.

Борьба против "специалистов" во время "культурной революции" привела к тому, что в КНР в средствах массовой коммуникации работает много людей, не получивших специальной подготовки. Тем не менее в большинстве случаев, утверждает Д.У.Смайт, они удовлетворительно выполняют свои обязанности. Более того, одна из главных задач в новой политике управления средствами массовой коммуникации заключается в том, чтобы наладить сменяемость состава профессиональных работников.

Подводя итоги своих наблюдений, автор делает вывод, что цель искусства, литературы и народной культуры в КНР заключается сегодня в том, чтобы "направлять и координировать усилия людей, вдохновлять, внедрять и развивать социальные ценности, связанные с идеей коллективного процветания" (с.10). Новая политика в области культуры и в области массовой коммуникации должна служить "экраном, который пропустит все общественно-полезные и отсеет общественно-вредные явления капиталистической культуры" (с.10). При этом китайцы, считает Д.У.Смайт, столкнутся с невиданными трудностями, поскольку практически все предметы материальной культуры современности являются порождениями капиталистического общества и отражают идеологию капитализма.

А.Л.Коровина

**БОЛИНДЖЕР Д.
ПРАВДА - ВОПРОС ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ**

BOLINGER D.

**Truth is a linguistic question -
"Language", Baltimore, 1973, vol. 49,
N 3, p. 539-550.**

Д. Болинджер - профессор Гарвардского университета (США), филолог, занимающийся проблемами лингвистики.

В своей статье автор выдвигает тезис: "Правда - основной вопрос, стоящий перед лингвистикой. Истинная коммуникация подразумевает недопустимость недомолвок собеседников, а также логически исключает все формы обмана, не говоря уже о ложных утверждениях. Поэтому лингвистам особенно необходимо изучать ложь во всеобъемлющем значении этого слова, ибо в настоящее время она культивируется как искусство. Как члены общества лингвисты обязаны внести свой вклад в разработку этой проблемы. К счастью, некоторые лингвисты занялись исследованиями имплицитной лжи в различных предположениях, замалчиваниях, косвенных высказываниях и отягощенных элементах жаргона" (с. 539).

Д. Болинджер развивает эту мысль, утверждая, что лингвисту необходимо стать общественным критиком, в то время как до сих пор он был лишь помощником социолога.

В 1941 г. в США существовала группа, именовавшая себя Институтом анализа пропаганды, которая после тридцатилетнего перерыва возобновила свою работу в 1973 г. уже с участием лингвистов. Кроме того, Школа семантиков также занималась решением подобных вопросов. Автор осылается также на выступление конгрессмена Р.Дригана, который в 1972 г. обратился к преподавателям английского языка, призывая к профессиональной ответственности преподавателей-лингвистов, которые часто забывают, что контекст имеет не только лингвистическую, но и социальную ценность.

По мнению автора, язык сам становится источником лжи. Простое использование слов еще не является ложью, но способ их применения людьми может привести к лжи.

Для того чтобы дать определение правде с лингвистической точки зрения, Д.Болинджер прежде всего решает вопрос соответствия слов в языке — как содержанию, так и форме. Если лингвисты исследуют с профессиональной точки зрения соответствие того или иного диалекта, той или иной ситуации, то вполне логично, что они должны обратить внимание и на соответствие словесных описаний фактам истинного содержания. По мнению автора, от значения частностей до значения целого всего лишь один шаг.

Правда, считает Д.Болинджер, — это такое качество языка, при помощи которого мы информируем себя. Буквальная правда подразумевается лишь частично, поскольку и буквальная правда включает множество вариантов. Правду вообще нужно отличать от исторической правды, ибо в языке, который информирует, должен присутствовать элемент "безвременности". О правде можно сказать то же, что и о справедливости: запоздалая правда — уже не правда. Самое коварное из всех понятий правды — это буквальность передачи информации.

Возможности обмана при коммуникации превзошли все пределы терпения, пишет автор. Он считает, что правде должны соответствовать не факты и абстрактные предложения как таковые, а факты и предложения в контексте, а контексты всегда включают намерения. Поэтому автор различает два вида лжи: ложь преднамеренную и ложь по привычке, когда люди верят своей собственной пропаганде. Робин Лакоф пишет по этому поводу: "Для того, чтобы понять многие правила, по которым строится речь участников коммуникационного акта, необходимо понять социальную значимость контекста, а также и другие имплицитные (подразумеваемые), допустимые возможности использования слов, которые позволяют себе участники разговора" (с.542).

Неотъемлемой составной частью социального подтекста, определяющего особенности использования правды в языке, является правильное соотношение того, что мы думаем и знаем, с тем, что мы выражаем нашим выбором лексико-грамматических средств. Само осуществление большей части лексического массива зависит от этих факторов и объясняет жизненно важную ценность некоторых языковых конструкций и клише.

В подтверждение этой мысли Д.Болинджер приводит примеры из грамматики. Так, наиболее часто встречаются недомолвки. В структуре предложения это выражается в отсутствии причастности говорящего к высказываемому. Например: ("America is lagging behind Russia in arms production") "Америка отстает от России по производству оружия". Без всяких указаний на доказательства нам нужно принять это на веру, но если бы говорящий сказал: "Я думаю, что Америка отстает..." ("I think that America is lagging..."), или "Мой шеф сказал мне..." (My chief of staff informs me...), или "Держу пари, что Америка отстает..." ("I'll just bet America is

'lagging..."), то такое дополнение определяло бы меру достоверности информации. По сравнению с другими отрицательными элементами недомолвки ("missing performative") представляют собой наименьшее зло в арсенале лжеца, поскольку даже если в предложении имеется эксплицитное выражение причастности какого-то лица к высказываемому, читатель все же может потребовать доказательств.

Значительно опаснее ложь менее заметная, которая может быть выражена в использовании страдательного залога без указания на производителя действия, подразумеваемого в данном предложении (deleted agent of the passive). Это основное синтаксическое средство софистических измышлений в арсенале пропагандиста. Вместо того чтобы употребить словосочетание "Они говорят" ("they say"), при котором у внимательного читателя может возникнуть вопрос "Кто они?" ("who's they?"), тот или иной автор подает глагол в страдательном залоге, чтобы не вызывать у читателя подобного вопроса. В основном этот лингвистический прием используется в газетных заголовках. Читателю дается возможность подразумевать неопределенного "деятеля", что делает употребление страдательного залога прекрасным грамматическим средством для прикрытия лжи. Использование страдательного залога, по мнению Д.Боллинджера, гораздо более уместно в научной прозе, где акцент делается на процесс действия, а не на людей, которые его выполняют. Так, выражение "считают" ("It is believed") — прекрасная грамматическая конструкция, которую можно широко употреблять в научной прозе, но не в пропагандистском и особенно в газетном тексте. Автор считает также вполне допустимым использование этого приема для писателей, которые, стремясь "затушевать свое лицо", употребляют страдательный залог с неизвестным деятелем, например: "Считается, что

таких инотрукций легко придерживаться" ("It is believed that these instructions will prove easy to follow"). В подтверждение этого положения он приводит цитату из произведения Достоевского, когда восемь конструкций в страдательном залоге следуют одна за другой, создавая впечатление Железного общества, в котором индивид не присутствует. Таким образом, Д. Болинджер приходит к выводу, что страдательный залог широко используется для создания sophisticated языковых конструкций.

Следующим примером является употребление "пассивного прилагательного" (passive adjective). Например: "В V в. известный мир ограничивался Европой и небольшими частями Азии и Африки" ("In the 5th century the known world was limited to Europe and small parts of Asia and Africa"). Что имеется в виду под выражением "известный мир"? Известный кому?

Глагол "казаться" ("seem") дает, по мнению автора, большие возможности для обмана. Обычно с ним связано использование оборота Nominative + Infinitive. Собственно широкое использование этого глагола является разновидностью все того же страдательного залога с неизвестным деятелем. Глагол "казаться" лишь вносит новый стилистический оттенок в синонимический ряд пропагандистских грамматических клише. Как правило, этот глагол используется для того, чтобы скрыть экспрессивные выражения того или иного деятеля по тем или иным международным проблемам: "Кажется, на протяжении всей истории требовалось наказание преступника" ("The need for punishment seems to have the support of history"). "Кажется" - кому? Отсутствие ответа на этот вопрос делает утверждение голословным.

Однако, отмечает автор, основной арсенал "лжеца" составляют не грамматические средства, а лексические.

Допустим, в таком словосочетании, как "тонкое замечание" ("intelligible remark") или "допустимое извинение" ("acceptable excuse") имеется скрытая предикация, и, при желании, можно задать вопрос: "Тонкое замечание кому?" ("Intelligible to whom?"). Что же касается номинативных словосочетаний (nominal compounds), то они выглядят "непроницаемыми". Предикация в них абсолютно отсутствует. Д.Болинджер считает, что "именно беспомощность заставляет политических комментаторов применять ложь посредством использования такого количества номинативных словосочетаний" (с.544).

Сам акт использования "непроницаемых" номинативных словосочетаний плюс благоприятный или неблагоприятный тон высказывания — любимое изобретение пропагандистов, рафинирующая искусство лжи. Иногда изменение интонации может превратить правду в ложь. Поэтому, считает Д.Болинджер, комментаторы так часто лгут, используя такое огромное количество "непроницаемых" номинативных словосочетаний. Когда Генри Стил Коммерджер обвинял административную Никоона в замене Большой Лжи на ее "небольшие" количества, то, как отмечает автор, все примеры, приводимые им в подтверждение своего обвинения, представляли собой номинативные словосочетания. Г.Коммерджер дает образцы таких "замен": вместо "бомбить" ("bombing") употребляется "защитная реакция" ("protection reaction"); словосочетание "концентрационные лагеря" ("concentration camps") заменяется на "центры успокоения" или "лагеря беженцев" ("pacification center" или "refuge camps") и т.д. В связи с этим Д.Болинджер приводит заявление конгрессмена Дринана: "Язык — это не просто способ, посредством которого мы проводим нашу внешнюю политику; язык — это наша внешняя политика" (с.549). Итак, заключает автор, правда — это лингвистический вопрос, потому что коммуникация невозможна без нее.

Д.Болинджер приводит правила, которых следует, по его мнению, придерживаться в разговорной ситуации:

1) то, что сообщается, должно быть правдой;

2) необходима четкая формулировка того, что передается;

3) в случае констатации фактов говорящий подразумевает, что слушатель поверит тому, что он говорит (согласно I-му правилу).

Болинджер подчеркивает, что задача лингвистов - исследовать правильность использования языка хотя, разумеется, каждый из ученых может подойти к этой проблеме по-своему. Лингвистам необходимо бороться против "фальшивой рекламы" и "фальшивой коммуникации" за журналистскую этику языка, за такой подход к интерпретации фактов, который бы отличался от пропаганды.

Т.С.Ларина